

А. А в р о р о в а

ИИИИ

Отстрел
непуганых
мужчин

ЭЛЕМЕНТЫ В ГЛАЗАХ ЖЕНЩИНЫ

Annotation

Две подруги-студентки — Оля и Аня — едут к Черному морю в надежде встретить мужчин своей мечты. Беспечное пребывание на курорте быстро заканчивается — отдыхающие мужчины один за другим погибают: сначала кинжалом убивают тихого Петра Михайловича, затем — бизнесмена Лешу. В чем причина убийств — случайная драка с местной шпаной, как полагает милиция? Конфликты между соседями по турбазе? Или дело в чем-то другом? Девушки понимают: среди узкого круга их новых знакомых — преступник, и его необходимо вычислить. Это нелегко, тем более что как раз в это время они нашли своего прекрасного принца — одного на двоих...

- [Александра Авророва](#)
 - [Глава 1. Бэби и я](#)
 - [Глава 2. Заповедник непуганых мужчин](#)
 - [Глава 3. Митя и Петр Михайлович](#)
 - [Глава 4. Руслан и Леша. Света и Лариса](#)
 - [Глава 5. Максим и Лида](#)
 - [Глава 6. Остальные пятеро](#)
 - [Глава 7. Странный вечер](#)
 - [Глава 8. Разговор с Бэби](#)
 - [Глава 9. Утро того самого дня](#)
 - [Глава 10. Последние часы до...](#)
 - [Глава 11. Первое убийство](#)
 - [Глава 12. Что же все-таки случилось?](#)
 - [Глава 13. Утро следующего дня](#)
 - [Глава 14. Затишье](#)
 - [Глава 15. Второе убийство](#)
 - [Глава 16. Решение Бэби](#)
 - [Глава 17. Убийцы найдены?](#)
 - [Глава 18. Неожиданный союзник](#)
 - [Глава 19. Ирочкины тайны](#)
 - [Глава 20. Сюрпризы судьбы](#)
 - [Глава 21. Жизнь продолжается](#)

- [Глава 22. Одна тайна раскрыта](#)
 - [Глава 23. Первые итоги](#)
 - [Глава 24. Круг сужается](#)
 - [Глава 25. Страшная ночь](#)
 - [Глава 26. Черт засмеялся, и бог не спас](#)
 - [Глава 27. Тайна Бэби](#)
 - [Глава 28. Тайна Мити](#)
 - [Глава 29. Дома](#)
 - [Глава 30. Разгадка](#)
-

Александра Авророва
Отстрел непуганых мужчин

Глава 1. Бэби и я

Как ни странно, в эту историю нас втравил не кто-нибудь, а отец Бэби. Бэби — моя закадычная подруга аж с восьмого класса. Мы с нею вместе учились в гуманитарной гимназии, а недавно вместе же закончили третий курс филологического факультета университета. И вообще, мы с ней всегда вместе! Некоторые удивляются, почему мы много лет так здорово ладим и почти не ссоримся, а я думаю, дело в том, что мы очень разные. Вообще-то, Бэби зовут Аней, но никто ее по имени не называет, настолько ее внешность соответствует прозвищу. Бэби небольшого роста, причем не то, чтобы слишком худая, даже скорее гладенькая, однако вся очень миниатюрная, с маленькими ручками и ножками и трогательной детской шейкой. У нее светлые кудряшки и мелкие правильные черты лица, оживленные чуть вздернутым носиком. Короче, куколка, только не Барби, конечно, а... ну, Бэби, и все тут! Оживший пупсик. У большинства мужчин при виде нее челюсть отвисает от восторга, и они тут же идут в атаку, полагая, что обвести вокруг пальца подобное существо под силу любому дураку. И здорово ошибаются! Чем бороться с Бэби, лучше сразу броситься под паровой каток. Она умная, как сто чертей, а характер у нее железобетонный. Или, например, металлокерамический. Маме ставили такие коронки на зубы, безумно дорогие. На вид — хрупкий фарфор, а врачи уверяют, что прочность необыкновенная. Вот подобный характер у моей подруги. Я ею просто восхищаюсь!

Я-то сама слабовольная. Мама говорит, лень раньше меня родилась. Не успела, говорит, ты на свет божий появиться, а лень твоя уже тут как тут, на подоконнике сидит. Хотя я не согласна. Видала я и поленивее. Однако по сравнению с подругой я и вправду пассивная амеба, каковая всю свою жизнь проводит в ближайшей луже и даже размножаться намерена исключительно посредством деления. Для меня лучшее времяпрепровождение — валяние на тахте с интересной книжкой, которую можно в любой момент отложить в сторону, чтобы помечтать. Только эта радость выпадает мне нечасто. Стоит приютиться — тут же врывается пышущая энергией Бэби и куда-то

тащит. Сперва я сопротивляюсь, потом подчиняюсь, а в результате оказываюсь довольна. По крайней мере, скучать с Бэби не приходится никогда, что, согласитесь, немаловажно в нашей обыденной жизни.

Впрочем, я отвлеклась. Я ведь собираюсь рассказывать не о нас, а о том, что с нами произошло этим летом. Похоже на название школьного сочинения, да? «Как я помогала дедушке на сенокосе» или что-нибудь подобное. К сожалению, тема моего нынешнего сочинения гораздо страшнее. Я довольно долго размышляла, можно ли в принципе делать убийство — а в нашем случае даже несколько убийств — поводом для литературного творчества. Размышляла, пока не поняла — выбора у меня нет. Если я не опишу то, что случилось, у меня просто крыша поедет, честное слово! Я же не виновата, что я меня такой характер. Наверное, из-за него я и пошла на филфак. Все, что меня мучит, я с детства привыкла изливать в стихах. Однако сейчас, разумеется, стихи были бы по меньшей мере неуместны. Я ни одного не сочинила с того момента, когда... Ну, я до него еще дойду. Короче, стихов не рождается, а на душе будто скребется кто-то потихоньку. Я наконец-то поняла, откуда взялось стандартное выражение — «кошки на душе скребут». Именно это я и чувствую. А опишу — глядишь, успокоюсь. Главное, не бухать сразу самое ужасное, а начать с начала, будто и не подозреваешь, что ждет дальше. Сперва познакомить вас со всеми, кто оказался втянут в эту страшную историю, подобно тому, как знакомились с ними мы, и лишь постепенно... постепенно...

Итак, в эту поездку нас втравил Бэбин папа. Стоял июнь, всю шла сессия, и мы сразу после экзамена по лингвистике отправились к Бэби домой перекусить, поскольку она живет ближе. Моя подруга, как всегда, получила пятерку, я же впервые в жизни схлопотала тройку. Вообще-то учусь я хорошо, но данный случай был особый, и давно знающая меня собеседница моментально все сообразила.

— Ты все-таки вчера туда ходила, — не спросила, а сообщила она по дороге.

— Да, — вздохнула я.

Дело в том, что накануне в концертном зале выступал Олег Погудин. Он поет романсы, и у меня от звуков его голоса просто душа уносится на небеса. Даже когда слушаю кассеты или диски, а тем более живьем. И вовсе это не значит, что я в него влюблена, тут Бэби

ошибается. Она упорно пытается меня убедить, что неразумно тратить свои чувства на человека, с которым тебе никогда в жизни и словом не придется перемолвиться. А я, между прочим, как раз перемолвилась. Я подарила ему цветы и сказала: «Спасибо», а он мне ответил: «Это вам спасибо». Настоящий диалог! И вообще, если я уплываю от его пения, так это еще не значит, что я бегаю за ним и мечтаю оторвать на память кусок его фрака. Я восторгаюсь искусством Олега, а не им самим. Подруга же моя утверждает, что логичнее с моей стороны было бы за ним бегать. Мол, нет ничего глупее романтической привязанности к знаменитости, но уж коли угораздило, так следует любой ценой добиться внимания и выделиться из общей массы. А если мне и без того хорошо? Главное, не пропустить ни одного концерта. Даже когда концерт накануне экзамена. Даже когда экзамен — лингвистика.

Однако Бэби со мной не согласилась. Разумеется, она права и лингвистика — редкостное занудство и вбивается в голову с трудом, а вылетает оттуда моментально. Только при выборе между занудством и Олегом Погудиным я долго колебаться не стану. Спорить с подружкой я тоже не стану. Нет у меня такой энергии, чтобы с нею спорить. Я подтвердила, что терять на развлечения последние часы, которые можно истратить на подготовку, нормальный человек не будет, а сама побежала потихоньку и купила с рук билет. Удовольствие получила непередаваемое, зато научные знания, приобретенные за последние дни, обиделись и куда-то делись. А может, причина в том, что мне было на них не сосредоточиться. Я ведь учила, и долго учила, но наутро у меня перед глазами стояло лицо Олега, а в ушах звучал его голос. То, о чем допытывался экзаменатор, казалось неважным и неинтересным. В результате — тройка и большие проблемы со стипендией на следующий семестр. За удовольствие, как известно, надо платить.

— Ты ведь обещала, что не пойдешь, — строго заметила Бэби. — Как маленькая, честное слово.

— Я не обещала, — возразила я. — Я сказала, что нормальный человек не пойдет, но не гарантировала, что я нормальный.

Моя подружка задумалась. Что мне в ней нравится, так это справедливость.

— Да, пожалуй. Я, конечно, сама виновата — надо было лучше за тобой следить. Если тебе не дадут стипендию, я отправлюсь по

инстанциям и попытаюсь что-нибудь сделать. Не переживай!

Представляете — и больше никаких упреков! Что называется, проехали. Она никогда не пилит, если не видит в этом смысла.

Глава 2. Заповедник непуганых мужчин

А дома нас огорошил ее папа.

— Девочки, — радостно улыбаясь, заявил он, — у меня есть возможность достать вам путевки в пансионат под Адлером.

— Зачем? — искренне удивилась я. — Мы можем опять поехать к моей тете. Она очень зовет.

У меня тетя живет в Ялте, и мы с Бэби отдыхаем там почти каждое лето.

Василий Григорьевич пожал плечами:

— И не надоело вам вечно в одном и том же месте? К тому же на Украину нынче безумно дорогие билеты.

— Зато проживание бесплатное, — парировала его практичная дочь. — Папа, ты что-то темнишь. Что значит — «достать путевки в пансионат»? Плати деньги да покупай. Вон, газеты ломаются от всякой рекламы. Или это нечто особенное?

— Ну, — смутился Василий Григорьевич, — можно выразиться и так.

— Дача Сталина, — не выдержав, хихикнула я.

У меня язык без костей, но знакомые давно привыкли и не обижаются.

— Так что за пансионат? — мою подругу нельзя было сбить в сторону от намеченного пути.

— Целевой пансионат министерства судостроения.

— А что, — опешила я, — там так уж хорошо? Почему именно туда?

— Ну... ну, я решил, что вам там понравится. Для разнообразия. Там такие симпатичные домики среди деревьев, и пляж рядом. Опять же, столовая имеется.

— И удобства во дворе, — продолжила Бэби. — Я прекрасно представляю подобные богадельни. У тебя должна быть какая-то причина нас туда запихивать. Пока не объяснишь, вопрос обсуждать не буду. И, пожалуйста, говори правду.

— Ну...

Мне лично просто жаль стало Василия Григорьевича. Это нелегко — иметь такую дочь. Я сказала:

— Мне тоже интересно. Какой-то сюрприз, да?

— Ну... в некотором роде. Вы на меня не обидитесь, девчонки, а?

Мы дружно заверили, что нет, и он продолжил:

— Понимаете, меня кое-что в вашей жизни беспокоит. Вам ведь уже... ага, почти двадцать, да?

— Да, — изумилась мы. — А что?

Мы обе родились в августе, причем я ровно на день позже.

— Ну, вот. И когда ж вы начнете гулять с мальчиками, дорогие мои, а? Вы не находите, что пора?

Я пожала плечами:

— Мы же все-таки не кошки. У нас периодов нет. Когда влюбимся, тогда и будем гулять.

— Ну, за тебя, Оля, я более-менее спокоен. Надеюсь, с возрастом ты начнешь относиться к жизни более реалистически, и все у тебя будет в порядке. А вот что касается этого монстра, — он бросил ласковый взгляд на Бэби, — сомневаюсь, что без серьезной поддержки извне она когда-нибудь сумеет влюбиться. Для этого надо потерять голову, а чтобы ей потерять голову, нужен орешек покрепче, чем ваши факультетские инвалиды.

Василий Григорьевич считает, что парень, не отслуживший армию, обязательно инвалид. Впрочем, в отношении студентов филфака он частично прав. Мальчишек у нас в группе всего трое, и ни один из них желания потерять голову не вызывает.

Моя подруга засмеялась так, что прыснула чаем, и уточнила:

— Так ты что, гулять нас посылаешь? Ага, министерство судостроения. Там действительно должно быть полно мужиков. Я где-то читала, почти девяносто процентов. Думаешь, они скопом рванут в пансионат?

— Надеюсь, — тоже засмеялся ее отец. — Надеюсь, что там окажутся нормальные мужики. Откровенно говоря, когда я смотрю на ваших завитых и разодетых юнцов с филфака, я вас прекрасно понимаю. Ну, не из чего вам выбирать! А в министерстве судостроения должны быть нормальные, и их там...

— Целый заповедник, — продолжила я. — Дремучих, непуганых, завернутых в дерюгу и с нечесаными волосами. То есть вы нас зовете

не в пансионат, а в заповедник непуганых мужчин, да? Интересно, а отстрел там разрешен? Сколько штук разрешается прикончить за сезон и где получать лицензию?

Боже мой, если б я знала, как часто буду вспоминать потом эти слова, я б прикусила себе язык. Но я болтала и болтала, и ничего не ведала о будущем. У меня после стресса всегда повышенная болтливость, а тройка за экзамен — это именно стресс.

Спустя полчаса, когда Василий Григорьевич удалился, ангел господень с огненным мечом, чудом преобразившийся в нежную с виду блондинку, уставился на меня горящими глазами и грозно спросил:

— Ну, Оля, и что ты решила?

Я робко заметила:

— Разве не спокойнее будет опять поехать отдыхать к тете? Крым всегда считался благодатным краем. Туда даже чахоточных посылали.

— Во-первых, — парировала моя логичная подруга, — не больно-то им это помогало. Возьми, к примеру, Чехова — так и умер в своей унылой Ялте. Во-вторых, чахоткой мы не страдаем. В-третьих, мы уже сто лет проводим июль у твоей тети и наверняка сидим у нее в печенках. А в-четвертых, кто говорит о спокойствии?

— Я говорю, — вздохнула я.

— Вот и получишь его на этой турбазе, — моментально сменила тактику Бэби. — Это тебе не центр большого города, как в твоей Ялте. Это тихое место на берегу моря, прямо посередине дикой природы. В заповеднике, можно сказать. А на стада непуганых мужчин можешь не обращать внимания — пусть себе бродят. Будешь любоваться пейзажем и мечтать о... в общем, мечтать. Это тебе понравится.

Она явно сперва хотела добавить, о ком мечтать, но благородно сдержалась. Ее благородство меня добило. Другая б на ее месте именно сегодня не упустила случая съязвить, продемонстрировав мою умственную неполноценность, а она наоборот. В пансионат же ей, похоже, здорово хочется, и для себя она все уже решила. Так стоит ли мне рыпаться, ставя нас обеих в трудное положение? Ну, не съедят же меня дикие мужчины, в самом деле! Кстати, интересно, неужели именно они так завлекли мою подругу? Совсем на нее не похоже. И я сказала:

— Если действительно хочешь, давай поедем. Только объясни, тебе-то это зачем?

— Я всегда предпочитаю что-то новенькое, — пояснила Бэби. — И, кстати, папа прав. В нашем возрасте женщине пора приобретать опыт, а лучшей возможности попрактиковаться мы не получим. Вдруг мне кто-нибудь когда-нибудь и впрямь понравится, так не стану же я рисковать и экспериментировать прямо на нем! Надо подготовиться заранее, чтобы решить, какая тактика лучше действует на какой тип мужчин. Ты же знаешь, я не ты, я не люблю валяться на пляже без дела. Мне нужно иметь занятие для мозгов, вот я его и получу.

И если вы считаете, что она шутила, то глубоко заблуждаетесь. Бэби — феномен, а на приобретении опыта она помешана. Она и с парашютом прыгала, и с аквалангом плавала. Самое же потрясающее она отмочила после первого курса. У Василия Григорьевича наверняка глаза бы на лоб полезли, если б он узнал, честное слово! Мы как раз отдыхали у тети в Ялте, и нам исполнилось по восемнадцать. Так на следующий день эта ненормальная заявила, что рубеж совершеннолетия пройден и пришло время узнать, что такое секс. Мы тогда чуть не поссорились, что случается с нами крайне редко. Я до сих пор с ней не согласна. Мне кажется, сперва надо влюбиться, а секс уже потом, как приложение. Однако Бэби заявила, что я до смешного романтична, секс же, по слухам, — кладезь приятных и необычных ощущений. Главное, разумно выбрать первого партнера, чтобы это был не старикашка какой-нибудь, ни на что уже не годный, но и не юнец, привыкший препоручать всю инициативу женщине. Надо пойти на танцы, посмотреть, к кому больше всего липнут протертые бабы, которым надо только одно и у которых глаз хорошо наметан, и с этим объектом завести знакомство.

Должна заметить, что секс мою подругу разочаровал, хотя мужчину она выбрала уверенного в себе и красивого, к тому же роман крутила целых две недели, прочтя в одной дурацкой книге, что сексуальность в женщине пробуждается не сразу. Я ехидно цитировала ей другую дурацкую книгу, где говорилось, что для такового пробуждения нужны роды, и советовала в качестве очередного опыта быстренько родить. Слава богу, до последнего дело не дошло. Как бы там ни было, Бэби о случившемся не жалеет, а я не жалею о том, что со мною того же самого не случилось. В конце концов, первый раз бывает

только раз, и я не обязана жертвовать им ради всяких экспериментов. И не обязана теперь гулять с кем-то в пансионате. Это с одной стороны. А с другой, вдруг там окажется человек, который... который... Короче, тот, про которого Бэби иногда иронизирует: «Ждешь, когда к тебе спустится прекрасный принц на воздушном шарике?» Я понимаю, что в своей иронии она права, но ведь надеяться никому не запретишь?

Глава 3. Митя и Петр Михайлович

Билеты Бэбин папа достал в купейный вагон, нижнее и верхнее места.

Когда мы вошли, один из наших попутчиков уже торчал на противоположной полке, и на прекрасного принца он походил меньше всего. На непуганого мужчину, впрочем, тоже, поскольку явно испугался. Уж не знаю, кто именно из нас вторг его в такой транс, но бедняга срочно вытащил из-за пазухи газету и спрятался за ней, словно страус, зарывающий голову в песок. Можно подумать, больно он нам нужен! Старый, лет, как минимум, сорока, толстеющий, лысеющий и вообще какой-то нервный. Мы, не обратив на него особого внимания, начали распахивать вещи, и тут появился последний пассажир нашего купе. Едва окинув нас взглядом, он улыбнулся и сказал:

— Добрый день! Вы простите, барышни, но я бы хотел обменяться с одной из вас полкой. Мне кажется, верхняя больше годится для меня, чем для любой из вас.

Мы обе обернулись и изумленно воззрились на говорившего. В силу возраста нам скорее приходилось самим уступать нижние места, чем пользоваться подобной услугой. К тому же в словах незнакомца звучала чуть заметная ирония, совершенно меня очаровавшая. Он словно подсмеивался над собственной галантностью.

— Не волнуйтесь, мы достаточно спортивно развиты, — вызывающе заявила Бэби, стоило ей опомниться. Она терпеть не может, когда кто-нибудь решает за нее.

— Не сомневаюсь, — подтвердил собеседник, — но войдите в мое положение! Мне будет крайне некомфортно возлежать на удобном ложе, зная, что представительница куда более прекрасного пола ютится наверху. Вы ведь не захотите причинить мне подобное неудобство?

Он вроде бы не улыбался, но улыбка чувствовалась в каждом произнесенном слове.

— Не захотим, — согласилась я. — Спасибо!

Жутко не люблю эти верхние полки — всегда боюсь упасть. А запихивать на обе ночи наверх Бэби несправедливо. Раз уж нам так

повезло, не вижу причины ерепениться.

Наш спутник кивнул и спокойно принялся располагаться. Я украдкой его оглядела. Он тоже был немолод, лет, как мне показалось, тридцати (позднее выяснилось, что ему все тридцать пять). Довольно высокий, худощавый и мускулистый, он почему-то вызвал у меня смутные ассоциации с английским аристократом. Возможно, дело было в его пепельных чуть вьющихся волосах, тонком, изящно вырезанном носе и светлых глазах, то ли серых, то ли голубых. Красавцем он, несомненно, не являлся, однако в привлекательности ему отказать нельзя. Мне вообще нравятся блондины.

Наш первый сосед при виде еще одного мужчины явно взбодрился. Возможно, он опасался, что на помощь к нам с Бэби явится третья женщина и мы, воспользовавшись численным преимуществом, тут же его изнасилуем. А теперь он позволил себе высунуть нос из-под газеты и что-то буркнуть по поводу плохой работы вентиляции и грязи в вагоне. Аристократ предположил, что вентиляция заработает, когда поезд тронется, и они плавно перешли к обсуждению югославского вопроса — не понимаю, как это им настолько ловко удалось. На нас оба не обращали ни малейшего внимания. Мы на них тоже. Правда, я успела заметить, что среди багажа вновьприбывшего имелась гитара, и намотать это на ус. Дело в том, что я сочиняю песни, которые и исполняю под гитару. Разумеется, мои вокальные данные далеки от имеющихся, например, у Олега Погудина, но для домашнего употребления их хватает. Мои знакомые всегда рады меня слушать. Поэтому человек, таскающий с собой мой любимый музыкальный инструмент, в некотором роде мне друг и брат. Тем более, такой воспитанный. Уступил место, причем не для того, чтобы клинья подбивать, а исключительно из благородства. Вот ведь незадача! Когда попадается такой тип, на которого глаза бы не смотрели, он обычно сразу липнет, а тут я бы с удовольствием пообщалась, а ему не надо. Интересно, что думает по этому поводу Бэби? Не спросишь же у нее при соседях, правда?

Бэби меня поразила. Меня, знающую ее сто лет. Она вдруг сделала лицо типа «беззащитная юная особа срочно нуждается в помощи истинного мужчины» и обратилась... обратилась, представьте себе, не к аристократу, а к затюканному страусу.

— Простите, — смущаясь и сияя глазами, сообщила она, — мне очень хочется пить, а открыть бутылку минералки не хватает сил. Крышка так плотно прикручена! Вы бы не могли мне помочь?

Я поперхнулась. Бэби не хватает сил, ха! Хоть она и ниже меня, а сильнее вдвое. Значит, начала обещанную охоту. Только выбор объекта удивляет. Куда ей этот потрепанный жизнью недотепа? Я бы выбрала другого.

А недотепа затравленно оглянулся, словно ища того, к кому обращается моя подруга, и, не найдя, обреченно взял бутылку. Открыть он ее сумел, не спорю. Зато как! Вода фонтаном брызнула в потолок, облив брюки аристократа. Трусливый страус тут же испуганно вжал голову в плечи, а Бэби с неописуемым восторгом заявила:

— Ой, как здорово! Теперь у меня будет чувство, что я пью не минералку, а шампанское! Спасибо вам! Что бы я без вас делала!

Метаморфоза, произошедшая с ее собеседником, меня поразила. Он приосанился и словно бы вырос, а лицо его, можете поверить, похорошело и даже помолодело.

— Меня зовут Аня, — воспользовавшись моментом, представилась Бэби, — а это Оля.

— Петр Михайлович... то есть Петя, — все еще пребывая в эйфории, уточнил страус. — Просто Петя. А это... — он оглянулся на аристократа.

— Митя, — чуть наклонил голову тот. — И далеко ли вам ехать, барышни?

Спрашивая, он смотрел на меня.

— До Адлера, — объяснила я.

— Какое совпадение! Мне тоже. И тебе, Петр, да?

— Точно, — кивнул Петр Михайлович. — Значит, все выходим вместе. Вы там когда-нибудь были? А то я ничего там не знаю и очень волнуюсь, как доберусь до места.

— Мы тоже в первый раз, — кивнула Бэби. — Но у нас записан номер автобуса, так что проблемы нет.

— У меня тоже записан. Когда я получал путевку, мне выдали такую бумагу, на которой записаны разные правила, а также адрес и номер автобуса. То есть адрес не автобуса, конечно, а пансионата. Только я не очень этому доверяю. Могут быть опечатки, и вообще...

Нам должны были предоставить групповода, который довез бы до места, а они на нем экономят. А ведь путевка недешевая! Я, правда, платил десять процентов от полной стоимости, но все равно. Групповод положен, я знаю! Как можно отправлять людей в незнакомое место без него? Это неправильно. Даже если я плачу десять процентов, они-то получают полную стоимость, правда? Вот на полную стоимость и должны предоставлять обслуживание. А они выдали мне такую бумажку, и все. Я четыре раза к ним ходил, а бумажку эту дали на второй. Нет, на третий! Нет, все-таки на второй. Да, это было четырнадцатого, во вторник. Или двадцатого, в понедельник?

Петр Михайлович раскраснелся, глаза его заблестели. Есть такой тип застенчивых, но говорливых людей. При посторонних они молчат, однако если уж с кем-то себя преодолеют, то болтают и не могут остановиться. Видимо, он из них. Причем повторяет одно и то же по нескольку раз. Можно подумать, мне не все равно, в какой именно день ему подсунули дурацкую бумажку! Типичный зануда! А Бэби слушает, словно на нее снизошло откровение с небес. Охота ей дурака валять?

— А вы, барышни, тоже, судя по всему, едете на какую-нибудь турбазу, а не дикарями? — поинтересовался Митя, едва Петр Михайлович замолк, чтобы перевести дыхание.

— Судя по чему? — тут же не без вызова откликнулась Бэби. Хотя он снова смотрел на меня!

— Судя по записанному номеру автобуса.

— А разве мы не могли записать номер автобуса, который идет до той частной квартиры, где мы будем жить?

— Но тогда, скорее всего, вы бы уже бывали там раньше — иначе откуда узнали адрес? А вы сказали, что окажетесь в Адлере впервые.

Моя подруга явно хотела еще что-то возразить, однако я ее опередила.

— Вы правы. Мы тоже едем в пансионат. Пансионат министерства судостроения.

Митя чуть поднял брови и приглушенно засмеялся:

— Да, Оленька, кто бы мог подумать? Я, представьте, тоже.

У меня екнуло сердце. «Оленька» прозвучало как-то так... мне трудно объяснить. Ничего особенного в подобном обращении нет, но все-таки прозвучало немножко нежно. Чуть-чуть. А мне как его

называть? Отчества он не говорил. Митя... Всех моих знакомых Дмитриев зовут Димами. Дима — обычное имя, а Митя... Разве можно к постороннему человеку вот так сразу обратиться «Митя»? Я не смогу.

— И я еду туда же, — прервал мои размышления Петр Михайлович. — Вот и хорошо. Будем добираться вместе, чтобы не заблудиться. У вас какой номер автобуса записан? А то вдруг у меня опечатка.

Митя заверил, что наши листки с описанием маршрута наверняка размножены на ксероксе, так что за идентичность опасаться не стоит. И оказался прав. Вообще, ум его меня просто поражал!

В отличие от нас с Бэби, мужчины действительно имели отношение к судостроению. Оба закончили Кораблестроительный институт, причем выяснилось, что когда Петр Михайлович защищал диплом, Митя поступал на первый курс. Это подвигло их на довольно длительное обсуждение общих преподавателей и сразу сделало чуть ли не друзьями. На данный момент Митя работал в каком-то совместной российско-немецкой фирме, проектирующей судовые компьютеры, Петр же Михайлович, судя по его длинному и подробному рассказу, вкалывал за гроши на Балтийском заводе, но время от времени ходил в заграничное плавание, где получал довольно приличные деньги. О семьях своих и один, и другой умолчали.

Глава 4. Руслан и Леша. Света и Лариса

Двое суток в поезде пролетели незаметно — для меня, по крайней мере. Пансионат мы разыскали без труда. По пути к нам присоединились еще четверо стремящихся все в тот же чудесный заповедник. Во-первых, красавец Руслан. Впрочем, я не люблю брюнетов, особенно восточного типа. Это стиль Бэби, а не мой. Тем не менее, Руслан был красавцем, и не особо старым — лет, наверное, под тридцать. Его спутник, представившийся Лешей, впечатлял куда меньше. Внешне он весьма смахивал на Петра Михайловича. Ну, не то, чтобы смахивал, но тоже имел солидный перебор веса и возраста и недобор роста и волос. Пожалуй, был чуть помоложе и несомненно не столь забитым. Точнее, совсем не забитым, а очень даже развязным. Складывалось впечатление, что о своих недостатках он понятия не имеет, считая себя неотразимым. Руслан держался куда скромнее, демонстративно отступая на второй план.

Две дамы назвались Светой и Ларисой и явно познакомились лишь в вагоне. Обе накрашены и разодеты, словно собрались в ресторан, обе якобы блондинки — знаем мы этих блондинок с черными корнями волос! — но Лариса красивая и в расцвете сил, не старше двадцати пяти, а Свете явно стукнуло как минимум сорок. В таком возрасте, при таком животе и при довольно кривых ногах я бы в жизни не нацепила короткого обтягивающего платья. Впрочем, это ее личное дело, правда?

Зайдя на территорию пансионата, мы в поисках административного корпуса свернули не туда и обнаружили совершенно чудесное место. В отличие от основной территории, тесно застроенной и изнывающей под палящим солнцем, оно было уединенным и тенистым. Несколько домиков под густыми деревьями, небольшой розарий и группа пальм — просто сказка, честное слово!

— Я хочу жить только здесь, — твердо заявила Бэби. — Я буду не я, если сюда не поселюсь.

— Да разве ж нас спросят, — мрачно прокомментировал Петр Михайлович. — Сунут, куда захотят. Все наш совковый сервис. А ведь путевки недешевые!

Моя подруга лишь кинула на него мрачный взгляд. Похоже, покинув поезд, она оставила там и свои старания очаровывать этого унылого типа. Или он ее наконец достал?

— Дело не в месте, — голосом пятнадцатилетней наивной девочки прошептала Света, — а в соседях. С такими приятными соседями, как вы, везде будет приятно. Вы согласны, Митя?

— А тебе, Олюнчик, здесь тоже нравится? — на полуслове прервал ее Леша. — Клевое местечко, да?

Я холодно кивнула:

— Здесь действительно мило.

Тон нового знакомого был мне неприятен, однако я не очень-то умею осаживать наглецов. Вот Бэби, та умеет, а моей холодности собеседник, похоже, не заметил, весело бросив приятелю:

— Руслан, организуй! Дорого это не обойдется. В такой-то дыре, ха-ха! Если девочка хочет, девочке надо дать, ха-ха! Девочка типа хочет, ха-ха!

Чувствовалось, что он нарочно говорит скабрзность, причем получает от нее огромное наслаждение. Мне стало еще неприятнее. И тут Митя неожиданно взял и пристально посмотрел на Лешу, отчего тот моментально заткнулся. Митя же, словно ничего не случилось, повернулся к Бэби и, легко улыбнувшись, сказал:

— Вы хотите здесь жить, Аня? Значит, будете.

— Знаю, что буду, — с вызовом ответила Бэби.

Похоже, Митю слова ее насмешили, однако он сумел сдержаться, только глаза смеялись. Мы нашли регистратуру. Сидящая за стеклянной перегородкой раздраженная тетка сперва даже слушать не стала наши просьбы, но он, ничуть не обескураженный, предложил всем подождать немного на улице, а сам остался. Моя подруга, безуспешно пытавшаяся при виде вредной администраторши качать права, проявила нехарактерное смирение и сразу вышла, за ней остальные, а через пять минут нам выдали ключи. Те самые, вожделенные.

В оазисе оказалось всего четыре домика. Каждый домик был разделен перегородкой пополам, и получалась комната на двоих. В результате в номере один-а поселились мы с Бэби, в один-б — Света и Лариса, а напротив нас, в двойке, Митя с Петром Михайловичем и Руслан с Лешей. Тройка и четверка были уже заселены.

Едва мы с подружкой остались наедине, я задала давно терзавший меня вопрос:

— Слушай, объясни-ка, чего ради ты обольщала Петра Михайловича? Зачем он тебе нужен?

Она передернула плечами:

— Ну, во-первых, для практики, а во-вторых, уж очень хотелось поставить на место этого зазнайки.

Ответ меня изумил.

— Я не заметила, чтоб он был зазнайка, — возразила я. — Вот Леша, тот да. Тот о себе мнит. А он, по-моему, нет.

— Не будь наивной, — довольно раздраженно бросила Бэби. — Он просто умнее. Леша — валенок, у него что на уме, то и на языке. Тоже мне, проблема! А вот он... вот это орешек крепкий. Ах, он такой интеллигентный, ах, он такой ироничный! А в глубине души мнит о себе побольше всякого, ты уж мне поверь.

Страшная мысль зародилась у меня в мозгу.

— Ты... ты это о ком?

— О Мите, разумеется, о ком же еще?

Настроение мое испортилось. Не такая уж я дура, чтобы кое-что не понять. Значит, у подружки с самого начала на уме один Митя, а Петр Михайлович — это так, покорное орудие. Вот и сейчас она не называла имени, а подразумевала-то того единственного, кто ее действительно интересуется. И кто интересуется меня. Только я прекрасно знаю, которая из нас более привлекательна, да к тому же лучше умеет добиваться своего. Зачем мужчине я, если он нравится Бэби? Я, конечно, не урод, но ничего особенного во мне нет. Не то, что в ней.

С другой стороны, в поезде явно казалось, что Митя отдает предпочтение мне. Он много со мной разговаривал и так смотрел... Хотя, возможно, мне это мнилось? Просто он вел себя, как воспитанный человек. Я перебрала в памяти различные мелкие эпизоды. Пожалуй, ничего, что определенно утверждало бы — за мною ухаживают, — в них не было. Мне чудилось, что было, а на самом деле не было. И, кстати... кстати, поселением в нашем чудесном уголке мы обязаны не мне, а моей подружке. Митя сказал ей: «Вы хотите здесь жить, Аня? Значит, будете». И сделал, что обещал. Ради нее. Значит...

Я не стала додумывать до конца, чтобы не расстраиваться слишком сильно, надела купальник, и мы пошли на пляж.

Глава 5. Максим и Лида

Однако стоило мне сделать несколько шагов, как глазам моим предстало ужасающее зрелище. Мальчишка лет десяти, отвратительно хрюкая от восторга, связывал голубю ноги. Я существо кроткое, но иногда завожусь с полуоборота, и здесь был именно такой случай.

— А ну, прекрати! — гаркнула я.

— А чо? — недовольно пробубнил он, слегка обернувшись.

— Не чо, а нечего мучить птицу. Отпусти сейчас же!

— А чо?

Не выдержав, я отпихнула мерзкого подростка и взглянула на голубя. Так и есть, успел-таки связать, садист! Сколько раз в городе мне приходилось видеть тягостные последствия подобных развлечений. Уж лучше сразу убить животное, чем обрекать на медленную смерть.

Правда, в данной ситуации горю еще можно было помочь.

— Принеси ножницы, — попросила я Бэби.

— Я бы на твоём месте не лезла, — предупредила она. — Он тебе все руки исключает.

— Ну и пусть!

В тот момент мне это было безразлично.

Бэби, разумеется, оказалась права. Несмотря на то, что она держала голубя махровым полотенцем, неблагодарный умудрился ислекать меня до крови. Тем не менее, я разрезала путы, и он улетел.

— Другого поймаю, — самодовольно заявил мальчишка, с интересом меня озиравший.

— Вот именно, — подчеркнула Бэби. — Не вижу в твоём вмешательстве никакого смысла. Такой поймает, сто процентов.

Только и я иногда могу быть умной.

— Хочешь пятьдесят рублей? — поинтересовалась я.

— Хочу. А чо надо?

— Вот не будешь до конца смены мучить животных, и через две недели получишь полтинник.

— Сотню, — подумав, твердо поправил подросток.

Бэби кивнула:

— Ладно, сотню. Смотри, попытаешься обмануть — голову оторвем.

Наш собеседник лишь хмыкнул, почесал грязной рукой не менее грязную голую спину и нырнул в домик два-а, на пороге которого сидела женщина лет сорока с книгой в руках.

— Это ваш? — осведомилась Бэби.

— А? — неохотно подняла голову та.

— Это ваш сын?

— Максимка? Да, мой.

— Он связал голубю ноги, — наклеузничала я.

— Да? — без малейшего интереса, словно из вежливости чуть подняла брови женщина и вернулась к чтению.

Бэби пожала плечами и отправилась в нашу комнату за йодом, смазать мне руки. И тут я обнаружила, что дурацкая сцена имела еще одного зрителя. Под пальмой стоял Леша и смотрел на меня так, словно я была каким-то экзотическим зверем, например, слоном, и он с некоторым потрясением, почти с восторгом наблюдает за его удивительными повадками. «Ну надо же, у слонов и вправду имеется хобот, и они умеют таскать им бревна! Интересно, зачем они это делают? Не увидел бы своими глазами, ни за что бы не поверил! Во мне позавидуют, что я такое видел!» Нечто подобное прямо-таки читалось на толстом самодовольном лице.

— Слушай, — оживленно хихикая, спросил этот странный тип, — ты чо, голубей любишь?

— Терпеть не могу, — честно призналась я.

Я их и впрямь не люблю. Они представляются мне ленивыми и глупыми. Вот воробушки, те милые, а голуби — совершенно непривлекательные твари.

— Слушай, — продолжил Леша, восторг которого не прекращался, — а зачем ты тогда... как бы это... а?

Я холодно осведомилась:

— Что как бы это?

— Ну... вон... вон, как бы руки из-за него все в крови... ты чо, а?

— А вам бы понравилось, если б вам связали ноги, а вы не могли их развязать? — не без раздражения ответила я. Зачем спрашивать об очевидных вещах, правда?

Похоже, я сумела поставить собеседника в тупик.

— Мне? — опешил он. — Мне нет. А при чем тут я? Я-то при чем?

— Вот и голубю тоже не понравилось. И мне бы не понравилось. Я его и развязала.

— Но... но ты ж их как бы не любишь...

Мне очень захотелось сообщить, что, во-первых, не как бы не люблю, а на самом деле, а во-вторых, его, например, я тоже не люблю, а при случае помогла бы, так чем голубь хуже? Однако хамить старшим я не приучена и потому промолчала. Леша все равно слегка сник, его оживление прошло, и появившемуся на пороге Мите он сообщил словно бы с некоторым упреком в мой адрес:

— Митька, вон ее исклевал голубь, когда она развязывала ему ноги. А она голубей не любит.

— Юные барышни часто бывают весьма романтичны, — улыбнулся тот. — Что и придает им особую привлекательность. Оля, вам йод принести?

— Да Бэби принесет! — не выдержала я. — Столько шума на пустом месте. Можно подумать, несчастная птица вырвала у меня фунт мяса. Мы идем на пляж, а вы?

— И мы. Петр, ты готов?

Петр Михайлович выскочил на крыльцо, нервно запихивая в пакет пляжную подстилку. Дураку было ясно, что она не влезет, однако он упорствовал до тех пор, пока не порвал пакет. За это время Бэби привела меня в порядок, и мы дружной компанией отправились на море. К компании присоединилась и мать Максима. При виде наших непуганых мужчин она тут же сменила состояние безмятежности на боевую готовность и выразила желание показать нам самую удобную дорогу. Мы, разумеется, не возражали, и Лида — так звали новую знакомую — возглавила внушительную кавалькаду, состоящую из Бэби со мной, Светы с Ларисой, Мити с Петром Михайловичем и Леша с Русланом.

Меня, к стыду моему, больше всего интересовал один вопрос — с кем рядом захочет быть Митя. Со мной или с Бэби? Только вразумительного ответа я получить не смогла, и виноват был вредный Леша. Я едва успела расстелить на прибрежной гальке свое полотенце, как он тут же улегся бок о бок. С другого боку лежала Бэби, возле нее... возле нее Митя. Следующее место застолбил Петр Михайлович,

заметно помрачневший. Впрочем, Митя что-то шепнул ему на ухо, подмигнул, и тот снова повеселел. К Петру Михайловичу, представьте себе, пристроилась Лида. Вот уж, загадочный выбор! Наверное, этот зануда ни разу в жизни не пользовался подобным успехом у женщин. Сперва Бэби, теперь она. Кстати, она для него — идеальная кандидатура. Возраст примерно одинаковый, и внешность у нее ничего. Правда, сильно портит отсутствие нескольких зубов. Она старается широко не улыбаться, только все равно заметно. Удивляюсь, как может женщина настолько о себе не заботиться, чтобы даже зубов не вставить! Пусть не металлокерамику, но хоть обычные коронки! И все равно ее внешность лучше, чем у Петра Михайловича, а наличие ребенка, так что, ему в подобном возрасте девочку подавай? Впрочем, возможно, все наши непуганые накрепко женаты, и дальше курортного романа дело не пойдет. Хотя, по-моему мнению, Петр Михайлович как раз из тех, кто на сей счет врать не станет. Если женат, честно признается.

Итак, Лида, к моему удивлению, откровенно обрабатывала своего соседа, он же через Митину голову пытался болтать с Бэби. Бэби вела себя с ним, как ангел небесный. В глубине души она наверняка раздражалась, что ей не дают власть пообщаться с куда более привлекательным собеседником, но не подавала виду, отвечая очень вежливо и мило, однако подчеркивая свое прямо-таки дочернее отношение с старшему товарищу. В общем, явно пыталась отвадить, не обидев. Обычно, стараясь избавиться от надоевшего поклонника, о последнем моменте она совершенно не заботится.

Чтобы окончательно объяснить расстановку сил, добавлю, что Руслан с Ларисой красивой парочкой примостились чуть в стороне, прижавшись столь тесно, что с трудом верилось в их всего лишь двухчасовое знакомство. Кто остался? Да, Света. Она выбрала потрясающую позицию почти у нас на головах и оттуда поведала, обращая преимущественно к Мите, историю всей своей жизни. Есть такие странные люди, которых хлебом не корми, дай рассказать первому встречному самые интимные подробности. Например, о том, что оба мужа были не в силах ее сексуально удовлетворить, поэтому с обоими она рассталась и теперь свободна. Она хорошо обеспечена, будучи главным экономистом, но ее нежная душа и удивительный темперамент не дают ей успокоиться и заставляют продолжать поиски

человека, который сумеет им соответствовать. Все это преподносится, словно информация со скрижалей, переданных лично господом богом на горе Синай. Только зря Света старается! Что Митя, дурак, чтобы, видя Бэби, предпочесть старую перечницу сорока лет? Митя не дурак. Он постоянно шептал что-то моей подруге на ухо. Вернее, не то, чтобы шептал... Я б тоже, наверное, слышала, если бы не неумолчный рев Леша. Леша ревел анекдоты. В другой ситуации я бы, несомненно, посмеялась, причем не им, разумеется — они были жутко примитивны, — а тому, что время от времени он вдруг обрывал себя на полуслове и обреченно вздыхал: «Не, это тебе не надо», — и я догадывалась, что дальше полагалось нечто нецензурное. Поэтому почти все истории оставались без конца.

Только сейчас мое чувство юмора улетело в голубую даль. Его заглушало другое чувство. Я просто физически ощущала, как совсем рядом Митя ухаживает за Бэби. Или не ухаживает? Если б я знала твердо, мне б было легче.

Когда мучения мои достигли предела, мучитель вдруг встал и обратился ко мне:

— Оля, ты ведь сгоришь, если будешь лежать дольше. У тебя очень нежная кожа. Пойдем-ка купаться от греха подальше.

И мы пошли. Вдвоем.

Глава 6. Остальные пятеро

Вернувшись с пляжа, мы обнаружили в нашем уютном закутке новые лица. Вернее, новые для нас, а на самом деле эти люди, подобно Лиде с Максимом, отдыхали на базе уже неделю. Под деревом стоял большой старый стол, и за ним резались в карты трое мужчин, а молодая женщина заглядывала им через плечо. Лида быстро нас друг другу представила. Ее соседями по домику оказалась супружеская пара, Арсений и Ирочка. Арсению не меньше тридцати, и он выглядел типичным интеллигентным евреем: невысокий, носатый, с глубоко посаженными маленькими умными глазками. Я решила, что имя ему дано в честь поэта Тарковского, и не ошиблась. Ирочка же — симпатяга примерно наших с Бэби лет и похожа на продавщицу из ларька. Кстати, воображение вновь меня не обмануло — именно там, как выяснилось, она и работала. Несмотря на бросающуюся в глаза Ирочкину симпатичность, ее мужу я бы не позавидовала. Рот у нее не закрывался ни на минуту, а вылетающие оттуда слова иной раз вызывали легкую оторопь. Ладно, постоянные трогательные заботы об Арсении: «Сенечка, а ты не перегреешься? Сенечек, а на тебя не дует?» Хотя, должна заметить, и они действовали на адресата не лучшим образом, особенно если приходились на момент обдумывания очередного хода. Куда больше меня ошарашили комментарии, связанные с остальными игроками. «Ну, Вадимчик, съел? Теперь у тебя не стоит? Ну, ничего, а ты опусти нашего старого пердуна, и снова встанет!» Все это произносилось в порыве азарта, но весело и доброжелательно, и, похоже, никто не обижался, однако Арсения каждая вульгарность заставляла передергиваться и сжимать зубы. Впрочем, иной раз он не выдерживал и в ответ холодно иронизировал, причем так, что факт иронии жена понимала, а суть уловить не могла. Он словно демонстративно подчеркивал, что она другого круга и недалекого ума, поэтому ее незачем принимать в расчет. Странные молодожены!

И, наконец, последний домик нашего Эдема занимали исключительно мужчины. Во-первых, отец со взрослым сыном, Юрий Андреевич и Вадик. Отцу под пятьдесят, сын на последнем курсе

Корабелки. Оба такие... ну, как наши с Бэби школьные друзья и их родители. Обычные. Юрий Андреевич, скорее всего, тоже когда-то закончил Корабелку и до сих пор работает по специальности, являясь классным специалистом и получая гроши. Я подобных людей уважаю. Зато их сосед обычностью похвастаться не мог. Даже комната Андрею досталась особенная — маленькая, зато рассчитанная не на двоих, а на одного. Даже занятие он себе выбрал не такое, как остальные — картами гордо пренебрег и картинно восседал невдалеке, скрестив по-турецки ноги и выпрямив спину.

— Это поза лотоса, — шепнула мне Бэби. — Йог, что ли?

Йог не обратил на наше появление ни малейшего внимания — возможно, находился в состоянии медитации. Был он молод, лет двадцати пяти, и весьма привлекателен. Если бы среди наших непуганых мужчин проводился конкурс красоты, я бы именно ему отдала первый приз. А моя подруга отдала бы Руслану, поскольку предпочитает брюнетов. То, что на деле нам обоим нравился Митя, ничего не значило — объективно говоря, он отнюдь не Аполлон.

Вот, пожалуй, и все герои. По крайней мере, вы смело можете начать подбирать кандидата на печальную должность трупа. Простите дешевый цинизм! Когда мне не по себе, вечно несущую чушь. Впрочем, впереди еще целые сутки спокойной жизни. Почти спокойной.

Быстро темнело, и карты пришлось отставить.

— Пора на ужин, — заметила Лида.

— Слушайте, какой ужин? — оживился Леша. — Мы должны хорошенько отметить знакомство. Тут шашлычки жарят, и из мяса, и из осетринки. Водка, а бабам, если хотят, вина. У входа мужик торгует домашним, я видел, у него берут. Я угощаю!

Он произнес это тоном хорошенько подгулявшего купчика. Очевидно, схожая аналогия возникла и у Мити, который поднял бровь, чуть усмехнувшись. Леша кинул на него косой взгляд и с вызовом добавил:

— А что, если я весь год вкалываю на своем заводе, так не имею права в отпуске как следует оттянуться? Ничего тут такого нет, понятно?

Я лично пить не люблю и не умею. Не понимаю, какая людям от алкоголя радость — на меня он нагоняет сон. Зато я люблю компании и обычно их поддерживаю. И знакомиться тоже люблю.

— Я одобряю, — важно заметил Вадик. — Идея клевая. По сколько скидываемся?

Тоже мне, самостоятельный нашелся! А сам еще студент, хоть и старшекурсник, и приехал с отцом. Впрочем, Юрий Андреевич, ничуть не обидевшись и не удивившись, кивнул:

— А что, давайте!

— Мы тоже внесем свою долю, — не могла не вставить гордая Бэби.

— Ну, еще чего! — изумился Леша. — Мужики, не гоните волну. Я угощаю, а если не хватит, дальше купите вы. Водка, ее всегда мало. Руслан, пошли!

В результате все мужчины отправились за добычей, а женщины остались, как им и положено, хранить очаг, то есть накрывать на стол. В смысле, все мужчины, кроме Андрея. Последний сменил позу на еще более неудобную и продолжал игнорировать окружающий мир.

Глава 7. Странный вечер

Наверное, наши посиделки доставили бы мне огромное удовольствие, если б не Митя. Он снова был рядом с Бэби. А рядом со мною — Леша. Возможно, последнее и отпугнуло гордого аристократа? Однако наличие под боком у Бэби Петра Михайловича его не остановило! Впрочем, по активности данные два типа несравнимы. К тому же Петра Михайловича отвлекала Лида — ну и настойчивая дама, должна сказать! Тихой сапой, не то что шумная Света с ее пронзительным голосом, а проходу не дает, словно противотанковый еж.

Однако у меня было мало возможностей наблюдать за ее действиями. Сосед мой, выпив, стал еще развязнее. В то же время ничего откровенно неприличного он не говорил, так что причин отсесть я не имела. И вообще, хамить ему мне не хотелось. Он мне жутко мешал, да, но и немного импонировал своим простодушием. Как докучливый ребенок.

После очередной рюмки этот ребенок схватил меня за коленку. Я с радостью прицепилась к долгожданному поводу и холодно заметила, что подобного обращения не терплю. И пересела. Только не к Мите с Бэби, разумеется — что у меня, совсем гордости нет? — а к Юрию Андреевичу с его сыном Вадиком. Не тут-то было!

— У-у! — горестно завопил Леша, да так, что все обернулись к нему. — Прости, Оля! У-у! Я не нарочно! Ну, рука сама потянулась, блин! Что я, виноват, что ли? Я ж выпивши, блин, понимаешь?

Я, не выдержав, засмеялась:

— Я не обижаюсь, только не делайте так больше, хорошо? Мне этого совсем не надо. И не ругайтесь при мне, пожалуйста.

— Я... — пролепетал он, — я не ругаюсь. Я все время об этом помню, блин! Даже выпивши.

— А блин? — осведомилась я.

— А... а блин разве... это же не... в натуре... это же...

Я хмыкнула:

— Продукт питания, разумеется. Но вы ведь упоминаете его в качестве заменителя совсем другого слова, правда? А мне неприятно.

И тут Митя неожиданно сказал:

— А вы знаете, что Оля сочиняет песни и поет их под гитару?

При этом сообщении почему-то воцарилась мертвая тишина. Окружающие уставились на меня. Мне стало немного не по себе.

— Непрофессионально, — выдавила я.

— Действительно, Оля, — вмешалась Бэби. — У Мити ведь есть гитара. Спой, пока мы совсем не напились и еще можем нормально воспринимать.

Ее голос звучал чуть напряженно. У меня бешено колотилось сердце. Вот то единственное, в чем я несомненно превосхожу свою подругу. Да, мои песни не профессиональны, но на некоторых производят очень сильное впечатление, и Бэби это понимает. Понимает, но предлагает спеть. При Мите. А сперва предложил он. Запомнил, что я болтала в поезде, и предложил. Значит...

Митя между тем принес гитару и протягивал ее мне. Я поняла, что у меня дрожат руки, и попросила:

— Спой сперва ты. Я так сразу не могу.

Он улыбнулся и запел моего любимого Щербакова. Ту песню, про которую я говорила, что она для меня — самая-самая. А вот Бэби предпочитает Иваси. В смысле, Иващенко и Васильева. Щербаков для нее слишком романтичен.

Я потихоньку успокоилась. Пел Митя хорошо, а играл и вовсе замечательно.

Явно учился не у знакомых, как я, а всерьез. Я-то обхожусь если не тремя блатными аккордами, то десятком, наверное. Сама себе испортила жизнь, побоявшись петь первой! Теперь мое творчество будет звучать совсем по-детски. Ну и ладно, винить-то некого!

После моей песни Юрий Андреевич подпер рукой голову, посмотрел на меня и весьма горестно вздохнул:

— Ох, Оля-Олечка!

А Арсений спросил, не скрывая изумления:

— Стихи тоже написала ты?

— Она, — кивнула Бэби. — Она у нас талант.

Ирочка обернулась к мужу и простодушно поинтересовалась:

— А что, слова какие-то особенные? Я решила, самые обыкновенные. Как во всех песенках. А мотивчика нет повеселее, а, Оль? Зачем нам снова занудное?

— Текст довольно примитивный, — с откровенной злобой согласилась Света. — Не поэзия, а так, ширпотреб.

Арсений, словно не заметив ее вмешательства, холодно ответил жене:

— Ну, разумеется, высшее достижение человеческой мысли — шлягеры Филиппа Киркорова, а настоящая поэзия — никому не нужное занудство. Ты права, Аня, у Оли талант. А ты не печатаешься, Оля?

— Кто сейчас напечатает стихи? — засмеялась я. — Прибыли-то они не приносят.

— Пожалуй. Ты споешь еще?

Я пожала плечами.

— Спой, точно! — поддержал Вадик. — У тебя это действительно здорово!

Я оглядела публику. Быть навязчивой ужасно не хотелось. И так, Бэби и Митя ждут, Вадик с отцом тоже. И Арсений. Леша сидит молча с выражением полной прострации на лице. Ирочка со Светой мрачно отвернулись. В некотором отдалении Лида обрабатывает Петра Михайловича, а Лариса с Русланом так и вовсе скрылись из виду.

— Брось ломаться, — продолжил Вадик. — И чего вы, девчонки, вечно ломаетесь?

Я пела довольно долго, а потом мы вернулись к столу. И рядом со мной оказался Митя. Сперва сидел молча, но через некоторое время, устремив глаза куда-то в бесконечно удаленную точку, вздохнул, почти как Юрий Андреевич:

— Ох, Оля, Оля!

— Что Оля? — не поняла я.

— Трудно представить, что такая девочка и так пишет... ты же совсем еще ребенок...

— Ну, какой я ребенок! Мне двадцать лет. По-твоему, это детство?

— У твоей подруги действительно уже не детство...

Я, не выдержав, прервала:

— Она старше меня всего на один день!

— И на одну ночь, — мгновенно вернувшись с небес на землю, уже своим обычным ироническим тоном парировал мой собеседник.

И, как часто бывало, я не могла понять, была ли эта фраза случайной или имела вполне определенный второй смысл.

Машинально я поискала глазами Бэби. За столом ее не было. А, вон! Ее отвела в сторону Лида и что-то рассказывает. Интересно! Даже Петра Михайловича бросила! Кстати, о навязчивых приставаниях. Что-то Леша давненько мне не мешал. Ага, он все еще не оправился от прострации, в которую его загадочным образом ввергло мое гениальное творчество. Облокотился о дерево и молчит, а вокруг него скачет Ирочка. Вон тебе новость! А Арсений? Арсений обсуждает с Юрием Андреевичем современное состояние авторской песни, кстати, весьма квалифицированно. Все равно зря он так обращается с женой!

Вскоре Бэби вернулась, и Митя подсел к ней. Нахлынувшую на меня тоску усугубило приближение очнувшегося Леша.

— Ох, Оля, — сказал он, и голос его был почти трезв. — Я не хочу от тебя ничего плохого, поняла? Я типа врубился.

— Спасибо, — ответила я.

— Слушай, а если... — он замялся, что меня изумило. Вот уж, мяться совершенно для него не характерно!

— Что если?

— А если как бы по-серьезному? — с трудом выдавил Леша. — Загс там и все прочее. Фата, прибабасы всякие. Все фишки повысшему разряду. Ты как?

Настроение у меня резко повысилось, и я брякнула:

— Похоже, мои песни ярко свидетельствуют о необычайной порядочности!

Язык у нас, женщин, без костей!

— Угу, — без тени юмора согласился потенциальный жених, — это самое... свидетельствуют.

— Леша, а вы ведь наверняка женаты? Ну, по-честному, а?

— Жена — не стена. Отодвинуть можно.

— Ради меня — не стоит. Честное слово, ни при каких обстоятельствах у нас с вами ничего не может быть! Я это чувствую совершенно твердо. Это не значит, что в вас что-то плохо, но это правда. Простите!

И я быстро ушла к Вадику от греха подальше. Разумеется, намек на развод с женой сделан спьяну, однако лучше сразу поставить все точки над и. Леша поплелся следом, но, слава богу, разговор завел не со мной.

— Что, Вадюха, — довольно раздраженно обратился он, — ты ведь уже неделю здесь болтаешься? И как тебе?

— Ничего. Терпимо. Море близко.

— Зато условия... это... трущоба. Туалет во дворе. И чего я не поселился в каменный корпус, сам не знаю? Там тоже гадость, но не так паршиво.

— На этой базе нет каменного корпуса, — объяснил Вадик.

— А я говорю, что есть! — мрачно и пьяно настаивал Леша.

— Да нет же! Уж я-то знаю!

— А я говорю, что есть! — Леша ударил кулаком по столу. — Есть! Это я говорю! Я! Я!

— Нет! Нет! — Вадик тоже был не слишком трезв.

Просто нашла коса на камень! Ни за что бы не подумала, что по подобному поводу можно так горячиться.

— А я говорю, есть! Спорим?

— Спорим!

— На сколько баксов? Пятьсот устроит? Или у папочки надо спросить?

Ситуация перестала мне нравиться, и я попыталась вмешаться — безрезультатно. Мужчины завелись с полуоборота и не обращали на меня ни малейшего внимания. Глаза у них сверкали, лица побагровели.

— На тысячу! — заорал Вадик. — Спорю на тысячу!

— Идет! Спорим на штуку! Все свидетели! Завтра увидите, кто из нас умнее, этот фраер или я! Нашелся крутой, тоже мне!

Рядом возник Юрий Андреевич, сам на себя не похожий.

— Вадим, остановись! — закричал он. — Ты что, остановись!

— Риску-то нет! — в раже глотал слова Вадик. — Я-то знаю, я здесь неделю, а он только приехал! Как раз тыща баксов, ты понимаешь, блин! Как раз тыща, и без всякого риску! Я спорю, спорю, спорю!

— Леша, — голос Юрия Андреевича дрожал, — Леша, не обращай на него внимания. Он пьян.

— Мы поспорили! — захохотал Леша, и вид у него был не менее безумный, чем у Вадика. — Мы поспорили!

— Господи, как вам не стыдно! — не выдержала я. — Взрослые люди, а поведение, как в детском саду. Я лично последний раз

заклучала пари именно в детском саду, и с тех пор подобным образом
развлекаться мне даже в голову не приходило. Спокойной ночи!

И я ушла в домик. Хватит с меня!

Глава 8. Разговор с Бэби

Вскоре компанию мне составила Бэби. Слава богу! Зная, что она гуляет с Митей, я б все равно не уснула. Но заговорила я, разумеется, о другом.

— Ты вела себя с Петром Михайловичем, как кроткий ангел. Прямо на тебя не похоже!

— Ох, — вздохнула Бэби, — и зачем я такая дура? Дернул же черт наброситься на него в поезде! Никогда нельзя использовать одного человека для воздействия на другого, это непорядочно. Он ведь тоже живой, правда? А теперь расхлебывай, и винить, кроме себя, некого. Какую бы гадость мне сделать, чтобы он во мне разочаровался, а?

— Может, его Лида отобьет? — утешила подругу я. — Она так старается! Только зачем он ей, ума не приложу.

— Можешь не прикладывать, я тебе и так разьясню. Все-таки Лида — женщина необычная. Она тут подошла ко мне и совершенно серьезно спрашивает: «Скажи мне, Анечка, тебе Петр Михайлович нужен или нет?» Спрашивает таким тоном, будто... ну, не знаю... интересуется, нужна ли мне новая купальная шапочка. Я опешила, а она мило продолжает: «Это не праздное любопытство, для меня это важно. Если нужен, то я не стану тратить на него время и силы, все равно бесполезно. Я понимаю, что наши с тобой шансы неравны. Но мне показалось, что ты пытаешься вежливо его отвалить. Это так?»

— Да, — согласилась я, — Лида — женщина необычная. Либо тут простота дороже воровства, либо, наоборот, с точки зрения психологии высший пилотаж. Интересно, первое или второе?

— Мне тоже интересно. Ну, я ответила, что Петр Михайлович даром мне не нужен и я сделаю все, чтобы уступить его ей. А потом решила — она мне такие вопросыки задает, так чем я хуже? И спросила, ей-то он зачем? Мужчин тут у нас достаточно, выбор есть, можно найти и попривлекательней.

— Ну, и что она?

— Она покачала головой и говорит: «Курортные романы — дело несерьезное. Это годится для вас, молодых, а мне надо устраивать свою судьбу. Петя единственный из более-менее свободных мужчин,

кто сюда не гулять приехал. При определенных обстоятельствах он способен и жениться. У него подход к жизни основательный. Разумеется, как сосед он скучноват, зато как муж вполне приемлемый вариант». Ну, как тебе?

— Полный отпад! А что значит — более-менее свободный мужчина? — заинтересовалась я.

— Ну, формально Петр Михайлович женат. Дочке двенадцать. Однако не живет с женой уже пять лет, и у него есть отдельная комната, а не разводится он просто по инерции. Он так утверждает, и я ему верю. Хотел бы наврать, назвался б холостым, правда?

— А Митя? — вырвалось у меня.

Бэби строго на меня посмотрела:

— Что — Митя?

— Ну... свободен ли он, как ты думаешь?

— Холост, можешь не сомневаться. И останется холостым еще много лет, пока не станет старой развалиной. Господи, как замучил меня этот человек!

В голосе моей подруги вдруг прозвучала такая тоска, что я вздрогнула, потрясенная. Тоска свойственна Бэби меньше всего на свете.

— Ну, что ты уставилась? Он водит нас на коротком поводке, понимаешь? Надо было сразу догадаться и поставить его на место, а мы развесили уши, как две дуры. Все, я с этим завязала! И тебе советую.

Я не понимала.

— В каком смысле, водит на коротком поводке?

— Ну, не в прямом же! Уж не знаю, какая у него цель, у этого доморощенного Казановы. Может, заняться групповым сексом, а может, посмотреть, как мы с тобой вцепимся друг другу в волосы. Или он полагает, что все без исключения привлекательные женщины должны быть от него без ума. Или его любимый спорт — отбивать дам у приятелей. Не знаю! Но к цели он идет весьма продуманно. А я не намерена быть ничьей игрушкой. Я — свободная и самостоятельная женщина.

Глаза Бэби сверкали, голос дрожал от сдерживаемого гнева.

— Подожди! А с чего ты взяла, что он... ну, что у него какая-то цель?

— Боже мой, Оля, ну, нельзя же быть такой наивной! Вот скажи-ка мне, за которой из нас он ухлестывает?

— Не знаю.

— Вот именно, не знаешь. А почему? Да потому, что он отмеряет свои ухаживания аптекарски точными дозами. Сколько мне, столько тебе. Чтобы заронить у обеих надежду, но не дать ей окрепнуть. Это — самая верная политика, тут он, конечно, не дурак. Только учти, я завязала. Все! А ты?

— А я не верю, что он нарочно, — возразила я. — Просто мы обе ему нравимся, но обе пока недостаточно. Вот и все.

— Да, и он так неопытен в обращении с женщинами, что понятия не имеет о последствиях своего поведения! — съязвила моя подруга. — Ты вечно склонна всех оправдывать. Поверь моему опыту, Митя очень и очень непростой.

Я пожала плечами, и она несколько сбавила обороты:

— Конечно, я не могу запретить тебе с ним гулять, это выглядело бы... ну, сама понимаешь. Тем более, раз ты мне не веришь. Но я тебя прошу — будь с ним аккуратна. Если он не даст тебе гарантий, то и ты не давай. Ну, понимаешь? Вот клянусь тебе — когда он уверится в своей власти над тобой, ты станешь ему неинтересна и он переключится на другую. Я часто ошибаюсь?

— Редко.

— Ну, вот. Я клянусь, что это так, а там поступай, как знаешь. Я лично намерена выбросить этого человека из головы и больше о нем не вспоминать. Пропади он пропадом со всеми своими штучками! Спокойной ночи!

Глава 9. Утро того самого дня

Наутро мы проснулись очень рано благодаря будильнику, заведенному вредной Бэби. Она никогда не дает мне на юге выспаться, утверждая, что дневное солнце крайне вредно и загорать следует до одиннадцати и после пяти. Обе мы чувствовали себя после вчерашних посиделок не лучшим образом, и обеим совершенно не хотелось есть. В результате от похода в столовую мы решили отказаться, лишь выпить растворимого кофе, благоразумно привезенного с собой. Кипятильник мы тоже привезли.

Меня осенила гениальная идея завтрака на лоне природы. Я вынесла во двор чашки, а Бэби осталась следить за кипятком. Наши манипуляции явно поразили соседей, которые стали с нескрываемым интересом выглядывать из домиков. Митя даже подсел ко мне и заметил:

— Да, девчонки, прекрасная мысль! Иначе для чего мы живем почитай на улице?

Следующей выскочила Света, однако ее поведение было оригинальнее. Она оглядела мою пока пустую чашку, схватила ее и горестно заявила:

— Боже мой! В жизни не видела такой грязной посуды! Я даже и не представляла себе, что подобное возможно!

Я оторопела. Не скрою, образцом чистоты мою чашку не назовешь. От кофе она... ну, несколько потемнела внутри. Только ведь это не грязь! Вернее, грязь, но совершенно гигиеничная, и она мне не мешает. Света между тем схватила мою многострадальную посуду и принялась энергично тереть какой-то отвратительной железной мочалкой, совершенно засаленной.

— Вот! — гордо потрясла она этой мочалкой под самым носом у Мити. — Видишь, как замечательно действует! Теперь чашку не узнать. Ох, эти дети, они ничего еще не соображают, правда? Когда еще они вырастут во взрослых женщин, умеющих позаботиться и о себе, и о своих близких. Я, например, необычайно чистоплотна.

Я бросила взгляд на Митю и... не знаю, возможно, на меня повлияла вечерняя беседа с подругой, только мне показалось, он

упивается создавшейся ситуацией. А через секунду он чуть-чуть подмигнул, и я поняла, что ничего подобного. Я не успела никак среагировать, не произнесла ни слова, потому что на пороге вдруг появилась Бэби, брезгливо отодвинула мочалку, ополоснула чашку кипятком и деловито сообщила:

— Кипяток уничтожает микробы. Хочется верить, что теперь ты ничем не заразишься после... вот этого.

Света вспыхнула и отошла. Мне было и неловко, и смешно. Моя подруга демонстративно игнорировала присутствие Мити, и он, вероятно, почувствовав неладное, тоже скрылся. Мало того! Его место тут же занял Петр Михайлович.

— Кофе пьете?

Я решила, что сей вопрос не требует ответа, однако наш новый собеседник требовательно повторил:

— Я спрашиваю, кофе пьете?

— Да, — согласилась я. — Вас угостить?

Ан нет! Моя догадка о причинах его странной настойчивости оказалась неверной.

— Я кофе не пью. Он вреден. Знаете ли вы, что кофеин лишь немногим уступает по вредности никотину?

— И сколько капель кофеина убивает лошадь? — не удержалась я.

Петр Михайлович несколько опешил, потом неуверенно кивнул:

— Угу, это шутка. Лошади кофе не пьют.

Меня понесло дальше:

— Потому что им, беднягам, никто не предлагает.

Бэби вежливо вставила:

— Оля, не надоедай Петру Михайловичу своими дурацкими шутками. Он, в отличие от нас с тобой, давно вышел из этого возраста и стал серьезным взрослым человеком. Ему с нами неинтересно.

— Ты ошибаешься, Аня. Очень интересно, — быстро возразил ей собеседник.

— Да? Наверное, потому, что у вас дочка почти нашего возраста, да?

Моя подруга старалась, чтобы в ее голосе не было ни тени иронии, сплошная детская непосредственность, что не помешало бедному Петру Михайловичу надуться. Он дулся, а мы молча пили кофе. Потом он сказал:

— Вот вы говорите, что вам со мной неинтересно, а я знаю такие вещи, о которых вы и не подозреваете. Хотя наверняка хотели бы знать. Потому что вы наивные, всему верите и ничего не замечаете, а я наблюдательный. Если понаблюдать за человеком, можно узнать о нем даже то, что он тщательно скрывает. Разумеется, для этого требуется интеллект...

Бэби словно воды в рот набрала, я вынуждена была последовать ее примеру. В конце концов, это не мой кавалер! Впрочем, долго развивать заинтриговавшую меня тему кавалер не смог, поскольку к нашему шалашу неожиданно притулился самый загадочный из непуганых мужчин — сам Андрей.

— Кофе пьете? — осведомился он.

— Хочешь? — вздохнула я. Второй нашелся интересующийся!

— Нет, кофе вреден. Я сам его не пью и вам не советую. В вашем возрасте самое время начинать вести здоровый образ жизни, потом будет уже поздно.

И Андрей оценивающе оглядел нас, затем нашего собеседника и снова нас, после чего убежденно констатировал:

— Да, вам как раз пора, а то упустите срок и в совсем еще не старом возрасте превратитесь в обрюзгших развалин.

Петр Михайлович, и без того надутый, окончательно помрачнел и заявил:

— Некультурно давать другим людям советы, что им пить и чего не пить. Это их личное дело.

Ха! А сам-то!

— Я забочусь об их физическом и нравственном здоровье, — не моргнув глазом, объяснил Андрей. — Я — один из адептов клуба дайнетики и сиентологии. Наша цель — не только собственное благо, но и благо окружающих. Мы стремимся открыть путь к счастливой жизни тем, кто его пока не нашел.

«А я была уверена, что йог», — разочарованно подумала я. Хаббард вызывал у меня существенно меньше симпатии. Он начинал как писатель-фантаст, и я читала пару его опусов, после чего не удивляюсь, что ему пришлось срочно менять сферу деятельности.

— Дайнетика — хуже, чем лженаука, — с неожиданным пылом произнес Петр Михайлович. — Это — страшная секта дьяволопоклонников. Они заманивают наивных простаков и

подчиняют их своему влиянию. В цивилизованных странах эта гадость запрещена, вот они и полезли к нам. У нас-то беспредел! Дали взятки коррумпированной верхушке...

— Много вы знаете! — с неприкрытой ненавистью прервал Андрей. — Читаете вашу прокоммунистическую прессу, там и не такое напишут. Конечно, вы бы хотели возврата в вашу любимую совдепию, чтобы всех нас распихали по лагерям. Да только историю вспять не повернете, и не надейтесь!

— Я — в совдепию? Да я боролся с коммунистами, когда ты еще под стол пешком ходил! Да меня, может, чуть в тюрьму за это не упекли! Это вы пришли на готовенькое!

— А ваше поколение уже не перевоспитаешь! У вас вместо мозгов коммунистические брошюры! Если б всех вас уничтожить, мы б уже жили в цивилизованном обществе, а не в этом бардаке! Вы тащите нас назад!

Я не выдержала:

— Не ругайтесь, а? Было бы из-за чего!

Не понимаю этих мужчин! Ругаться по поводу дайнетики или коммунизма — абстрактных понятий, в которых ты все равно ничего не изменишь — зачем? Однако мужчины вцепились друг в друга и не замечали моих попыток их утихомирить.

— Не лезь к ним, — потребовала Бэби, — а то зашибут. Что за манера становиться между дерущимися? Пойдем от греха подальше!

Нет, они, разумеется, не дрались, но были к тому близки. Мы с Бэби не стали дожидаться развязки и отправились на пляж. Вскоре после одиннадцати мы вернулись и уселись в тенечке все за тот же стол. В нашем райском уголке было пусто — остальные, похоже, еще загорали. Пусто, да не совсем.словно чертик из табакерки, откуда-то выскочил Максим и, не мигая, уставился на нас нахальными глазами.

У меня совершенно вылетело из головы существование зловредного Лидино сына, связывающего ноги голубям, зато он о моем существовании явно не забыл.

— Мне надо два мороженых и десять жвачек, — веско сообщил он.

— А ключ от квартиры, где деньги лежат? — осведомилась я.

— Не, не надо. Менты заметут.

Я засмеялась. Потрясающий ребенок!

— А не много ли — два мороженных и десять жвачек? Кто я тебе, дед Мороз?

— Так не задаром же!

— Интересно, — вмешалась Бэби, — а за что?

— За эту... информацию. Да, информацию, — гордо повторил сложное слово Максим.

— Какую еще информацию?

— О дяде Мите. И о дяде Пете. Вам будет интересно.

Мне и впрямь стало интересно, но моя железная подруга лишь брезгливо поморщилась:

— Канай отсюда, шантажист доморощенный! Не на таких напал.

Мальчишка убежал, а я все думала, что же он имел в виду. Кроме того, мне самой жутко захотелось мороженого. Бэби тоже не возражала против намерения охладиться, и я отправилась к ларьку, а около него, будто на зло, вертелся не кто иной, как Максим. Я взяла и купила ему два мороженных и десять жевательных резинок. Ну, черт попутал!

— Дядя Митя говорил с дядей Петей про твою Аню, — пуская огромные пузыри полученной только что взяткой, отчитался Лидин сын. — Дядя Петя переживает, что тете Ане нравится дядя Митя, а дядя Митя говорит, что это она нарочно делает вид, чтобы вызвать ревность, а на самом деле ей нравится он, а не он.

Я удивленно потрясла головой:

— Что значит — «он, а не он»?

— Ну, что она втюрилась в дядю Петю и из-за этого для понту клеит дядю Митю, рюхаешь?

— Так сказал дядя Митя, да? — уточнила я.

— Ну да. Он чего-то много про это заливал, только это все равно туфта. Тетя Аня ведь не с обузой, как моя мать, куда ей такой старый лох!

— Подожди, какая еще обуза?

— Ну, я. С обузой любому будешь рада, даже такому. Дядя Митя — козел, он своим враньем портит моей матери все кино. Вы передайте дяде Пете, что он врет. Пусть дядя Петя достанется моей маме, а то она очень переживает. Так бы и убила, говорит, дурака, не понимает он собственного счастья. Ладно, кончаем базар, у меня мороженое тает.

И Максим скрылся из виду с быстротою молнии, а я осталась, чувствуя себя просто ужасно. У меня бывает, что я сперва делаю, а после думаю, так это был именно подобный случай. Я начала думать, и меня стал мучить стыд. Что я натворила! Подкупила ребенка, чтобы он пересказал мне подслушанную беседу, которая меня совершенно не касается. А даже если б и касалась, все равно она была конфиденциальна. Вот Бэби, та сразу отказалась, потому что порядочный человек, не чета мне. Я же, наверное, веду себя порядочно лишь под ее присмотром. Стоит меня отпустить, и тут же превращаюсь в такую... ну, типичный персонаж бытового романа — мерзкая сплетница, которая всюду сует свой нос. Понравилось бы мне, если б Мите сообщили нечто, о чем я болтала наедине с подругой? Вот именно! А сама поступаю наоборот.

Я вздохнула и, попытавшись сделать обычное выражение лица, вернулась на базу.

— А мороженое? — потребовала Бэби.

— Ой, я про него забыла! — вырвалось у меня.

Она изучающе прищурила глаза, затем пожала плечами и поинтересовалась:

— Сразу признаешься или предпочитаешь сперва помучиться?

Я махнула рукой:

— Наверное, сразу. Какой смысл мучиться?

И призналась. Притворщик из меня никудышный! Подруга не стала меня ругать, зато тут же заявила:

— Вот видишь! Я же тебя предупреждала, что этот Митя — тот еще тип. Просто Игнатий Лойола какой-то, честное слово. Только цели мне его непонятны.

— Нет у него цели, — неуверенно возразила я. — Он действительно решил, что ты предпочитаешь Петра Михайловича.

— Да? — голосом, из которого сочился яд, пропела Бэби. — Дорогая моя, я понимаю, что он тебе нравится, только ты должна решить — либо твой избранник иезуит, либо полный кретин. Ты что выбираешь?

Я уже упоминала, что спорить с моей подругой — это все равно что броситься под паровой каток. Особенно когда я и сама подозреваю, что она права. Я благоразумно промолчала.

Вскоре начал подтягиваться народ, вернувшийся с пляжа. Появился Леша, но на меня даже не глянул, откровенно заигрывая с Ирочкой. Арсений вел себя так, будто ему это безразлично. Странные молодожены!

— Ну что, Ирочка, — самодовольно хихикая, заявил Леша, — теперь ты не жалеешь, что не поселилась в каменном корпусе, которого здесь якобы нет, а живешь тут, с нами, любимыми?

И он, повернувшись к Вадику, подмигнул. Я вспомнила вчерашний дурацкий спор на тысячу баксов. Или это был треп?

— У меня здесь нет таких денег, — мрачно откликнулся Вадик.

— И не надо, — хмыкнул Леша. — Живи пока, герой!

Я удивилась:

— А что, разве есть каменный корпус?

— Если не боишься прогуляться по жаре, я тебе кое-что покажу. Интересное, — предложил Митя.

Я почувствовала на себе пристальный взгляд Бэби, а губы уже говорили:

— Не боюсь.

Митя слегка обнял меня за плечи, и мы пошли. В его прикосновении вроде бы не было ничего выходящего за рамки дружеской симпатии. Ничего такого, что при случае позволило бы возмутиться: «Не приставай ко мне!» Но в то же время казалось, что было. Вот феномен! И я таяла не от жары, а от восторга, хотя предупреждения подруги упорно бились в моем сердце где-то на заднем плане и не желали забываться.

Вскоре мы увидели трехэтажное здание, украшенное вывеской «Туристическая база министерства судостроения».

— Вот! — объяснил Митя. — У базы два филиала — корпус в городе и домики за городом. Так что Вадик проиграл.

— А откуда Леша знал?

— Полагаю, бывал здесь раньше.

— Надеюсь, про тысячу баксов — это шутка?

Мой собеседник засмеялся:

— А этого я знать не могу. Чужая душа — потемки.

Мы еще немного погуляли и вернулись домой. Палящий зной не позволял бродить слишком долго. Никого не было видно, одна Бэби сидела за столом с книжкой. Я примостилась рядом, а Митя нет.

Глава 10. Последние часы до...

Вскоре наше уединение нарушили самым неприятным образом. Откуда ни возьмись, появились двое... ну, данное выражение не вполне литературно, однако другого я не знаю... два лица кавказской национальности. Появились и изучающе уставились на нас.

— Хорошо, — констатировал один. — Мы вас берем.

— Что? — гневно уточнила Бэби.

— Не бойсь, заплатим хорошо. Вы нам нужны обеи. Ну, чего расселись? Пошли!

И один из них схватил за руку Бэби, а другой меня. Он был настолько противный, черный, волосатый, что я инстинктивно его толкнула, наверное, довольно сильно. Он отпрыгнул и разразился таким матом, что я просто оцепенела. В тот же миг из домика выскочил Леша и набросился на моего обидчика с кулаками. А вслед за ним, представьте себе, Петр Михайлович, попытавшийся сделать то же самое с обидчиком Бэби. Завязалась нешуточная драка.

Я не знала, что делать, и лишь растерянно выкрикивала:

— Перестаньте! Ну, перестаньте же!

Моя подруга, разумеется, оказалась умнее. Она начала стучать в те двери, за которыми жили мужчины. Вскоре появился Андрей, затем Арсений, Вадик и Юрий Андреевич. Вадик бросился в драку с таким энтузиазмом, словно это было самое приятное событие за время его пребывания на базе, Юрий же Андреевич поначалу скорее старался вытащить сына из кучи, чем ему помочь, но потом явно увлекся. Арсений, похоже, не слишком опытный боец, как-то по-детски размахивал руками, пытаясь ударить чужих и опасаясь попасть по своим, а это в создавшейся свалке было совершенно невозможно. Что касается Андрея, тот встал поодаль и уставился на дерущихся пристальным взглядом. Впрочем, его помощь и не требовалась. Обнаружив численное превосходство противника, кавказцы опомнились и удалились.

— Получилось, — самодовольно сообщил Андрей. — Убедились?

— В чем? — сварливо поинтересовалась Бэби.

— В том, что ментальная сила подготовленного человека способна творить чудеса. Или, скорее, творить то, что простые люди вроде вас считают чудесами. Конечно, жаль потраченной энергии, но ради вовлечения молодежи в наше движение мы готовы идти на жертвы.

Он, естественно, выглядел свеженьким, как огурчик. Об остальных я бы этого не сказала. Прискакавшаяся на шум Лида трогательно мазала йодом стонущего Петра Михайловича, а Ирочка применяла медицинские познания к изрядно потрепанному Леше. Вадик держался за голову и вздыхал. Юрий Андреевич и Арсений вроде бы не пострадали, но лица их были до предела мрачными.

— Спасибо! — сказала я. — Простите нас, пожалуйста. Мы не нарочно. Мы с ними не знакомились, честное слово!

— К незнакомым так не кляется, — буркнул Леша. — Что я, мужиков не знаю?

«Почему на помощь не пришел Митя? — моя несчастная душа больно распирает грудь. — Где он?»

Ответ я получила через минуту. Митя шел по тропинке, держа в руках миску свежeweымытых персиков. У меня отлегло от сердца.

— Что тут у вас происходит? Что это за два психа пробежали? Лешик, что с тобой?

Ему не успели ответить. С противоположной стороны возник Руслан и задал, что характерно, примерно те же вопросы:

— Что случилось? Что это за парни? Леша, ты в порядке?

— К девочкам привязались двое местных, — устало сообщил Юрий Андреевич. — Пришлось с ними подраться. Вроде и знаешь, что криминогенная обстановка в нынешние времена ужасная, а каждый раз удивляешься. Чтобы так лезть к девочкам, порядочность которых просто написана у них на лбу, — да раньше такое и представить было невозможно!

Митя окинул нас с Бэби обеспокоенным взглядом, а Руслан неожиданно рявкнул:

— Вот блин!

Впрочем, тут же извинился:

— Простите, вырвалось. Знаете, девочки, похоже, это я виноват. Кретин чертов!

— В каком смысле — вы виноваты? — взяла быка за рога Бэби.

— Да эти парни, которые сейчас пробежали... я их встретил, когда шел на мойку... ну, и... — он замялся.

От Бэби так просто не отвяжешься!

— И что?

— Они сказали: «Идем искать красивых девушек». А я возьми да брякни: «Да вон они, самые красивые, на скамеечке сидят». Что я, думал, что ли? Я забыл, что здесь тебе не Питер. Здесь мужики другие, с ними так нельзя. Вот они к вам и полезли. Простите меня, девчонки, а?

Руслану явно было не по себе, даже голос словно бы стал выше, и я поспешила заметить:

— Ну, вы ведь не нарочно, правда? Значит, не о чем и говорить.

— Да не нарочно, конечно. Просто у меня что на уме, то и на языке. Девочки, а хотите, я вас вечером в ресторан свожу? В компенсацию за моральный ущерб?

«А кто компенсирует тогда моральный ущерб Ларисе?» — мелькнуло в моей голове, но с ответом меня опередила подруга:

— Это совершенно излишне. Мы вас прощаем безо всякой корысти. Да и вообще, мы ведь не пострадали. Скорее уж Петр Михайлович и Леша. Идем, Оля, нам пора. Ты что, забыла?

И она потащила меня в домик.

— А что? — изумилась я, садясь на кровать. — У нас какие-то дела?

— Нет, — отрезала Бэби, — но если б мы остались, мужики бы еще долго рассусоливали этот пустой эпизод. Мужиков хлебом не корми — дай посплетничать. Тебе это надо?

Мне было не надо. Честно признаться, настроение и без того оставляло желать лучшего. Оно вообще у меня такое, вроде маятника — вечно колеблется. Вот и теперь. Меня каждый раз ошеломляет, что сейчас, на пороге третьего тысячелетия, некоторые вопросы по-прежнему решаются тупым применением физической силы. Словно человек не развивается от поколения к поколению, а остался диким животным. Дерется, например. Атавизм какой-то! Разумеется, я не осуждала своих защитников, наоборот! Тем не менее, мне было грустно, что им пришлось поступить так, как они поступили. Наверное, будь я прекрасной дамой и убей рыцарь на моих глазах дракона, я бы тоже вместо восторга впала в глубокий пессимизм.

Поздно вечером я сидела на пороге и смотрела на звездное небо. Оно пугало и завораживало одновременно. Оно напоминает вечность. Вернее, мое представление о вечности напоминает черное звездное небо южных широт.

— Представляешь, — сказала я подруге, — не прошло еще и двух суток, как мы здесь. А мне чудится, целую жизнь. Странно, да?

— Потому что внутренние часы человека определяются насыщенностью его существования, а не реальным временем, вот и все.

Я не успела обдумать мудрое заявление. Насыщенное существование не желало оставлять нас в покое — из темноты возник призрак. Он был белый и полупрозрачный. Впрочем, иллюзии быстро рассеялись. Это оказалась Света, одетая в коротенькую обтягивающую белую юбочку и кружевную белую же кофточку.

— Девочки, вы одолжите мне ключ? — раздраженно поинтересовалась она.

— Какой ключ? — не поняла я.

— Ну, от двери, какой же еще?

Я тупо уточнила:

— От нашей?

— Ну, да, от какой же еще? От моей же у вас нет!

— Погодите, — вмешалась Бэби, — а что случилось?

— Эта стерва умотала и утащила ключ с собой. Вот я и осталась на улице. Думаю, может, замки здесь типовые? Может, ваш подойдет?

Увы — наш не подошел.

— Наверное, Лариса скоро вернется, — предположила я.

— Ха! — нервно выкрикнула Света. — К утру она вернется. Это еще в лучшем случае.

— А может, она у Руслана? — сообразила практичная Бэби. — Вы проверяли?

— Фиг она у Руслана — они поссорились. Уж не знаю, из-за чего, только Лариса заявила злая и сказала, что Руслан ей надоел и она найдет мужика получше. Ну, и предложила мне прогуляться по центральному парку. Мы погуляли, познакомились с одним. Ну, не первой свежести, но на пиво я его раскрутила.

Наша собеседница оживилась, в голосе проскользнуло самодовольство. Такой детский подход к жизни со стороны пожилой

женщины меня немного насмешил, а она продолжала:

— Потом он начал жаловаться, какое это пиво дорогое, и ушел. Типичный нудак! Я тоже пошла домой, а Лариса осталась в баре.

Я подумала, что более молодой Ларисе наверняка легче подцепить кавалера, бродя в одиночестве, чем в компании Светы. Так и оказалось.

— А потом она вернулась и сказала, что познакомилась как раз с двоими. На себя и на меня. И договорилась поехать с ними на машине кататься.

Катание на машине ночью вызвало у меня вполне определенные подозрения, сообщать о которых я, впрочем, сочла неуместным.

— Ну, я и решила — я женщина свободная, если мне мужчина понравится, так почему бы с ним не пообщаться? Характер у меня коммуникабельный, заводной, скучать я не привыкла. И вот мы приходим, а там...

Собеседница сделала эффектную паузу, и моя фантазия быстро нарисовала дюжину картин, одна страшнее другой. Правда, если б хоть что-то соответствовало действительности, Свете не довелось бы сейчас стоять перед нами, она лежала бы хладным трупом. Откровенно говоря, я вообще жуткая трусиха и в машину с незнакомым мужчиной села бы разве что под угрозой пистолета.

— Ну, и что? — поторопила Бэби. — Их оказалась целая банда?

— Нет, откуда? Ровно двое. Один из них такой, вполне ничего. Лет под сорок, стройный, усы черные — ну, мне бы подошел. А второй — хоть святых выноси. Толстый старый козел, и больше ничего. Я еще удивилась, зачем Ларисе такой понадобился, как вдруг она на моих глазах лезет к молодому, а козлу показывает на меня, представляете!

Я с трудом сдерживала хихиканье и старалась не смотреть на подругу, а то моих сил явно не хватило бы и я б расхохоталась.

— Поразительная история, — сдавленным голосом прокомментировала Бэби. — И что вы предприняли?

— Ну, я высказала им, что обо всем этом думаю — в вежливой форме, разумеется, как культурный человек. Так они еще и обиделись, представляете! Мол, они так рассчитывали, что поедем вчетвером, а я нарушаю все их планы. Кстати, я полагаю, брюнет гораздо с большей охотой поехал бы со мной, а не с Ларисой. Он так меня уговаривал, бросал такие взгляды! Но я оставалась непреклонна. Такой уж у меня характер — если я права, то стою на своем, невзирая ни на какие

препоны. Короче, они в конце концов сели в машину и уехали. Представляете, два мужика и с ними одна Лариса! Я даже не хочу произносить, каким словом это называется. Нет, я никого не осуждаю, каждый может развлекаться, как хочет, в меру своих понятий о нравственности, только какое она имела право увезти с собой ключ! Я вспомнила о нем, только дойдя до дому, а тогда уже было поздно их догонять.

Бэби бодро заметила:

— Но в регистратуре наверняка есть запасной ключ. Вы туда обращались?

— Ну... сейчас почти ночь, там, наверное, закрыто?

Вот уж, подобные мелочи мою подругу смутить не могли. Она направилась куда-то вместе с пострадавшей, а я осталась на пороге. Вскоре обе вернулись.

— Ну, что?

— Мы нашли домик, где живет регистраторша, — мрачно поведала Света, — только запасных ключей у нее нет.

— Я им не верю, — добавила Бэби, — но доказать ничего не могу. Не может не быть запасных ключей, но им спокойнее уверять нас, будто нет. Наверное, боятся обвинений в воровстве или еще чего-нибудь.

— Мы можем спать по очереди, — предложила я. — Лечь на мою кровать вдвоем, конечно, нереально, но чередоваться можно. Мне лично пока не хочется спать.

— Благодарю, — вежливо, однако очень холодно ответила Света, — но этот вариант меня не устраивает. Извините за беспокойство!

И она канула в темноту. Мы с подругой тихо посплетничали о происшедшем, пока она не напонила:

— Учти, я разбужу тебя завтра чуть свет. Самое полезное солнце — утреннее.

После столь устрашающего заявления я схватила зубную щетку и опрометью бросилась к мойке. А, чего там тень на плетень наводить! Все равно рано или поздно придется обрисовывать декорацию преступления, а она отнюдь не страдает романтизмом. Мойка располагается в туалете, туалет же разделен на две половины — женскую и мужскую. Если идти по асфальтированной дорожке, то

попадаешь к женской, а представителю противоположного пола следует пройти дальше до соседней двери. Но многие из них предпочитают поступать иначе — пробираться по короткой и узкой тропинке в кустах, которая приводит прямо в нужную половину. Так вот, у самого туалета я обнаружила Юрия Андреевича. В свете фонаря лицо его казалось совершенно белым, выражение же лица... трудно подобрать подходящее слово... есть такой эпитет — «опрокинутое». Вот, нечто вроде. По крайней мере, я испугалась и спросила:

— Вам плохо?

Он сперва помолчал, а потом сказал:

— Нет, нет. У меня бывает.

И моментально сгинул. Я почистила зубы, вернулась и легла в постель. Не спалось, в голове вертелись разные мысли. Потом, очевидно, я все же заснула, хотя была уверена, что не сомкнула глаз. Заснула, конечно, поскольку видела сон. Рядом со мной стоял Леша и весело говорил: «А ведь я на самом деле не тот, за кого себя выдаю. Я на самом деле знаешь, кто? Я женщина. Хочешь, докажу?» И он завизжал высоким женским голосом.

Глава 11. Первое убийство

Я вздрогнула и села на кровати. Визг не прекращался, и я поняла, что он вполне реален. Реален и страшен.

— Бэби! — в панике позвала я.

Она уже включала свет и накидывала на себя сарафан. Я последовала ее примеру, и мы выскочили на крыльцо. В соседних домиках тоже загорались окна. Во двор выбегали встревоженные жители нашего райского уголка.

— Кажется, там! — указал рукой кто-то, и мы рванули вперед. Да, визг стал действительно громче, а совсем скоро обнаружился его источник. На узкой тропинке стояла Света и душераздирающе кричала. У меня упало сердце. Я должна была уговорить ее остаться, а не отпускать одну в ночь. Боже, что такое могло произойти?

— Света, что случилось? — это голос Мити.

Визг прекращается, становится тихо-тихо. Митя делает несколько шагов и негромко вскрикивает. Почему-то его негромкий вскрик заставляет меня покрыться мурашками ужаса.

— Что там? — спрашиваю я.

— Девочки, идите-ка вы все быстренько по домам. Вадик, проводи их, хорошо?

И побудь пока с ними. Юрий Андреевич, найдите кого-нибудь из администрации, у них наверняка есть телефон. А мы с Русланом здесь посторожим.

— Где я найду администрацию ночью? — мрачно осведомился Юрий Андреевич. — Я вам покажу, — предложила Бэби, — я знаю. Но что случилось?

Ответа не последовало, и она уверенно прошла вперед. Прошла, нагнулась. Потом уточнила:

— Это кто лежит? Здесь темно, и мне не разглядеть. Видно только, что мужчина.

— Отстрел непуганых мужчин, — вырвалось у меня.

Это не цинизм, честное слово! Чем больше я переживаю, тем больший бред несу, вот и вспомнился странный разговор с отцом моей подруги про отстрел непуганых мужчин, ни с того, ни с сего.

— До появления милиции ничего трогать нельзя, — объяснил Митя. — Я тоже не пойму, кто это. А фонарика с собой не взял, слишком торопился.

В этот миг яркий луч неожиданно пронзил темноту, и я в ужасе закричала. Впрочем, не я одна. По-моему, в хор вплетались не только женские, но и мужские голоса.

— Успокойся, — прошипела мне Бэби, — это придурок Максим зажег свой идиотский сигнальный фонарь.

Я захлопнула рот. Да, точно, у Максима было такое орудие пытки, которым он обожал слепить глаза всем встречным, удостоенным его внимания. Теперь луч света, немного побродив в кустах, перескакивал с Мити на Руслана. Лица обоих были перекошены, особенно последнего. Митя хоть немного держал себя в руках, а Руслан просто изображал маску ужаса из древнегреческой трагедии. По мне снова побежали мурашки, и я выдавила:

— Это кто-то знакомый, да?

Руслан, похожий на привидение, молча кивнул, а Митя добавил:

— Девочки, идите домой, ну, пожалуйста! Нечего вам здесь делать.

— Кто это? — нервно поинтересовался Вадик. — Я никуда не пойду, пока не увижу! Кто это там?

И он прикрыл рукой глаза, поскольку Максим тут же направил любимый фонарь на новый объект.

— У, — радостно сообщило замечательное дитя, — ты нервный. А в кустах лежит дядя Петя. Так ему и надо!

Моя подруга судорожно вздохнула, но больше ничем не проявила своих чувств.

— Возможно, он еще жив? — уточнила она. — Сердечный приступ?

— Нет, — возразил Митя, — он мертв. Убит.

Я полагала, что ввергнуть меня в большой транс не сможет уже ничто, однако ошибалась. Убит, о господи! Убит! Голова начала кружиться, и я бы потеряла сознание, если б не Бэби, схватившая меня за руку.

— Тогда идемте быстрее! Надо срочно вызвать милицию!

Но Юрий Андреевич, которому было поручено это сделать, двинулся совсем в другую сторону. К телу. Он наклонился над ним и с

безграничным удивлением произнес:

— Петр Михайлович. Петя. Убитый.

— А вы что, не верили? — возмущенно фыркнула Бэби. — Вам ведь русским языком сказали!

И, волоча меня на поводу, она рванула через кусты, а за нами — Юрий Андреевич и Вадик. В домике, где жила администратор, было темно, но мы стучали и кричали до тех пор, пока она не вышла на крыльцо. Телефон, слава богу, имелся, и до милиции пораженная женщина дозвонилась сразу. Вернее, сразу после того, как осознала, что мы ее не разыгрываем. Таким образом, не прошло и четверти часа после обнаружения тела, как мы с подругой снова сидели на своем пороге. О сне, разумеется, не могло быть и речи.

— Бэби, — обмирая, спросила я, — а там точно Петр Михайлович? Ты его видела?

— Нет, — подумав, ответила она, — я лица не разглядела. Но Митя с Русланом подтвердили, что он, и Юрий Андреевич тоже, а они стояли рядом с трупом.

— С... с трупом, — повторила я. — О господи! С трупом! Его что, застрелили? Отстрел непуганых мужчин действительно начался, да? Начали с самого безобидного, которого убить легче всего, потом перейдут к более осторожным, типа Леши, а напоследок приберегут самого хитрого — Митю, да? Раз я так придумала, теперь так оно и будет, да? А...

— Не прекратишь истерику, я тебя укушу! — рявкнула Бэби, прерывая мой бешено несущийся неуправляемый монолог.

Я осеклась на полуслове, осознав, что и впрямь потеряла голову, и осторожно поинтересовалась:

— Почему укусишь?

Истеричек, кажется, бьют по щекам? Однако именно экзотичность угрозы подействовала и заставила меня отвлечься.

— Потому что жутко хочется кого-нибудь укусить, — призналась моя подруга. — А, кроме тебя, никого рядом нет.

Я кивнула. Да, она не из тех, кто, подобно мне, при неприятностях пассивно плачет. Ее энергия требует выхода. Надо подтолкнуть Бэби к какой-нибудь деятельности, хотя бы умственной, и ей станет легче. Поэтому я предложила информацию к размышлению:

— А почему Митя так уверен, что Петра Михайловича убили? Почему не сердечный приступ? Как ты считаешь?

Данная фраза далеко превосходила мои психологические возможности. Слова «Петра Михайловича убили» вызвали примерно такую реакцию, как отвратительное зубило дантиста, неожиданно вонзающееся прямо в обнаженный нерв. Я отвернулась, чтобы скрыть выступившие слезы, благо было темно.

— Вообще-то, — задумчиво пробормотала Бэби, — вопрос интересный. Значит, было что-то такое... Я ведь внимательно не вглядывалась, понимаешь? Наверное, имелось ранение, характер которого явно указывал на его неслучайную природу. Или огнестрельное, или ножевое. Впрочем, могли просто ударить тяжелым предметом, да? Вряд ли человек способен споткнуться на ровном месте и до смерти расшибить себе голову о землю?

Все эти рассуждения, явно взбодрившие мою подругу, на меня действовали прямо противоположным образом. Каждое из предположений, тягостных до последней степени, тут же материализовывалось у меня в голове, и я, плюнув на достоинство, наконец зарыдала, уткнув лицо в колени.

— Ты что, Оля? Что случилось? Оля, что случилось? Какой козел тебя обидел? Аня, что с ней, отвечай! Оленька, да что с тобой?

Кто-то гладил меня по плечу.

— Не вздумайте ее утешать, — словно откуда-то издалека донесся голос подруги, — иначе она совсем сорвется с резьбы. Это проверено. Лучше не обращать внимания, и все потихоньку пройдет.

— Ну, знаешь ли! — заорали у меня под ухом. — Правду говорят, злая баба любого мужика подлее! Оленька, не плачь! Ну, что ты хочешь, скажи? Ну, кто этот гад?

Я подняла глаза. У порога стоял растерянный Леша, из-за его плеча выглядывала любопытная Ирочкина физиономия. Боже мой, они ничего не знают! Несчастные! Им еще предстоит пережить то жуткое известие, которое для нас уже позади. Нет, я не в силах ничего сказать, пусть это сделаю не я! И я эгоистично обернулась к Бэби.

Она, разумеется, поняла.

— В кустах у туалета лежит тело Петра Михайловича. Убитого, — кратко доложила она. — Скоро будет милиция. Оля переживает.

— А что, — изумился Леша, — а разве с ним как бы крутила Оля? Я думал, ты или Лида. Оля, ты что, типа с ним? Он тебе лучше меня?

Интонации выражали неподдельную, детскую обиду, и во мне закипело возмущение.

— Как вам не совестно, Леша? Человека убили, вы понимаете? Вы же и сами человек, правда? А иногда ведете себя так, будто нет. Будто вы прилетели с другой планеты и не понимаете элементарных вещей. Будто вы сами живете где-то на Марсе, а не...

Впрочем, я тут же устыдилась своей проповеди. Леша, скорее всего, еще не воспринял до конца свалившуюся информацию, это совершенно естественно, а я накинулась, словно фурия, возмечтавшая о славе великого педагога.

— Извините, — попросила я. — Это я ругаюсь на нервной почве.

— Девчонки, — уточнила молчавшая до поры Ирочка, — это вы парите или как?

— Мы не шутим, — пояснила Бэби. — Это правда.

— И... и кто его?

— Если б мы знали!

Наш собеседник ошарашено потряс головой:

— Надо же! Никогда б не подумал! Думал, тихое место, никаких разборок, а тут у вас круто... Да еще Петя... такой тихушник, и вдруг... И как его замочили, а?

— Слушай, оставь девчонок в покое! На них и так лица нет!

В полосе света возник Юрий Андреевич. Леша, похоже, не обиделся, согласно кивнув, потом поинтересовался:

— А Русланчик где? И Митька?

— У тела. Ждут приезда милиции. Да, вот, похоже, и они!

Неподалеку зашумела машина, сверкнули фары. Вскоре на тропинке показались Митя и Руслан.

— Менты велели не ложиться, — раздраженно информировал нас последний. — Чем-то мы им не угодили.

— Просто хотят уточнить ситуацию, — возразил Митя. — Не волнуйся.

— Разве я могу не волноваться? — Света материализовалась из тьмы и в поисках защиты приникла к его плечу. — Это ведь я его нашла! Именно меня заподозрят в первую очередь!

Мне чудилось, что я вижу сон. Станный, нелепый. Осталось сделать усилие и проснуться, только не получалось.

В пользу милиционеров должна сказать, что они принесли мощные фонари, и ощущение нереальности происходящего немного отступило. Я наконец-то разглядела окружающий мир. Итак, мы с Бэби примостились на крыльце, а рядом устроились Леша с Ирочкой. За общим столом под деревом сидят Юрий Андреевич с Вадиком, Митя в компании прижавшейся Светы и Руслан. Кого-то не хватает, да? Андрея и Арсения, вот кого. Да, и женщин. Лиды, Ларисы. Трудно представить, что они спокойно спят. Чтобы проспать подобное, надо быть глухим. Впрочем, Лариса катается на автомобиле, а Лида вон идет, ее тащит за руку Максим. Похоже, она недавно плакала.

— Добрый вечер, — вежливо приветствовал нашу пеструю компанию немолодой усталого вида мужчина в милицейской форме.

— Скорее уж, доброй ночи, — сухо парировал Юрий Андреевич.

— Пожалуй, — добродушно согласился собеседник. Говорил он без акцента и вообще показался мне русским, что весьма радовало. Нет, я не националистка, только трудно ведь спорить с утверждением, что у каждой нации имеются свои особенности. Так вот, мне легче иметь дело с теми, кто на меня похож. Многие женщины, например, уверяют, что южные мужчины гораздо привлекательнее наших, а я лично их, наоборот, опасаясь, поскольку их психология мне совершенно чужда. Кстати, второй милиционер, знойный тип лет тридцати, утопающий в черных кудрях и усах, был явно местным, а третий, мальчишка чуть постарше меня, нет. Я имею в виду, разумеется, не прописку, а происхождение.

— Что ж тут у вас такое творится? — снисходительно попенял нам все тот же мужчина. — Сколько лет тут служу, а чтобы отдыхающих втихаря убивали — такое в первый раз. Кстати, меня зовут майор Ильин.

— А обычно убивают не втихаря? — вырвалось у меня.

— Здесь вопросы задаем мы, дэточка, — возмутился знойный тип, однако майор Ильин тут же его унял:

— Не горячись, Марат. Девушка мыслит правильно. Это капитан Игаев, а это лейтенант Савченко, — он кивнул в сторону самого молодого. — А как ваше имя?

— Ольга Денисьева, — представилась я. — А это Анна Губарева, — я зачем-то указала на подругу, будто она сама вдруг онемела.

— Очень приятно. Да, Оля, обычно у нас если и убивают, то не втихаря. Выпьют, поспорят, да еще девушки рядом, вот кто-нибудь и схватится за нож. Впрочем, нож — крайний случай. Скорее уж драка. Челюсти отдышающим сворачивали, руки ломали — это помню. Раз даже ножом пырнули — так, чуть-чуть. А чтобы насмерть, да втихаря — не припомню. Скажите, покойный — Кузнецов Петр Михайлович, да? — он до драк был не охотник? За прекрасных дам, в особенности? Ага, что-то было!

Видимо, мое лицо оказалось красноречивее любых слов. Я вспомнила двух кавказцев, заявившихся к нам сегодня днем — а чудится, сто лет назад. Заявившихся и устроивших драку. Из-за меня. О господи, из-за меня!

— Возьми себя в руки, — раздраженной змеей зашипела Бэби и обратилась к Ильину:

— По ее виду можно решить, будто это бог знает что, а на самом деле ерунда. Сегодня днем к нам с нею пристали двое, прямо здесь. Мы бы и сами с ними справились, но наши мужчины решили помочь и немного подрались. Включая Петра Михайловича. Вот и все. Эти нахалы тут же ушли, без малейших проблем.

— Ага! — обрадовался Ильин. — Значит, была сегодня драчка. А вы хорошо запомнили этих молодчиков? Сможете описать?

Я честно сообщила, что не запомнила их вовсе, за исключением ярко выраженной национальной принадлежности. Моя подруга, разумеется, проявила себя лучше, дав довольно подробное описание, правда, не изобилующее особыми приметами в связи с отсутствием таковых.

— Я их тоже видел, — со вздохом вмешался Руслан. — Описать не сумел бы, но, встретив снова, думаю, узнаю.

Его вздох был мне понятен. Да, не только у меня имелись причины мучиться совестью! Ведь именно Руслан приманил сюда убийц. Только с чего я взяла, что они и есть убийцы? А с того, что милиция про них расспрашивает.

— Вы тоже участвовали в драке? — заинтересовался Ильин.

— Нет, я встретил их по пути и сдуру пошутил, что у нас тут самые красивые девушки. То есть... ну, не то, чтобы пошутил... — несчастный бросил на Бэби косой взгляд и совсем смутился. — Просто не понял, что они за люди, и...

— Так, ясненько. А кто, кроме Кузнецова, принимал участие в драке?

— Ну, я, — бодро отрапортовал Леша. — Еще вон Вадька. Кажется, Юрик тоже, да? И Сенька пытался, ха-ха! А красавчик Андрей, псих наш, типа глаза пялил. Кстати, где он?

— Действительно, где он? Он живет где-то здесь?

— Да вон его дверь!

Ильин кивнул юному Савченко, и тот громко постучал. Ничего! Но замка снаружи нет. Савченко толкнул дверь, она открылась. Посреди комнаты на полу виднелось что-то странное. Впрочем, даже я сразу поняла, что это, слава богу, не труп. Милиционер посветил фонарем, и мы обнаружили Андрея, восседающего в позе лотоса. На нем были лишь черные обтягивающие плавки, что, кстати, весьма ему шло.

— В чем дело? — безмятежно осведомился он, вставая.

Я опешила. Ничего себе, вопросыки! Тут крики, убийство, огни, а он — «в чем дело?» И ведь не глухой!

— Убийство, — столь же безмятежно пояснил милиционер.

— А, убийство. Но я вряд ли смогу быть вам полезен. Я провел последние часы вне пределов вашего мира.

Похоже, прорняло даже Ильина, в его голосе послышалось недоумение.

— Где вы провели последние часы?

— Я медитировал. А где путешествовала в это время моя душа, для вас вряд ли важно.

— Но крики-то слышали?

— В астральном мире? — чуть приподнял красивые брови Андрей. — Там используешь иные органы чувств.

— Иные? — сумев взять себя в руки, с привычной флегматичностью уточнил майор. — Тем лучше. Может, с их помощью вы узнали про убийство то, чего не знают остальные?

— Да, возможность такая у меня была. Но в данном случае я не следил за событиями внешнего мира и не способен удовлетворить

ваше любопытство. А теперь, если необходимость во мне отпала, я бы вернулся к своим занятиям.

Наши глаза от подобного поведения все дальше лезли на лоб, и мне чудилось, что Андрей упивается этой реакцией, хотя вид он сохранял самый безразличный.

— А где Арсений? — неожиданно поинтересовался Юрий Андреевич. — Почему его нет?

Все повернулись к Ирочке.

— Я не знаю, — пролепетала она. — Я его не видела после... то есть я гулять пошла после ужина, а его больше не видела. В домике, наверное?

— Арсений — это кто? — быстро спросил Игаев.

— А вот ее муж, — ответил Леша. — Он тоже типа дрался, но еле-еле. Он из этих, из хлюпиков.

Мы дружной кавалькадой двинулись к домику молодоженов. Дверь была незаперта, но комната пустовала. На Ириных глазах выступили слезы.

— Арсений! — закричала она. — Ау! Сенечка!

Мы немного подождали, но ничего не дождались.

— Значит, так, — резюмировал Ильин. — Капитан Игаев остается тут. Лейтенант Савченко дежурит на месте преступления и никого туда не подпускает, чтобы не затоптали следы. При дневном свете осмотрим все снова. Не советую вам всем никуда ходить, особенно по одиночке. И, уж извините, в туалет, ежели приспичило, — не через кусты, а по освещенной дорожке, и парами. Особенно это относится к участникам драки. Завтра утречком — вернее, уже сегодня — все до единого будьте здесь. По одному вас в отделение вызывать — лишняя морока, поговорим лучше тут. Если кто еще чего про этих парней вспомнит, завтра сообщите. Ну, пока все. Спокойной ночи.

Едва он удалился, заговорил Игаев.

— Кто обнаружил тело?

В капитане не было и следа усталого спокойствия начальника, энергия била через край. Не было и доброжелательности.

— Я, — испуганно призналась Света.

— Каким образом?

— Ну, шла и... и наткнулась, — ее голос задрожал.

— Зачем?

— В смысле... то есть... что — зачем?

— Зачем вы там шли? К женскому туалету ведь дорожка другая, так? Зачем вы пошли через кусты?

Бедная Света! Хорошо ли так к человеку привязываться? Мало ли, может, она... ну, предпочла кустики... только не объявишь же об этом во всеуслышанье. И вообще, бродила себе в расстройстве, не глядя под ноги. Разве любой свой поступок можно объяснить?

— Я... ну, моя соседка по номеру уехала и увезла с собой ключ, и мне было не попасть домой. Я гуляла по нашей части турбазы и случайно обнаружила...

— Соседка? И где она, ваша соседка?

— Ее еще нет. Она поехала кататься на машине с двумя... с двумя уроженцами здешних мест, — витиевато выразилась Света, не желая в присутствии Игаева как-нибудь иначе определить парочку кавказцев.

— С теми самыми? — уточнил он.

Вопрос меня поразил. Свету, похоже, тоже.

— Не... не знаю. Тех я не видела. Не знаю.

— Но по описанию похожи?

— Ну... что-то есть... не знаю...

— Капитан, — вмешался Руслан, — я, конечно, не был свидетелем, но... мне не кажется, что эта драка была из тех, за какие убивают. Повздорили и забыли. Если б за это убивали, у вас было бы слишком много работы.

— Точно, — кивнул Леша, — обычная буза. Если б была серьезная разборка, это как бы одно, а тут... ну, помахали кулаками... тоже мне, повод!

Игаев, словно не услышав, продолжил:

— Который из вас — сосед убитого?

— Я, — мрачно отозвался Митя.

— Во сколько вы его видели последний раз? Живым?

— Ну... наверное, около половины десятого. Примерно так.

— И вы не удивились, что он так долго не возвращается?

— Удивился? Нет.

— Странно, — иронически протянул капитан.

— Почему? А, понятно. Нет, он ведь пошел не туда. Он пошел помочь нашей соседке, Лиде. У нее сломался фен, а Петр Михайлович — хороший электрик. Я понимал, что работа может затянуться.

— До трех ночи?

— Они оба взрослые люди, и это их право.

Мите явно не хотелось называть вещи своими именами, но совсем замять ситуацию он не мог. Я с сочувствием посмотрела на Лиду. Ей и так плохо, а тут еще отчитывайся о своих намерениях и планах чужому человеку!

Игаев бодро переключился на нее.

— Значит, убитый пошел к вам.

— Да, — почти неслышно подтвердила она.

— И чем вы занимались?

— Он починил мне фен. Потом мы выпили чаю. Потом он ушел.

— Во сколько?

— Около двенадцати.

— Точнее!

— Ну, скорее чуть позже... не помню... — лепетала растерянная Лида.

— Послушайте, — вмешался Митя, — а вы имеете право среди ночи задавать нам вопросы? Мы, кажется, пока не обвиняемые? Давайте разойдемся по домам, господа. Завтра нам предстоит тяжелый день, и надо бы хоть пару часов поспать. Аня, Оля?

Мы послушно удалились к себе и закрыли дверь, остальные, похоже, быстро последовали нашему примеру. Я боялась, Игаев раскричится, но он этого не сделал. Наступила тишина.

Глава 12. Что же все-таки случилось?

Мысль о сне казалась бредом.

— Ты хочешь спать? — спросила я подругу.

— Не хочу. Все равно не усну, у меня голова идет кругом.

— И у меня. Так Петра Михайловича убили эти... ну, которые из-за нас? Неужели из-за нас он...

— Прекрати! — возмутилась Бэби. — Мне куда хуже, чем тебе, а я же истерик не закатываю.

— Почему тебе хуже?

— Потому что я перед ним виновата. А то сама не знаешь! Теперь я думаю, не надо было мне его отваживать в такой грубой форме. Надо было как-то помягче.

Я возразила:

— Ты мягко.

— А, — махнула рукой она, — все равно ничего уже не поправишь. Кто ж знал! Только неприятно чувствовать себя свиньей. А с другой стороны, я же не мужчина, чтобы зарывать голову в песок. Раз свинья, так должна знать — свинья, и не питать напрасных иллюзий.

— Ты вела себя с ним очень деликатно, — с трудом сдерживая слезы, повторила я. — И вообще, его убили не из-за тебя, а из-за нас, так? Его и Арсения.

— Типун тебе на язык! — разгорячилась моя подруга. — Додумаешься же до такого идиотизма! Арсения еще приплела!

— А иначе почему его нет, а дверь открыта? Значит, думал, что уходит ненадолго, и не запер. А теперь лежит где-нибудь и...

— А я согласна с Лешей и Русланом — не верится мне в это, — прервала она. — Если б за такое убивали, действительно начался бы твой любимый отстрел непуганых мужчин. Вслед за Петром Михайловичем Арсений, потом Леша и Вадик с отцом. Честное слово, бред сумасшедшего!

— Да, но ведь этот... как его? майор Ильин — он считает так, это точно.

— Он считает так, потому что это проще. Ему лишь бы поменьше беспокойства, а на остальное плевать. А вот Игаев явно подозревает кого-то из нас.

Я села на кровати:

— Как из нас?

— Очень просто. А ты как думала? Выбор-то невелик. Либо эти двое психов, либо знакомые. А какие у него здесь знакомые, кроме нас? Я имею в виду, разумеется, не только нас с тобой, а вообще всех людей из нашего уголка. Он у нас такой уединенный, и посторонние здесь не ходят.

— Ну, это же не тюрьма все-таки, — парировала я, недовольная, однако успокоенная предположениями подружки. — Если посторонний захочет, он зайдет.

— Да, но зачем? Прогуляться у нашего туалета? И, увидев конкурента в лице Петра Михайловича, обидеться и его убить? Петр Михайлович не очень-то коммуникабелен. Я думаю, он не успел завести здесь знакомых, а тем более, врагов. Кроме нас, конечно.

Я уточнила:

— Ты подразумеваешь Андрея?

Бэби хмыкнула:

— Это ты вспомнила, как они сегодня поцапались из-за дайнетики? Кстати, Андрей — тот еще фрукт. Ты обратила внимание, он даже не спросил, кто именно убит! Слетел, видите ли, с высот духа, узнал об убийстве, но не заинтересовался, обо чьем. Ты веришь в это? Я нет. Он наверняка все знал, просто выкаблучивался. А откуда знал? Либо подслушивал, либо сам убил.

— Из-за разницы во взглядах на учение Хаббарда? Это еще более странно, чем из-за глупой драки.

— Да, но Андрей и есть странный. Либо притворяется таковым. Впрочем, я-то имела в виду другое. Ты помнишь, что Петр Михайлович сказал нам утром?

— Ну... что кофе вреден. Ну и что?

— А еще? Ну, вспомни! Он еще хотел привлечь наше внимание.

— Твое, — поправила я.

— Пусть мое. И сказал, что знает такие вещи, которые мы не знаем, хотя хотели бы. Потому что он наблюдательный, а мы нет. И он узнал о ком-то что-то, что тот тщательно скрывает. Ну, вспомнила?

— Точно, вспомнила! Слушай, а почему ты не рассказала это милиции?

Моя подруга пожала плечами:

— Сперва забыла, а потом этому Игаеву не захотела. Он грубый. Но завтра расскажу. Это может оказаться важным. Если он узнал тайну кого-то из нас, то почему бы кому-то из нас его не убить? Проще простого. Рано или поздно в туалет Петр Михайлович пройти должен, правда? Стой себе на тропинке да жди. А если и попадешься кому на глаза, никто не удивится.

Последняя фраза вызвала у меня смутные ассоциации. Если и попадешься кому на глаза... А ведь мне, кажется, кто-то попался?

— Ты не знаешь, — уточнила я, — во сколько я ходила чистить зубы?

— Около часу ночи, а что?

— А Петр Михайлович был тогда... ну...

— Лида утверждает, ушел от нее за полночь. А что?

Если Бэби требует ответа, уклониться невозможно.

— Я встретила там Юрия Андреевича, бледного и вообще не в себе. Я даже спросила, что с ним, а он ответил, что с ним бывает, и убежал. Может, это ничего и не значит...

— А может, и значит. Молодец. Давай-ка восстановим с тобой обстановку. Чтобы не кидаться, как Ильин, на первую попавшуюся версию, а представить всю полноту картины. Петр Михайлович один едет в незнакомое место, переживает, как сумеет добраться. В поезде знакомится с нами и с Митей. То есть мы общались с ним больше всех и в каком-то смысле самые подозрительные. Ты следишь за ходом моих рассуждений?

— Нет, — призналась я.

— А что ты делаешь?

— Я думаю об Арсении. Прости меня, Бэби, только я не понимаю, что ты сейчас говоришь.

— А я-то надеялась, что тебя отвлекла, — вздохнула она.

— Ты сперва и отвлекла, а теперь оно снова накатило. Просто все внутри переворачивается.

— Повторяй про себя какие-нибудь стихи, желательно на латыни. Латинские тексты очень успокаивают.

Я последовала совету, и он помог. Я даже задремала, и мне привиделся кошмар, принявший облик очень красивой девушки с распущенными черными волосами, в которых сверкали отблески багрового пламени. Девушка была под три метра ростом, она быстро и резко щелкала пальцами, высекая из них искры, летящие ко мне, однако я умудрялась уворачиваться. Было страшно. И вдруг... сквозь страх, сквозь сон я услышала такой родной, такой милый картавый голос, голос Арсения!

— Не ваше дело, — с ледяной яростью заявлял этот долгожданный голос почти у нас под окном. — Я взрослый человек и имею право возвращаться тогда, когда сочту нужным. По-моему, даже в коммунистические времена милиция не позволяла себе подобного самоуправства.

Моя подруга вскочила, прыгнула на мою кровать и пихнула меня в бок.

— Паникерша! — смеясь, прошептала она мне в ухо. — Лежит, говоришь, убитый? Тебя к неприятельским армиям подсылать надо, для снижения боевого духа, вот что!

Ну, разумеется! Камень, упавший сейчас с ее сердца, был не меньше моего, просто она лучше владеет собой!

А диалог во дворе продолжался.

— Вы обязаны ответить, — настаивал Игаев.

— Я? Обязан? В таком случае предъявите соответствующие документы. Ах, нет? Значит, спокойной вам ночи.

— Захлопнул дверь у милиционера под носом, — прокомментировала Бэби.

— А Игаев сообщил ему о... о Петре Михайловиче?

— Нет. Сразу потребовал отчета, откуда он идет, а тот отказался.

— Потому что терпеть не может, когда на него давят, — понимающе кивнула я. — Ему надо было все объяснить логически. Боже мой, какое у меня прекрасное настроение! Это ужасно, да? Человека убили, а я радуюсь. Получается, Арсений для меня настолько дороже Петра Михайловича? Мне казалось, скорее наоборот.

— Просто смерть Петра Михайловича мы уже пережили, и назад пути нет, — объяснила мне подруга. — Мы смирились с ней за невозможностью иного выхода. А по поводу Арсения была неопределенность, и она разрешилась наилучшим образом. Если бы с

Петром Михайловичем тоже была неопределенность и она разрешилась плохо, мы бы не радовались, можешь мне поверить.

— Наверное. К тому же если бы Арсений тоже... ну, понимаешь? то стало бы ясно, что из-за нас. В смысле, из-за драки. В смысле, эти двое. А я, наверное, жуткая эгоистка. Мне очень не хочется оказаться виноватой.

— А кому хочется? Только режьте меня на части, я не верю, что Петра Михайловича убили эти типы. Они такие... ну, обычные искатели приключений. У них ветер в голове. Сразу вмазать — пожалуйста, а обдумывать, копить зло, возвращаться, подкарауливать... Они наверняка нашли себе занятие поинтересней. Кстати, а как его убили?

— То есть? — не поняла я.

— Ну, то есть чем. Выстрела мы не слышали, правильно? А когда я видела... ну, тело, то ничего особенного не заметила. Темно ведь.

— Митя сказал, что ножом.

— Ага, — оживилась Бэби, — там нашли нож?

— Кажется, нет. Просто Мите так показалось по виду... по виду тела.

— Значит, женщин отметать нельзя, — с мрачным удовлетворением констатировала моя подруга. — Ножом может убить каждый. Тут сил не надо.

— Зато надо... не знаю, как выразиться... знания или умение? Попадешь не туда, и пиши пропало. В человеке ведь ребра всякие, а не только сердце.

— Это да. Кстати, Света хвасталась, что весьма сведуща в медицине. Ее первый муж был хирург.

— Если б она сама убила, не стала бы находить тело, — возразила я.

— Вот она и надеялась, что все так станут рассуждать! Нет, это не алиби. Как ни крути, шестнадцать подозреваемых у нас есть. Сейчас... да, шестнадцать. Понятно, что милиции неохота с этим мучиться.

Я опешила:

— Сколько-сколько? Ты откуда столько выискала? Ты что?

— Два драчуна да четырнадцать нас, — безмятежно пояснила мне подруга. — Вот и считай.

— Нас с тобою ты тоже включила? — хмыкнув, уточнила я.

— Ну, разумеется. А чем мы лучше других? Ты ведь отлучалась на мойку, так? И я тоже. Так что возможности были.

Вот уж не думала, что в столь страшную ночь я сохраню способность смеяться, однако засмеялась. Все-таки Бэби — это нечто! Помню, в одном детективе героиня видит у убитого вещь, принадлежащую ее горячо любимому и глубоко уважаемому отцу, и впадает в страшную депрессию. Она убеждена, что он — убийца, но не хочет его выдавать. Кстати, потом выясняется, что вещь попала к несчастному случайно. Так вот, я подобных терзаний не понимаю. Если б я узрела в кустах подругу с ножом в руках, а другой конец этого ножа был бы воткнут в труп, мне бы даже в голову не пришло заподозрить ее в чем-то нехорошем. Я бы поняла, что она пытается вытащить оружие из раны.

Отсмеявшись, я заявила:

— Меня изволь из своего списка вычеркнуть. И себя тоже. Мы белые и пушистые.

— Ладно, — неохотно согласилась она, — пока вычеркну. Хотя для милиции понадобятся более веские аргументы.

— А они есть! — сообразила я. — Петр Михайлович ведь сказал, что узнал чью-то тайну, которая нас заинтересует. Сказал именно нам. Значит, тайна не наша, правда? Свои тайны мы и без того знаем.

— Ну, пусть виноваты не мы, бог с тобой. Следующий по подозрительности Митя. Он познакомился с Петром Михайловичем еще в поезде и живет с ним в одной комнате. Именно о нем тот мог с наибольшей вероятностью что-нибудь выведать, причем не без оснований полагая, что нас эти сведения заинтересуют. К тому же Митя выдержанный и умелый. Не сомневаюсь, при желании он вполне смог бы ловко ударить в сердце. А если б и не попал, в темноте никто бы его не разглядел. Полнейшая безопасность!

— Зато жертва бы насторожилась и во второй раз не повела себя так беспечно.

— Пожалуй. Тем не менее, убийство произведено умело и умно, а Митя умелый и умный. И не удивился, что Петра Михайловича до трех ночи нет дома.

Я быстро объяснила:

— Потому что знал — тот ушел к Лиде. Мог и ночевать у нее остаться, почему бы нет?

— Потому что Петра Михайловича интересовала не Лида, а я, — вздохнула Бэби. — А то ты не знаешь! А он — человек порядочный. Он не станет ночевать у женщины, на которую ему плевать. И не поверю, что Митя этого не понимает, он не дурак. Кстати, меня ставит в тупик его заявление о том, что я в Петра Михайловича влюблена. Если Максим, разумеется, не наврал тебе ради жвачек. То, что Митя не верит в подобную околесицу, очевидно. Так зачем ему было убеждать в ней несчастного Петра Михайловича? Странно и подозрительно. Да, еще! Если б Петр Михайлович остался на ночь у Лиды, куда б они дели Максима? Об этом твой Митя подумал? Наверняка, да. Так что туфту он нес, вот что. Не мог Петр Михайлович там остаться.

— А с чего Мите об этом думать? Он что, сводник, что ли? Лег себе спать, не запирая дверь, а придет сосед или не придет — какая разница?

— Лег себе спать? Ну-ну! А, когда выскочил, одежда на нем была в полном порядке. Не то, что мы в своих сползающих тряпках. Потому что ожидал чего-то, вот что! Уж не обнаружения ли тела?

— Ну, знаешь ли! Не всем же быть такими косорукими, как мы! Кто-то и в спешке умеет одеться по-человечески! И какие такие у Мити смертельные тайны, чтобы губить ни в чем не повинного человека? Ты и сама не веришь в бред, который несешь!

Я разгорячилась и потому опешила, услышав спокойный ответ:

— Не верю, разумеется, но это еще не значит, что несу бред. Мало ли, что я чувствую? Надо придерживаться логики, а не эмоций.

Взяв себя в руки, я сообщила:

— А если логики, так самым подозрительным мне кажется Леша.

— И почему?

— Не знаю. Он какой-то... не такой, что ли? Другой, понимаешь? Человек с Марса. Возможно, у него и мораль другая. Убить для него — не преступление.

— И это все? — немного подождав, уточнила моя подруга.

— Да.

— И где тут логика, хотелось бы знать? Логика подразумевает хоть какие-то мотивировки. «Человек с Марса» — это у него на лбу, что ли, написано? Или ты хоть чем-то способна свой диагноз подтвердить?

— Да всем! Это просто сквозит в каждом его слове, во всех поступках.

— А конкретнее? Или тебя просто настолько раздражают его ухаживания, что ты рада обвинить человека во всех смертных грехах?

— Ну, — заметила я, — теперь он ухаживает за Ирочкой.

— Вот именно! Влюблен в тебя, а гуляет с Ирочкой. Хотя, если уж на то пошло, прошел-то всего один день. Он что, полагал, ты в первый же день ляжешь с ним в постель? Мог бы поухаживать хотя бы с недельку. Ненавижу подобных мужиков! Но это еще не значит, что он убийца. Какие у него могут быть тайны? Марсианское происхождение?

— Вот если б его убили, — неожиданно вырвалось у меня, — я бы утверждала, что это Арсений.

— Если ты про Ирочку, то ему все абсолютно безразлично. Ты видела, как он с ней обращается? Женился ради смазливового личика, а теперь очнулся и сам не рад. Наверняка ищет повод для развода.

Я удивилась:

— Ну и что, что обращается! Все равно он очень переживает. Я как его вижу, у меня аж в душе все переворачивается от жалости. Мне кажется, он очень Ирочку любит. И она его любит, а вовсе не Лешу, а к Леше пристаёт, чтобы вызвать ревность. Только она это зря, у Арсения не тот характер, чтобы это правильно подействовало. Он не боец, он меланхолик. По крайней мере, интроверт, а не экстраверт.

— Все-таки ты фантазерка! Все у тебя такие чувствительные и романтичные. А на самом деле все обычно просто. Мужиков интересуют деньги и власть. Первым делом, как известно, у них самолеты, ну, а девушки идут потом. А вот бабы, конечно, бывают дуры. Света, например. Но она на Петра Михайловича не претендовала, так зачем ей его убивать? А Лида претендовала, но она умная. Ну, сбежал он от нее, не остался на ночь. Так что, она побежит следом с ножом, дабы отомстить? Не верю. Она слишком практична. Что касается Ирочки, Леша подходит ей как нельзя лучше, и она, не будь дурой, это поняла. Обожглась на Арсении, прельстившись умными разговорами, а теперь стала рубить сук по себе. Жениться он, разумеется, не женится, но гуляют подобные типы всегда именно с такими девицами, и им вместе хорошо.

— Слушай, — начала я считать по пальцам, — двое кавказцев, Митя, Леша с Русланом — это пять. Юрий Андреевич с Вадиком,

Арсений с Ирочкой, Света с Ларисой, Лида и Андрей — это тринадцать. Плюс мы с тобой — пятнадцать. Где шестнадцатый?

— Максим, — удивленно пояснила Бэби. — Ты его забыла.

— Так он же ребенок! Ты что?

— Ну и что, что ребенок. У него такой возраст и такой характер — убьет, не поморщившись. Вон, голубю ноги связал.

— Ага, так и вижу его в качестве защитника материнской чести! Он ведь очень хотел, чтобы Лида поймала Петра Михайловича в свои сети, а раз не удалось, Максим решил: «Так не доставайся же ты, жестокий красавец, никому!»

— Не язви! Я же не утверждаю, что это так. Просто нет ничего, что доказывало бы невозможность подобного исхода, — серьезно пояснила мне подруга.

— Ладно, а Арсений и Лариса? Они-то отсутствовали!

— Боже, какая наивность! Они делали вид, что отсутствуют, да. Причем Лариса делала этот вид демонстративно. Что за нелепая история с увезенным ключом? Словно нарочно для того, чтобы всем продемонстрировать: «Меня нет!» И поссорилась с Русланом она удивительно кстати. Арсений тоже хорош! Где он шлялся? Почему отказывается рассказать?

Бэби рассуждала и об остальных, глаза ее сияли, щеки горели. Ей доставляло странное удовольствие находить в каждом нечто подозрительное, словно она играла в суперинтеллектуальную игру. Только я не верила в серьезность всех этих страшных обвинений. Просто логические выкладки отвлекали мою подругу от тягостных мыслей о происшедшем. Если о чем-то слишком много говорить, оно становится нереальным, теряет смысл. А смысл однозначный — Петра Михайловича больше нет. Совсем нет. И, что бы мы ни делали, его не воскресишь. Он был занудой, но это наверняка не мешало ему радоваться жизни. В конце концов, каждый имеет право радоваться, как ему больше нравится, правда? Но его подобного права лишили. Навсегда. Господи, как ужасно! Прости нас, господи! Если б я знала, я бы вела себя с ним гораздо лучше, честное слово!

Глава 13. Утро следующего дня

Наутро я пришла на завтрак с гудящей головой, а при виде нашего столика у меня и вовсе схватило сердце. Там было четыре места — Бэбино, мое, Митино и... и Петра Михайловича. Последнее пустовало.

— Оля, — сказал Митя, — я понимаю, все это ужасно. Но жизнь ведь продолжается. Надо держаться, правда?

Мне казалось, что я и так держусь. Я не плакала и даже пыталась есть.

— Просто ночь не спала, вот и выгляжу больной, — объяснила я. — Завтра будет лучше.

Слава богу, что даром предвидения я не обременена!

— Оля у нас особа поэтическая, — прокомментировала Бэби. — Переживания — ее рабочий материал. Она их использует, чтобы делать из них стихи и песни.

Мне стало неприятно, однако вдуматься в замечание я не успела. Место напротив меня пустовало недолго.

— А я попросилась к вам! — радостно заявила Света, расставляя тарелки. — И меня пересадили. А то после всего этого видеть наглое лицо Ларисы — нет, это не для меня. Я слишком себя уважаю для этого. Знаете, во сколько она сегодня явилась? В половину шестого! Причем как! Я спокойно сплю... ах, да! Вы ведь не в курсе. Этот услужливый лейтенант Игаев помог мне попасть домой. Он вскрыл оконную раму. Сказал, что вообще-то не положено, но он не может допустить, чтобы такая очаровательная девушка ночевала на улице. Ах, эти южные мужчины! Они обычно от меня без ума. Пышная блондинка для них — предел мечтаний. Но я не люблю южан с их необузданным темпераментом. У меня самой темперамента хватит на двоих. Я предпочитаю наших петербуржцев, они куда интеллектуальней, а интеллект для меня — это все.

— Не только южане мечтают о блондинках, — вежливо улыбнулся Митя.

Кстати, я — шатенка, а блондинка у нас Бэби. Натуральная.

— Ну, вот. Я сплю в своей кровати сном праведницы, и вдруг — о боже! — что бы вы думали?

— Лейтенант Игаев пытается вас похитить, — предположил Митя. — Ох, уж этот необузданный темперамент южан! Неужели мне придется вызывать на дуэль представителя закона?

— Ой, шутник! — помахала пальчиком Света. — Нет, лейтенант Игаев как раз в тот момент удалился. Я открываю глаза и вижу в оконном проеме мужскую фигуру. Представляете? Толстую и отвратительную. Эта... не стану при мужчинах выражаться, кто, приехала вместе с двумя своими хахалями! Это уже превосходит все пределы! И хоть бы «извините» проронила! Ничего подобного! Будто так и надо!

— Ее мужчины — это не те двое? — прервала кокетливые стенания Светы Бэби.

— Что значит — не те двое?

— С которыми вчера была драка.

— А, эти... Не знаю. Я же тех двоих не видела.

— А лейтенант Игаев?

— Что — лейтенант?

— Он увидел этих Ларисиных мужчин?

— Ну, конечно. Он и Ларису увидел. Я надеялась, он ей хорошенько пригрозит, чтобы впредь вела себя прилично, но он почему-то не стал.

Митин голос выражал явное нетерпение:

— Так Игаев показал этих типов кому-нибудь из участников драки?

— Не знаю. Я разбиралась с этой нахалкой и...

Митя встал и направился к соседнему столику, где после эмиграции Светы оставались лишь трое — Леша с Русланом да нахалка Лариса. Он коротко побеседовал и, вернувшись, сообщил:

— Нет, это не те. К тому же они все время были втроем. С Ларисой.

— Такая соврет — дорого не возьмет, — прокомментировала Света. — Как, впрочем, и все нынешние молодые девицы. Они еще не скоро наживут ума! К тому же черные, они обычно заодно, все один за другого. Вендетта для них — закон жизни. Обидят одного, а мстит совсем другой.

Тоска крепко сжимала мое сердце, и смутно было на нем. После завтрака мы — те самые четырнадцать подозреваемых моею

подругой! — собрались у регистратуры. Вызывали нас по очереди, причем начав почему-то с Леша. Вышел он мрачный, велел заходить Вадику и молча сел рядом со мной. Я еще не видела у Леша подобного лица — словно кто-то стер все черты и потом заново нарисовал, небрежно и нечетко. У меня будто нож повернули в глубине сердца, и я сказала:

— Пожалуйста, Леша, не надо! Я понимаю, что все ужасно. Я стараюсь не думать, но оно ведь думается против воли, правда? Человека убили, он вчера еще был живой, говорил, дышал, а сегодня... Но Митя прав, жизнь продолжается, и надо держаться. Вы, по крайней мере, ни в чем не виноваты. В отличие от меня. Уже от одной этой мысли вам должно быть легче. Вы думайте об этом, и вам будет легче!

— О господи, — тяжело вздохнул он, — то ли ты притворяешься, то ли действительно совсем дурочка. Ну, какое мне может быть дело до постороннего мужика? Ну, пришили его — велики дела! Нечего ввязываться в истории, раз ты такой лох. Ну, а вдруг менты правы и его пришили эти психи? Тогда следующий у них на очереди как бы я, понимаешь! Или это туфта? Не похожи те парни на убийц, обычные фраера. Ну, а вдруг менты правы?

В первый момент я отшатнулась. «Пришили — велики дела!» Цинизм этой фразы меня потряс. Но потом, в следующий миг, все поменялось. Леше действительно угрожает смерть — по крайней мере, у нас есть основания подобное предполагать. Немудрено, что он в ужасе говорит страшные вещи. Неизвестно, что несла бы я, попав в его обстоятельства. И я, вздрогнув, предложила:

— Вам надо все время быть с кем-то рядом. Только действительно все время. Тут нечего стесняться, тут лучше перестраховаться, чем наоборот, правда? На всякий случай! А потом их найдут, и все будет хорошо. Пожалуйста, сделайте так! Руслан же, наверное, согласится побыть с вами. Или Ира. Или я, если они не смогут. Вы сделаете так, да?

— Дурочка ты, Оля, — ответил Леша, неожиданно проведя пальцем по моей щеке. — Самая натуральная дурочка. Выходила б ты лучше за меня замуж. Я тебе даже учиться дальше позволю, если тебе хочется. И с подругой твоей дружить.

Меня как обухом по голове ударили. Что за странный, непонятный человек! А Бэби еще сомневается, что он с Марса.

Из дверей регистратуры вышел Вадик и велел заходить Арсению. Я догадалась, что милиция начала допрос с участников знаменитой драки.

— Ну, что? — обеспокоено поинтересовался Юрий Андреевич.

— Ментам надо, чтобы кто-нибудь пошлялся с ними по городу, опознать этих придурков, — объяснил ему сын. — Я согласился.

— Но... ты не считаешь, что это опасно? Если они и впрямь...

— Не думаю. А если и так, кто-то ведь должен это сделать. Найти же их надо!

Меня поразили контраст между Вадиком и Лешей. Леша не скрывал своей трусости, а Вадик спокойно собирается идти на риск. Мне это очень понравилось, и я, не удержавшись, восхищенно ему улыбнулась.

Наверное, не стоило проявлять восхищения столь открыто. По крайней мере, Леша среагировал моментально.

— Кстати, — резким, злым голосом заявил он, — ты, герой, помнишь, что за тобой должок? Так что сильно-то не рискуй, даже перед дамочками. Или за тебя папочка денежку отдаст? Ты же у нас под папочкиным присмотром!

И тут я поняла, что этот самый Леша, несмотря на свое внешнее упрямство и даже самодурство, легко управляем. Если осознать тот факт, что он с Марса и потому его моральные нормы очень странны, предугадывать его реакцию довольно просто. Вот я его завела с полуоборота, словно игрушку механическую. А теперь надо покрутить колесико обратно. Только у меня нет опыта, и я точно не знаю, как. Не могу же я ни с того ни с сего сообщить, например, что предпочитаю зрелых мужчин мальчишкам! Хотя, если б сообщила, раздражение Леша против Вадика тут же угасло бы. Или просто сказать марсианину что-нибудь нежное? Только как, если нежности к нему я не испытываю?

Пока я колебалась, момент был упущен. Ко мне подошел Руслан и тихо спросил:

— Я могу поговорить с тобой, Оля? Давай отойдем в сторонку.

Одновременно Вадик ответил:

— Ты же обещал подождать, пока вернемся в Питер? Там и отдам. С процентами. Успокоился, жлоб?

— А я и не волновался, лох.

— Парни, ну, нашли время базарить! — устало бросил Руслан и снова обратился ко мне: — Слушай, ну, что ты из-за всего так переживаешь? Не бери в голову. На тебя ж смотреть невозможно!

Я пожала плечами.

— Конечно, — продолжил он, — это у тебя по молодости. Но вон твоя Аня тоже девчонка, а реагирует, как взрослый человек. В конце концов, Петр Михайлович, он тебе кто? Три дня назад ты о нем и не знала.

— Зато я виновата в его смерти, — возразила я.

— Да? Интересно, почему?

— Потому что я толкнула будущего убийцу, и из-за этого началась драка. Вы все можете реагировать, как взрослые люди, вы же ни в чем не виноваты! А я наоборот.

— Да? — хмыкнул мой собеседник. — Тогда вспоминай дальше. Из-за чего эти мужики вообще к вам пристали? Из-за меня. Это ведь я показал им на вас. Значит, главный виноватый я, так?

— Нет. Вы же не нарочно! Вы же не знали!

— А ты нарочно? Ты знала?

Вопросы меня изумили. Действительно, я не нарочно и не знала.

— Вот именно, — кивнул Руслан. — Так почему ты себя судишь по одним законам, а остальных по другим? Это называется двойная мораль.

Рассуждение выглядело удивительно логичным и привлекательным. Как я, оказывается, недооценивала Руслана! Он вечно был с Лешей и вел себя, словно тоже из марсиан. А на самом деле нет. На самом деле он нормальный. Могла бы и раньше догадаться: я ведь видела, как он долго беседовал о чем-то с Митей, а Митю дурак вряд ли заинтересует.

Руслан между тем изменившимся голосом продолжил:

— Я, конечно, лезу не в свое дело, но... Ты ведь Леху почти не знаешь...

Меня поразило, что я только что произнесла про себя то же самое имя. Однако дальнейшее поражало еще больше.

— Он вовсе не такой, каким кажется здесь. Здесь он... короче, он растерялся и не знает, как лучше, поэтому получается хуже. А на самом деле он очень хороший мужик. Не какой-то там марсианин, а самый нормальный. Тебе кажется, что он ничего не чувствует, а на

самом деле чувствует, просто со стороны не видно. Я это не к тому, чтобы ты его не посылала подальше... ну, просто имей в виду — он переживает. Если можешь как-то поделикатнее...

Руслан с трудом выдавливал слова, почти заикался, и мне было неловко слушать. Разумеется, мужская дружба — это прекрасно, однако ее проявления не всегда легки для всех заинтересованных сторон. Слава богу, монолог прервал появившийся на пороге регистратуры Арсений. Он был мрачен.

— Не думаю, что даже при сложившихся обстоятельствах кто-то имеет право вмешиваться в нашу личную жизнь, — прокомментировал он.

Непонятное, прямо-таки загадочное упорство!

— Да, — поддержал Андрей, — устраивают много шума из ерунды.

— Давно ли смерть человека стала ерундой? — съязвила Бэби.

— Я фаталист, Аня. Каждому назначен свой срок, и его не изменить, если не изменишь сперва себя. Петр Михайлович был человеком низшего разряда, закосневшим в своих заблуждениях. Возможно, в следующей жизни он образумится. Что касается этой его жизни, я бы удивился, если б она длилась долго. Какой в ней смысл?

— А в твоей жизни какой смысл?

— Самосовершенствование, разумеется.

Бэби скривилась и дальше спорить не стала.

Меня вызвали в регистратуру одной из последних. Майор Ильин устало поздоровался и предложил сесть, лейтенант Савченко корпел в углу над какими-то бумажками.

— Ну, что скажете нам нового, Ольга Денисьева?

Я подумала и спросила:

— А родные Петра Михайловича знают о... о том, что случилось?

Ильин изумленно поднял голову.

— Что? А, родные. Да, его жене сообщили. Но она, похоже, не больно-то спешит приезжать сюда за телом. Впрочем, сейчас самый сезон, и билетов не достать. Да и цены кусаются, на самолет особенно. Он ей фактически давно не муж, так чего ради платить такие деньжищи? К тому ж не у каждого они есть.

— Вы имеете в виду... а... но ведь надо похоронить? — заикаясь, выдавила я.

— Ну, поверх земли еще никто не оставался, — поделился мудростью милиционер. — Ладно, что-то мы не о том. Так вспомнила чего нового али нет?

Мне в голову навязчиво полезло видение Юрия Андреевича, с перевернутым лицом стоящего неподалеку от места убийства. Однако убили ведь те двое, так зачем я стану втягивать неповинного человека! Но точно ли убили те двое? Может, есть доказательства? Какие обычно бывают доказательства... да, отпечатки пальцев на орудии убийства! И у меня вырвалось:

— А нож нашли?

— Если бы! Вот интересно, и кто кого допрашивает, а?

Но в интонациях не чувствовалось раздражения. Интересы тоже. Я неуверенно предположила:

— Если б я его убила... ну, в таком месте... я бы и нож кинула прямо туда.

— Куда?

— В туалет. В дырку. Самое подходящее место. Туда ведь никто не полезет, правда?

— Интересная мысль, особенно для такой романтической девушки. Кстати, о девушках. Твоя подруга Анна... что у нее с ним было?

— Ничего, — быстро ответила я.

— А врать-то нехорошо, — заметил Ильин.

— Я не вру. Она ему нравилась, конечно, но она многим нравится. А он ей нет. То есть, она хорошо к нему относилась, но не так.

— А так, насколько я понял, относилась Лидия Сергеевна Бабич, да?

Я предпочла пожать плечами, и разговор был окончен. Выйдя на улицу, я увидела, как Митя рассказывает что-то Бэби. Его руки совершают скупые, но точные и изящные жесты, чем-то похожие на танец. А глаза Бэби горят. Я постеснялась к ним подойти, однако Митя заметил меня и позвал.

— Ну, как ты это пережила, Оленька? Приятного, конечно, мало.

— Мне кажется, — сообщила я, — что за ним никто не приедет. Ни жена, никто. Я думаю... может быть, нам надо собрать деньги? На похороны. Я плохо представляю, как все это организуется...

— Еще не хватало, чтобы ты хорошо себе это представляла, — возмутился Митя. — А Петя работает... работал на Балтийском заводе.

Это большой завод, он еще не совсем развалился, и там наверняка есть профсоюз или соцотдел, а у них деньги на социальные нужды. Переведут сюда по безналу на... на транспортировку тела, — он поперхнулся, это произнося, — ну, а в Питере все-таки должна подсуетиться жена. В конце концов, она наследует квартиру. Я считал, что все это организуют менты. Ну, если им лень поднять трубку, так на завод могу позвонить и я. Умница, что об этом подумала, а теперь больше не беспокойся. Я за всем прослежу.

И по окончании допросов он и впрямь отправился в регистратуру и пробыл там довольно долго, а, появившись, принес неплохие новости. И завод, и жена проявили понимание и готовность, так что вопрос лишь в сроках.

Глава 14. Затишье

Милиция оперативно действовала не только в этом. После обеда мы с недовольством обнаружили, что наш, извините, туалет закрыт и приходится тащиться бог знает куда. А потом я увидела специальную ассенизаторную машину, и мое недовольство испарилось. Неужто ищут нож? А вдруг я неправа в своих предположениях о его местонахождении — и, скорее всего, так оно и есть? Впрочем, я же никого не заставляла, правда?

Бэби потащила меня на пляж, уверяя, что надо как можно скорее войти в привычный ритм жизни, а не разводить бесполезные сантименты.

— И, пожалуй, — заявила она, — пока не найдут тех двоих, нет смысла обдумывать, кто виноват. Пусть сперва майор Ильин разберется с ними. В конце концов, это его работа, ему за это деньги платят. Может, эти типы во всем признаются? Правда, в таком случае я бы без суда посадила их в психушку.

Я, как обычно, послушалась подругу, однако внутри по-прежнему болело. Вечером я попросила у Мити гитару. Она, конечно, не заглушает тоску, скорее наоборот, но зато как-то ее... кристаллизует, что ли? И в полчаса, уединившись, я сочинила песню с такими словами.

«Жизни и смерти нелегкий счет
Горько рассматривал человек.
Кажется, все бы наоборот:
Смерть — ненадолго, а жизнь — навек.

Кажется, все бы переменить:
Смерть подлецам, а святым — сто лет.
Да не прервут нашей жизни нить
Горе, болезнь или пистолет!

Да не умрут дети раньше нас!
Да не уйдем мы в расцвете сил!
Черт засмеялся и бог не спас,
А человек все просил, просил...»

— А я послушать недостоин? — чуть улыбнулся Митя, когда я возвращала ему инструмент.

Я пожала плечами:

— Если хочешь.

— Хочу.

Разумеется, я позвала Бэби, а, увидев гитару, сбилось и большинство остальных. Я спела.

— Вот так, — напряженным голосом в пространство произнесла моя подруга после недолгого молчания, — а ты еще обижалась. Переживания для тебя действительно рабочий материал. Ты кроишь из них... это.

— Я не нарочно, — объяснила я. До меня только сейчас дошло, что у бедной Бэби нет такого способа снять напряжение, она ведь не умеет сочинять. Представляю, как ей тяжело!

— Никогда не ценил такого плана поэзию, — заметил Арсений, — всегда считал ее простоватой. А теперь вспомнил Пушкина. «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата». Я наконец-то это понял. Ты знаешь, что по-настоящему талантлива, Оля?

— Да, — радостно вставила Ирочка. На ее лице, освещенном фонарем, мерцала подобострастная улыбка. — Мне тоже стишки понравились! Честное слово! Хоть и грустные, зато понятные. Мне ведь и грустное иногда нравится. Ну, например... знаете вот эту? «Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!» Я прямо плачу, когда слушаю.

Мне ужасно хотелось ее прервать. Она так стремилась угодить своему мужу, а говорила совсем не то. Мне хотелось шепнуть ей на ухо, подсказать правильный текст — или то, что мне виделось правильным. Но она тараторила, а Арсений кривил губы. Наконец, она почувствовала неладное и отступила за Лешину спину. Леша же, как и положено марсианину, меня удивил.

— Развели тут сопли, — глухо и мрачно констатировал он. — Когда витаешь в облаках, легко притворяться, что ты как бы не от мира сего. Только сейчас время не для таких. Сейчас надо вертеться. А когда вертишься, дурить-то некогда. Оттянешься — и снова в работу, и снова. Все нормальные так живут. И ничего, и получше некоторых. Как бы все имеют.

И тут меня настигло второе потрясение. Арсений высоким, срывающимся голосом почти закричал:

— Ну, конечно, все имеют! А, кроме как поиметь, другого они не знают! Обезьяны, только с речью. Вертятся, гоняются за своим хвостом. Так обезьянами и помрут! Зачем им голова? Чтобы трахаться, голова не нужна. И баб себе подбирают под стать, дур набитых, потому что ни одна порядочная с ними встать рядом не захочет, не то что лечь!

Я испугалась, что Леша разъярится и выкинет что-нибудь страшное, однако он неожиданно улыбнулся и сказал:

— Это ты из-за Ирки своей? Да не нужна мне твоя Ирка, не бойсь. Бери вон! Тоже мне, нашел сокровище!

Леша слегка подтолкнул Ирочку вперед. Лицо Арсения перекосилось, и он резко канул в темноту.

Глава 15. Второе убийство

Поездки Вадика по городу в поисках подозрительных личностей ничего не дали, и на следующий день он отправился в боевой поход снова, остальные же вернулись к обычному ритму жизни. На пляже Леша загорал вместе с Ирочкой, а к нам с Бэби присоединились Митя, Света и Лида с Максимом. Митя не говорил со мной ни о чем особенном, но, разговаривая, смотрел мне прямо в глаза, и у меня словно что-то переворачивалось в душе. Я не могла понять, нравится мне это или наоборот. Света была кокетлива, Лида мрачна. Максим играл сам с собой в увлекательную игру «убийство дяди Пети». Я старалась не вслушиваться в его радостную болтовню. Когда рядом был Митя, все мое существо как будто наполнялось некоей волшебной жидкостью, эликсиром блаженства, и я должна была ограждать себя от окружающего мира, чтобы, ни дай бог, не пролить ни капли. Только не подумайте, что я была счастлива в тот день. Блаженство — не совсем счастье, и не спрашивайте о разнице!

После обеда Митя предложил нам с Бэби прогуляться по парку в центре города.

Я заметила, он специально выбрал время, когда Света отошла. Бэби равнодушно отказалась, я согласилась. Мы покатались на колесе обозрения и побродили среди пальм. А вечером Митя застал Бэби играющей в шахматы с Юрием Андреевичем и сообщил, что мечтает с нею сразиться. Их партия затянулась, я же в шахматах ничего не смыслю, к тому же слушать остроумные легкие перепалки между моей подругой и этим мучителем было свыше сил. Я отошла и села на неосвещенную скамейку вблизи цветника. И тут... тут я услышала стоны, доносящиеся откуда-то из кустов. Я оцепенела. Позавчера Петр Михайлович, а сегодня... о боже, кто же сегодня? «По крайней мере, не Митя», — вихрем пронеслось в моей голове. Следующая мысль была о том, что несчастная жертва пока жива. Убийца справился со своей задачей не так ловко, как в прошлый раз. Значит, надо ее спасти! Ну, а вдруг преступник еще там? С ножом...

Постукивая зубами от страха, я полезла в кусты. В темноте что-то белело. Я протянула вперед руку и нащупала ткань, висящую на

ветвях. Это... это женские трусики. А рядом мужские. Вместо того, чтобы воспитанно отвернуться, я стояла и потрясенно пялилась на Ларису с Андреем. Не того я ожидала, совсем не того! Впрочем, надо радоваться подобному повороту, правда? В сексе ведь нет ничего плохого, это тебе не убийство! Подобная идея вывела меня из ступора, и я поспешно удалилась.

На том мои приключения не собирались заканчиваться. Я в смятенных чувствах шла по очередной темной тропе и несколькими метрами впереди увидела... конечно, разумный человек снова посмеется, однако мне было не до смеха. Я увидела Петра Михайловича. Он в полной, я бы сказала, гробовой тишине продвигался вперед, опустив голову и, по своей привычке, сильно размахивая руками.

Не стану описывать собственные ощущения — они не делают мне чести. Я вроде бы не очень суеверна. Но это днем и вместе с Бэби. А ночью и одна... В конце концов, почему тень покойного не может явиться, чтобы обвинить меня в своей смерти? Я же действительно виновата! Сейчас скажет: «Как тебе не стыдно, Оля!» А я отвечу: «Стыдно». И тогда приведение... в литературе часто описываются подобные встречи... а ведь литература создается не на пустом месте, а отражает действительность, хоть и опосредованно... и обычно встречи живых с представителями потустороннего мира завершаются не в пользу живых...

Короче, во второй раз за вечер меня затопил ужас. Я вся покрылась холодным потом, голова начала кружиться. «Сейчас он обернется», — вдруг поняла я. И он действительно обернулся.

— Оля? — неясный силуэт приблизился ко мне, неожиданно превратившись... боже мой! — превратившись просто в Лешу. — Ты чего болтаешься одна? Опасно.

— Я же на территории базы, — объяснила я.

— Ну и что. А Петра где убили, не на базе разве?

— А вы почему один? Вам еще опаснее.

— Да думаю я, — вздохнул собеседник. — Надо типа отвлечься.

Я переспросила:

— Думаете?

— Ну, да. Об этом... ну, о Петре. Не верю я, что его замочили как бы эти шестерки. Чо я, людей не знаю, что ли? Не те они фраера. Есть

у меня одна мысль... странная такая...

— Какая?

— Да... — он пожал плечами, — даже говорить пока не хочу. Может, неправ. Бред какой-то! Понимаешь... я... ну, то есть...

Он замялся, и я поощрила:

— Что то есть?

— Нет, ничего, — твердо ответил Леша. — Все в ажуре. Забудь этот базар, хорошо? Пойдем-ка, я тебя провожу до домика.

Он отвел меня на освещенную площадку и с рук на руки сдал Бэби, после длительной борьбы проигравшей шахматную партию. Она сидела на скамейке вместе с Митей. При моем появлении Митя встал, пристально глянул мне в глаза — у меня опять заколотилось сердце — и произнес:

— Спокойной ночи, девочки.

И ушел.

— Этот тип хорошо играет, — заметила Бэби. — Лучше меня. Подозреваю, он мог бы обыграть меня куда быстрее, но предпочел потянуть. Тоже мне, кошка с мышкой!

И она презрительно фыркнула. Я смотрела на нее и понимала, что всякий нормальный человек из нас двоих предпочтет ее. Она и красавица, и умница, и деловая, а я кто? Митя общается со мной из вежливости, как со Светой, а на самом деле...

От грустных дум меня отвлек Андрей.

— Можно тебя ненадолго? — поинтересовался он, возникая из тьмы.

Мы отошли в сторонку.

— Ну... — неуверенно начал он, — ну... то, что ты видела... то есть оно... ну...

— Я видела случайно, и меня это не касается, — краснея, выдавила я.

— Ну... ты, наверное, решила... решила, я агитирую за духовное учение, а сам... решила, мы все только на словах...

Он мялся, и мне стало его жаль. Я возразила:

— Я об этом совершенно не думала!

— Это не должно дискредитировать дайнеттику в твоих глазах, — несколько приободрился Андрей. — У любого человека есть

физические потребности, и серьезное учение не вправе ими пренебрегать.

Собеседник потихоньку возвращался к привычному менторскому тону.

— Если бы какое-то учение потребовало от своих сторонников не есть, над ним бы только посмеялись. Природа человека такова, что без еды ему не обойтись. Точно так же у человека имеется потребность в сексуальных контактах с женщиной. Ее следует удовлетворить, чтобы эта потребность не вставала во главу угла и не мешала духовному самосовершенствованию.

— Человек — это только мужчина? — прервала поток речи я. Мое сочувствие сменилось раздражением. Я вспомнила прелестную фразу Новеллы Матвеевой:

«Вино и женщины», — так говорят вы.

Но мы ж не говорим: «Конфеты и мужчины»!

Не понимаю, как можно приравнять живого человека к еде! Каннибализм какой-то, честное слово!

Андрей остановился на полном скаку.

— Человек? — задумчиво протянул он. — Ну... женщина... вообще-то, наверное, тоже человек, хотя и менее продвинутый в духовном плане.

— Спасибо на добром слове, — кивнула я и гордо удалилась.

Дома Бэби огорошила меня странным вопросом.

— Как ты считаешь, ты с возрастом становишься лучше или хуже?

Я задумалась. В детстве я совершенно не умела врать. Нет, я была способна что-нибудь сфантазировать и самой поверить, какую-нибудь волшебную историю, а вот сказать полезную для себя реалистическую неправду просто физически не могла. Так была устроена. А сейчас могу. Или умолчать, чтобы меня оставили в покое. Сто раз так делала.

Или еще. Раньше я четко понимала, что хорошо и что плохо, и старалась поступать хорошо. А теперь убеждаю себя, что на все можно посмотреть с двух сторон, однозначно хорошего или плохого нет, и поэтому можно вести себя так, как тебе приятнее. И вообще, я стала бесчувственная и эгоистичная. Думаю только о себе и ставлю на первое место свои шкурные интересы, а не интересы окружающих. Своя, мол, рубашка ближе к телу.

Я резюмировала:

— С возрастом я несомненно становлюсь хуже.

— И я тоже, — сообщила Бэби. — Тебе не кажется это странным? Казалось бы, смысл жизни человека в том, чтобы улучшаться, а не ухудшаться? А мы ухудшаемся — боюсь, почти все. Вспомни, как ведут себя в общественном транспорте старушки. Никакой особой мудрости или доброты в помине нет, сплошная раздражительность. И мы с тобой такие будем. Нелогично, правда? Какой-то тупиковый у человека путь развития, не вверх ведет, а вниз.

Идея мне не понравилась, и я попыталась придумать возражение, но не успела. Раздался страшный женский визг. В точности такой же, как позавчера. Мы точно так же вскочили, накинули на себя, что попало, и выскочили за дверь. Не знаю, бывает ли у вас такое странное чувство, будто жизнь происходит с вами не по первому разу, а идет по кругу? У меня бывает довольно часто. Кажется, совсем немного усилий — и ты вспомнишь свое будущее, потому что оно уже свершилось когда-то. Это называется дежавю. Тряхнешь посильнее головой, и дежавю отступит. Вот мне и захотелось тряхнуть головой, чтобы избавиться от наваждения. Но нет! Это не дежавю — это правда. События повторяются. Ибо нет ничего нового под луной.

Во дворе метались испуганные люди.

— Снова туда же, — скомандовал Митя. — Крик оттуда.

Мы помчались к туалету. Сегодня его, к нашей радости, вновь открыли. Лучше бы мы не радовались! На тропинке — на той же тропинке! — стояла Света и визжала. Митя обнял ее за плечи и отвел в сторону. В его объятиях она смолкла, и установилась звенящая, ужасающая тишина. Юрий Андреевич сделал несколько шагов вперед и присел.

— Все-таки случилось, — мрачно произнес он странную фразу и, поднявшись, отошел.

— Кто это? — напряженным, неестественным голосом, срывающимся на визг, поинтересовался Арсений.

Ему не ответили. Митя крепко сжимал Свету, рядом стоял превратившийся в изваяние Руслан. Вадик в ужасе смотрел на отца, Лида кусала губы. Впрочем, видно было плохо, и в отношении выражения лиц я могла ошибаться.

— Йо-хо-хо-хо-хо!

Мертвое тело — а я была убеждена, что на тропинке лежит мертвое тело — издало какой-то дикий, невообразимый клич. Нечеловеческий, невозможный! Я не завизжала исключительно потому, что лишилась голоса. Чего нельзя сказать о Лиде, Ларисе, Ире и даже Руслане.

Что-то зашевелилось впереди, и нашим глазам предстал Максим.

— Йо-хо-хо-хо-хо! — в восторге повторил он. — Новый жмурик, новый жмурик! Во клево! Новый жмурик!

— Кто там, Максюша? — тихо прошелестела Лида.

— Дядя Леша! Жирных убивают, во! Во клево! Жирных убивают!

И тут на меня словно обрушилась лавина. Совсем недавно я приняла Лешу за мертвого, и вот он мертв. Почему я сразу не осознала, что моя ошибка — это предчувствие, предупреждение? Почему я ничего не сделала, чтобы спасти его? Мне хотелось поделиться терзаниями с Бэби, но мысли путались, и я с удивлением услышала, как отчаянно кричу:

— Это Петр Михайлович! Это снова Петр Михайлович! Уже второй раз!

Я будто наблюдала за собой со стороны, но контролировать поведение была не в силах. Митя оставил Свету и обнял за плечи меня. Я замолчала и заплакала.

— Ну, что? — вздохнул он. — Кто пойдет к администрации? Снова вы?

Он обращался к Юрию Андреевичу с Вадиком.

— Ну, нет, — твердо заявил Юрий Андреевич. — Хорошенького понемножку. Теперь идите вы, а мы постоим тут.

Митя с Русланом не возражали. По пути они отвели женскую часть нашего общества к домикам и оставили, а сами канули в темноту. Вообще оба убийства ассоциировались у меня с темнотой. Знаете ли вы южную ночь? Нет, вы не знаете южной ночи! Темнота там почти живая. Она так густа, что ее можно пить.

Мы со Светой тихонько лили слезы, Бэби и Лариса казались спокойными, а Лида с Ирочкой время от времени глухо стонали. Бесед мы не вели, происшедшего не обсуждали.

Милиция явилась в том же составе, но майор Ильин был гораздо вздрюченнее, чем в прошлый раз.

— Что ж вы так? — укоризненно поинтересовался он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Как тут ответишь?

Вскоре нас собрали за стоящим во дворе столом. Итак, кто присутствует? Мы с Бэби, Света с Ларисой, Лида с Максимом. Еще Арсений и Ирочка, Митя и Руслан, Юрий Андреевич и Вадик. Двенадцать человек. А кто отсутствует? Один Андрей. Впрочем, Андрея наученный опытом капитан Игаев быстренько выволок из домика на свет божий, прервав очередную медитацию. Кстати, кого, кроме Андрея, не было в прошлый раз? Ирочка с Лешей появились позднее, Лариса же и вовсе утром. Теперь Ирочка и Лариса с нами.

— Значит, нашли тело снова вы? — с явным неодобрением обращается Ильин к Свете.

— Я, — жалобно пролепетала она.

— И зачем вы опять туда пошли?

— Ну... просто так...

— Светлана Николаевна! — довольно резко заявил майор. — Тропинка у мужского туалета — не самое подходящее место для дамских прогулок. Тем более, что позавчера вы обнаружили там труп и, казалось бы, должны впредь остерегаться. Что скажете?

Она растерянно пожала плечами, а ее взгляд мимолетно скользнул куда-то влево. Там стоял Митя. Мне вдруг представилось, как Света решает устроить себе с ним якобы случайную встречу и выбирает, где проще всего его подкараулить. Разумеется, окрестности туалета — не самое романтическое место для ночных свиданий, зато верное. Этого места не минует никто. Только не признаваться же в подобных намерениях, правда? Бедной Свете стоило посочувствовать.

— Ладно, — махнул рукой Ильин, осознав, что объяснений не дождется. — Итак, как вы обнаружили тело?

— Ну... шла и... оно лежало... и все...

— Хорошо. Кто из вас видел убитого последним?

Вопрос показался мне странным. Откуда знать, последний ты или нет? Мы молчали.

— В таком случае, кто жил с убитым в одной комнате?

Руслан судорожно вздохнул:

— Я.

Его голос звенел сдерживаемым напряжением. Еще бы! Леша — его друг. Если бы... о боже! — если бы убили Бэби, а мне пришлось давать показания! Да я бы слова не сумела вымолвить!

— Когда вы видели убитого в последний раз?

— Наверное... часов в одиннадцать, наверное.

— Так, и что дальше?

— Он сказал, что ему надо выйти, и ушел. Больше я его не видел.

— Так, а тело обнаружили в районе половины первого, — прокомментировал майор. — И вас не удивило столь долгое отсутствие? Особенно если учесть, что я настаивал, чтобы вы не ходили поодиночке. А я настаивал, и это отражено в протоколе.

«Снимает с себя ответственность», — подумала я.

Руслан замялся. Да уж! Я так и вижу, как Леша собирается на интимную прогулку с Ирочкой, а Руслан бежит за ним вдогонку, дабы не отпускать одного. Представляю реакцию Леша! Он не отличается ни терпением, ни покладистостью. То есть не отличался. Господи, ведь он же мертв!

— А теперь ответьте, не встречал ли кто-нибудь из вас примерно в это время на территории турбазы посторонних? — продолжил допрос Ильин. — В частности, тех двоих, с которыми была драка.

— Я не уверен, что это были они, — заметил Юрий Андреевич. — Я их фактически не запомнил. Но каких-то двух типов видел. Местных.

— Во сколько?

— Наверное, незадолго до двенадцати. Примерно.

— И вы, зная, что их разыскивает милиция, не стали ничего предпринимать?

— Я же говорю, — спокойно возразил Юрий Андреевич, — что не запомнил лиц. А представителей местного населения на территории турбазы предостаточно. Все лоточники, например. Так что, хватать каждого и тащить к вам?

Он был совершенно прав. Шашлыки, вино, минералка — всем торговали кавказцы. Удивляло лишь его неестественное спокойствие.

— А кто из вас видел Алексея Крылова после одиннадцати вечера?

— Ну, я, — с вызовом ответил Вадик. — Это что, криминал?

— Где и во сколько? — похоже, Ильина тон совсем не задел.

— В двенадцать. Вон там, около пальм.

— Что он там делал?

— Гулял, наверное. Откуда мне знать?

— С кем?

— Наверное, один. Я, по крайней мере, больше никого не видел.

Вадик держался донельзя нервозно, как будто его уже обвиняли в убийстве.

— О чем вы с ним говорили?

— Ни о чем. Он меня и не заметил, да и я в него особо не всматривался. Других у меня забот, что ли, нет?

Майор задумчиво произнес:

— То есть, согласно вашим показаниям, убийство произошло между полуночью и половиной первого. Возможно, кто-нибудь хочет еще что-нибудь сообщить?

Я решилась.

— Я видела Лешу часов в десять, и он сказал... он сказал, что не верит, будто Петра Михайловича убили те двое, и что у него есть какая-то мысль. Я спросила, какая, но он не сказал и велел про это забыть. Я не знаю, важно ли это...

— Вряд ли важно, но вы правильно сделали, что сообщили. Что-нибудь еще?

Продолжить мой почин никто не пожелал, и, по примеру прошлого раза оставив при нас лейтенанта Игаева, майор удалился.

Глава 16. Решение Бэби

Мы с Бэби вернулись к себе в домик. Я подавленно забила в угол, зато моя подруга неожиданно стукнула кулаком по столу, да так, что упала банка с собранными мною цветами, и гневно выкрикнула:

— Ну нет!

И для верности постучала еще несколько раз.

— Что — нет? — опасливо поинтересовалась я. Я редко видела ее в подобном состоянии.

— Все — нет! — гневно пророкотала она. — Я этого так не оставлю! Я этого не позволю! Живых людей убивать! Совсем оборзели! Живых людей! Чуть ни каждый вечер! Развлечение себе, видите ли, устроили! Не позволю!

И Бэби пару раз топнула ногами, причем в том, что доски пола не провалились, была отнюдь не ее вина.

— А что ты можешь сделать? — удивилась я.

— Как это — что? Что-нибудь сделать можно всегда. Главное, не сидеть сиднем, как колода замшелая, а действовать. Я оказалась душой, понадеявшись на милицию. Нельзя надеяться ни на кого, кроме себя, это очевидная истина. Два дня прошло, а они в этом занюханном поселке, где жителей три с половиной человека, не могут найти двух местных идиотов! Да я завтра отправлюсь и в пять минут их найду! Найду и своими руками приволоку в отделение!

Я уточнила:

— Значит, ты уверена, что это они?

— Не уверена! — продолжала бушевать моя подруга. — Я не такая дура, как эти милиционеры, чтобы быть уверенной! Мне галочку в отчете ставить не надо — мол, раскрыла все за полчаса и премию могу получать! Но найти их все равно нужно. Найти и расколоть. Если признаются, что они, так навеки изолировать от общества. Раз человек убивает из-за такой ерунды, его уже ничем не исправишь. А если не они...

— То что?

— То кто-нибудь из нас, — несколько сбавив тон, прокомментировала Бэби. — Только нас теперь не четырнадцать

подозреваемых, а тринадцать. Все же легче.

— Ага, — не удержалась я, — но мне такой способ сужать круг подозреваемых как-то не по душе. Хотя рано или поздно отстреляют всех непуганых мужчин, кроме одного, и станет ясно, кто убийца.

— Во-первых, их не стреляют, а режут, а во-вторых, убийцей может быть и женщина, если она сведуща в медицине. Мы же с тобой это обсуждали. Важна не сила удара, а его направленность.

Я кивнула:

— Ну да, ты даже нас, по-моему, снова включила в список убийц, да?

Моя подруга пожала плечами:

— А что я могу поделаться? Чем мы лучше других?

И тут меня осенило.

— Слушай, а ты можешь представить, как я ударю ножом человека и преспокойно убегу домой? По-твоему, я с этим справлюсь?

— Нет, — обрадовалась Бэби. — Ты не можешь видеть чужой крови, сразу теряешь сознание. Правда, было темно, но тебе становится плохо даже при одной мысли, что кто-то порезался. Сто раз замечала. Если б ты и сумела ударить ножом, так тебя бы нашли в отключке рядом с трупом. Значит, это действительно не ты, и над доказательством твоей непричастности можно голову не ломать. А вот со мною хуже. Боюсь, при крайних обстоятельствах я бы могла зарезать человека. Не уверена, но полагаю, — она сосредоточенно сдвинула брови и повторила: — Да, могла бы. И притвориться потом непричастной тоже бы могла.

— Но ведь не зарезала же, правда, и прекрасно об этом знаешь! Так не морочь мне голову чепухой. Подозреваемых максимум одиннадцать. Только я не понимаю, за что кому бы то ни было убивать бедного Лешу.

— За что? — хмыкнула моя подруга. — Это как раз ежу понятно. Он догадался, кто убил Петра Михайловича, и проговорился не только тебе, но и убийце. Вот тому и пришлось... Это-то элементарно, а вот за что Петра Михайловича?

— Так ведь он что-то о ком-то узнал, — напомнила я. — Он еще нам намекнул, а мы, дуры, не стали слушать.

— Не мы, а я, — горько добавила честная Бэби. — Ты бы как раз с удовольствием послушала, ты такая. А вообще, очень логичная

картина. Петр Михайлович узнает чью-то тайну, и его убивают. Леша догадывается, что к чему, и его убивает тот же мерзавец тем же способом.

— Мне кажется, убийца — человек без нервов. Два раза повторить одно и то же — это надо решиться.

— Почему? — удивилась моя подруга. — Если один раз операция блестяще удалась, глупо выдумывать что-то новое, гораздо разумнее снова использовать удачный вариант. Я бы и сама так поступила.

— Значит, он разумный, — сделала вывод я. — Или она. Так что я отмечаюсь и по данному параметру, можешь успокоиться.

Бэби прервала радостное сообщение, резко и требовательно спросив:

— А кто тебе кажется самым подозрительным? Быстро отвечай!

— Юрий Андреевич, — вырвалось у меня.

— Ага! Поскольку у тебя неплохо с интуицией, эту информацию стоит принять к сведению. А чем он тебе подозрителен?

Я задумалась, а моя подруга принесла ручку и блокнот.

— Терпеть не могу дилетантизм, — заявила она. — К любому делу надо подходить серьезно или не браться за него вовсе. И так, номер один — Юрий Андреевич. Причины для подозрений...

— Я встретила его у туалета примерно тогда, когда убили Петра Михайловича, и выглядел он ужасно, — неохотно сообщила я. — Просто сам не свой. Хотя меня уверял, что все в порядке. И, помнишь, когда мы нашли мертвого Петра Михайловича, Юрий Андреевич вместо того, чтобы идти звонить в милицию, сперва бросился к телу и что-то такое сказал... не помню, но что-то странное. И сегодня тоже... тоже наклонился над телом и сказал что-то странное.

— Что именно?

— Никак не вспомню, но что-то, что меня поразило. А потом почему-то отказался идти в администрацию, а захотел остаться у тела. Хотя нормальный человек предпочел бы уйти.

— Пожалуй, — кивнула Бэби. — И еще. Зачем он сообщил ментам, что якобы видел на территории базы тех двух типов? Вернее, то ли видел, то ли не видел. Если он их узнал, так бы и говорил. А если не узнал, то нечего было вообще высказывать со своими откровениями. Мало ли южных мужиков шляется по базе, мы все их видим, но не наводим тень на плетень! Он словно нарочно решил

поддержать версию милиционеров и в то же время оставил себе путь для отступления на случай, если у подозреваемых имеется алиби — мол, обознался, и все. А милиция и уши развесила. Конечно, им легче отработать одну версию и больше ни во что не вникать. А вот твои слова о том, что Леша что-то знал о смерти Петра Михайловича, они явно пропустили мимо ушей. Итак, я записываю.

И своим ровным почерком она записала:

«1. Юрий Андреевич.

Подозрительные обстоятельства: стоял в нервном состоянии у туалета примерно во время убийства Петра Михайловича. Произносил над трупами странные фразы. Добровольно остался вместе с Вадиком караулить тело Леша. Пытался навести подозрения на местных типов.

Мотивы?»

— Ну? — подруга строго на меня посмотрела. — И каковы мотивы? Что такого про него Петр Михайлович мог узнать?

Я пожала плечами:

— А я откуда знаю? Если бы убили только Лешу, мотив был бы ясен, а так...

— погоди! А почему с Лешей мотив был бы ясен?

— Потому что Вадик проспорил ему тысячу баксов, — пояснила я. — Они оба страшно азартные, что Вадик, что Леша. А в детективах обычно пишут, что карточные и тому подобные долги жутко важные. В смысле, их обязательно надо отдавать, а то худо будет. В определенных кругах это что-то типа долга чести.

— Но формально долга-то никакого нет, — возразила Бэби. — Расписки там или другой бумаги. Поболтали сгоряча, и все. Мне казалось, я даже слышала, как Леша говорил, что ему на долг плевать.

— Не знаю. А при мне Леша кричал Вадика, что тот ему должен. Мол, помни, что за тобой должок. Сам заплатишь или папочка отдаст? Что-то примерно такое.

— Когда?

— Вчера. Ну, когда нас допрашивала милиция, возле административного корпуса.

— То есть после первого убийства. А я слышала разговор до него. Значит, напоследок Леша передумал. Но, как бы то ни было, зачем Юрию Андреевичу убивать сперва Петра Михайловича?

— Потренироваться, — вырвалось у меня.

Иногда мне кажется, что в какой-то части мозга у меня хранится огромное число разных глупостей и, когда я теряю над собой контроль, они выскакивают наружу. Скажу и сама удивляюсь, откуда что взялось.

— Да, — кивнула Бэби, — твоя хохма с отстрелом непуганых мужчин пришлась удивительно в струю. Так ты считаешь, этот... который начал отстрел... сперва решил попробовать на произвольно выбранном объекте, а, убедившись в надежности метода, применил его к Леше?

— Нет, — испугалась я, — я так не считаю. Я просто ляпнула.

— Да? А вообще, в данной мысли что-то есть. Помнишь, у Агаты Кристи сперва травят абы кого, чтобы запутать следствие, а потом уже нужного человека?

— Помню, — согласилась я, — но там убийца психически больной. Только психически больной может поступить подобным образом. А у нас таких нет.

— Разве что Андрей, — заметила моя подруга и, нахмурившись, записала:

«Мотив второго убийства — не платить долг. Мотив первого неясен. Узнать, не имел ли Юрий Андреевич или его сын с Петром Михайловичем ссоры?»

— Кстати, — она подняла голову, — почему Вадик стал ездить с ментами по городу и искать тех местных?

— Потому что хотел их найти, — не без удивления ответила я.

— А почему? Другие не хотели, а он хотел. Странно это. Может, отец с сыном действовали сообща? Или так: убил один из них, а другой его покрывает. Ты встретила Юрия Андреевича в тот момент, когда Вадик подкарауливал Петра Михайловича. Юрий Андреевич стоял на шухере и волновался. А, убив Лешу, эта парочка осталась наедине с трупом и уничтожила какие-нибудь улики. Очень логично!

— Бред сумасшедшего, — прокомментировала я. — Ничего такого ни Петр Михайлович, ни Леша о них знать не могли. Не верю, что в жизни Юрия Андреевича и Вадика есть тайны, за которые можно убить!

— Ну, наша первоначальная версия не обязана быть верной. Тысяча баксов — тоже достойный повод. Ладно, Вадика отдельно разбирать не будем, впишем его в одну графу с отцом. Кстати, ты обратила внимание? Он уверял, что видел Лешу сегодня около

полуночи у пальм, но особо в него не всматривался. А если не всматривался, то как узнал? Там ведь темно! Вот ты, например, перепутала Лешу с Петром Михайловичем, правильно?

Я вздохнула. Страшный эпизод комом стоял у меня в сердце. Я приняла Лешу за Петра Михайловича и должна была понять, что это предупреждение свыше — Лешу тоже могут убить! А я не поняла и дала ему умереть.

Бэби отвлекла меня от тягостных мыслей.

— Если Вадик кого и видел у пальм, — сообщила она, — так издали узнать не мог. Врет он все! Значит, создает алиби. Мол, к полуночи Леша был еще жив, значит, его убили от двенадцати до половины первого. Только полагаю, что алиби он создает не себе, а отцу. Для убийства Вадик мне представляется кандидатурой менее вероятной, чем Юрий Андреевич.

— Почему? — заинтересовалась я.

— Потому что он азартный, а убийца рассудительный. Один раз зарезать в порыве Вадик, может, и сумел бы, а повторить этот финт у него кишка тонка. Ты сама говорила, убийца — человек без нервов. Ладно, движемся дальше. Кто там следующий? Ну, пусть будет Андрей, раз уж мы заговорили о психически больных. Во фрукт! Опять он во время убийства, видите ли, ничего не заметил, ибо унесся в иные миры. Мы все бегали, как оглашенные, а он медитировал. Прямо не человек, а астральное тело!

— Ага, — хмыкнула я, — только с Ларисой трахался совсем не астрально, а очень даже натурально.

— Когда? — изумилась Бэби. — Откуда ты знаешь?

Я сообразила, что забыла рассказать ей об этом эпизоде. Его как-то забили другие события: сперва моя беседа с Лешей, а потом его смерть. Эпизод вроде бы ерундовый, только меня несколько изумило странное желание Андрея его замять. Ну, то, что он подкатился ко мне с объяснениями. Какое ему до меня дело?

— Действительно подозрительно, — согласилась, выслушав, моя подруга. — Значит, ему небезразлично мнение окружающих. Значит, он мог убить ради сохранения своей тайны.

Ум ее просто поражал.

— К тому же, — продолжила она, — Андрей при нас жутко поцапался с Петром Михайловичем. Он, видимо, за свою дайнетику

любому горло перегрызет! Кстати, мог поцапаться и с Лешей, запросто. Хотя это и необязательно.

Лешу прикончил, поскольку тот догадался о первом убийстве. Итак, я пишу.

И она записала:

«2. Андрей. Подозрительные обстоятельства: ссорился с Петром Михайловичем. Либо помешан на дайнетике, либо притворяется. Ханжа. Стремится к сохранению своих тайн. Якобы не заметил всей суеты, связанной с убийствами.

Мотивы: что-то скрыть. А если он псих, то отомстить за критику дайнетики. И вообще, член секты способен на все!»

— Помнишь, что нам рассказывали на лекциях по психологии? — пояснила вывод Бэби. — Что членство в так называемых мировых религиозных концессиях — ну, православие там, мусульманство или буддизм — влияет на человека положительно, а во всяких сектах — крайне отрицательно.

— А разве дайнетика — секта? — поинтересовалась я.

— Ну, уж не мировая религия, по крайней мере. Дайнетика сейчас активно завоевывает сферу влияния и, полагаю, не брезгует ради этого никакими методами. Кстати, Андрей тебе симпатичен?

— Нет.

— Вот видишь! А ведь в твоём вкусе. Ладно, о нём пока хватит. Кто следующий? Что это мы все к мужикам прицепились, а? Пусть будет для разнообразия дама. Лида, например. Ну, и Максим.

— Что — и Максим? — уточнила я.

— Он действительно не дама, — улыбнулась моя подруга, — но логично включить его в список рядом с матерью. Тем более, у нас как-то естественно получилось разбиение по комнатам.

— Зачем его вообще включать в список?

— Как зачем? — изумилась Бэби. — А вдруг убийца — он?

— Он ребенок! Прекрати!

— Ага, как голубям ноги связывать, так он достаточно взрослый, а тут, видите ли, нет? Помнишь, у Агаты Кристи в одном романе все убийства совершила одиннадцатилетняя девочка? Так наш Максим ничуть ей не уступит.

Агату Кристи Бэби обожает и перечитывает регулярно.

— Ты со своей логикой с ума сошла! — разозлилась я. — Ребенка включать в список не позволю! И без того тошно!

— Ага, — съязвила моя подруга, — а следующую истерику ты мне наверняка устроишь по поводу Мити. Его тоже нельзя будет включать?

Я подавленно смолкла. Лучше б она была менее проницательной, честное слово!

— Ладно, — смилостивилась Бэби, — Максима тебе уступаю. Хотя он, по-моему, убьет — дорого не возьмет. Впрочем, если это он, его все равно не разоблачишь. Ему даже мотив не нужен — убил, чтобы развлечься. И даже его признание не будет доказательством — он ведь несовершеннолетний. Во некоторым везет!

— «Жирных убивают», — вспомнила фразу ужасного дитяти я. — Да уж, глядя на такого, раздумаешь рожать. Только включать его в список все равно не надо, ладно?

Мне почему-то верилось, что если человека не включать, то и убийцей он оказаться не сможет.

— Тогда Лида. Она ухлестывала за Петром Михайловичем, а он не поддавался. Могла разозлиться.

— Тогда зарезала бы скорее тебя, — предположила я. — Лида очень практичная.

— Пожалуй. Только, говорят, от ревности даже практичные теряют голову. Может, он ее так отшил... Ну, Петр Михайлович же деликатностью не страдал. Сказал какую-нибудь жуткую гадость, она в сердцах побежала за ним и ткнула ножом. Вспомни, она рассказывала, как в институте сдавала зачет по медицине. Уж как-нибудь не забыла, где у человека сердце. Ну, а Лешу уже пришлось убрать по необходимости. Он кое о чем догадался.

— Если бы она убивала каждого мужчину, дающего ей от ворот поворот, ее жизненный путь был бы усеян трупами. Раз она при таком инициативном характере до сих пор никого себе не нашла!

— Так-то так, — протянула моя подруга, — только есть еще один момент. Сперва я не придавала ему значения, а теперь... Помнишь, сегодня утром мы загорали на пляже все вместе?

— Помню.

— Ты обратила внимание, чем там занимался Максим?

— Ну... играл во что-то... точно не помню.

— А я помню. Он играл в увлекательную игру под названием «Мама убивает дядю Петю».

— Что? — опешила я.

— А вот то! Я и сама от этого обалдела. Разыгрывал всякие диалоги. «Ах, Петруша, не останетесь ли вы выпить чаю?» «Нет, не останусь». «Ах, Петруша, ваше посещение так скрасило мое одиночество!» «Мне пора идти». «Ах, ты так, подлый мерзавец? Так получай же!» Бах, бах! Ножик в бок! «Ой, помираю!» «Ну и помирай! Так тебе и надо, раз не хочешь жениться!» Что-то очень похожее. Дословно не процитирую, однако смысл такой.

Я неуверенно предположила:

— Наверное, ребенок фантазировал?

— Возможно. А возможно, нет.

— В любом случае, — сообразила я, — Лида не при нем же принимала Петра Михайловича! Максим не мог ничего слышать.

— Подслушивал, — парировала Бэби. — Он это любит. Сама вспомни!

Возразить было нечего, и я позволила записать:

«3. Лида.

Мотив: хотела захомутать Петра Михайловича, а он не давался. Могла сильно на него обидеться.

Подозрительные обстоятельства: последняя видела его живым. А Максим разыгрывал сцену, где она была убийцей. Сведуща в медицине. Рассудительна и умеет владеть собой».

— Трудно сказать, является последнее обстоятельство отягчающим или, наоборот, смягчающим, — пояснила мне подруга, — но я на всякий случай записала. Убийца должен уметь владеть собой, но в определенных ситуациях терять голову.

— В каких?

— Ну, в тех, которые вынудили его убить.

Я поинтересовалась:

— А разве нельзя убить продуманно, не теряя головы?

И Бэби безапелляционно заявила:

— Убеждена, что если хорошенько подумать, любую проблему можно решить более практичным способом, чем убийство. Все-таки даже в наше время остается риск, что тебя поймают, правда? Но какая-то одна конкретная проблема настолько лишает преступника разума,

что он перестает думать о безопасных путях ее решения и начинает планировать убийство. И, как бы ни был хорош план, он все равно свидетельствует о помутнении рассудка. Всем известно, что безупречных преступлений не бывает!

Я кивнула, убежденная логичностью рассуждений, и она удовлетворенно продолжила:

— Значит, мы проработали Юрия Андреевича с Вадиком, Андрея и Лиду. Давай-ка не будем откладывать самое неприятное напоследок! Номером четыре будет Митя.

Все-таки моя подруга — железная леди. Я, например, всегда откладываю неприятное напоследок. А вдруг за это время случится конец света и делать неприятное не придется?

— Митя не убийца, — жалобно сообщила я. — Ты же веришь моей интуиции, да?

— Нет, — отрезала Бэби, — я ей не верю, хотя, разумеется, принимаю ее в расчет. Митя — человек непростой. То ли там двойное дно, то ли тройное, то ли вообще ни дна ни покрышки — в общем, дело темное. Ладно, то, что он дурит головы нам с тобою, еще можно как-то понять. Есть на свете прирожденные бабники, им вечно неймется. Хотя он ведет себя уж больно профессионально. Когда я смотрю со стороны, как он тебя обрабатывает, восхищение берет. Куда там примитивному Карнеги! Но вот зачем он морочил Петра Михайловича? Придумал байку, что я к Петру Михайловичу равнодушна. Может, выманил его из дома якобы ко мне на свидание?

— Ага, и назначил свидание у туалета, — наконец-то нашла прореху в рассуждениях подруги я. — И вообще, вспомни! Петра Михайловича не надо было выманывать. Он сам ушел от Лиды.

— Тем более! Тем более непонятна цель Митиных демаршей.

— Просто Максим наврал, — с удовлетворением констатировала я. — Ради жвачки. Он такой!

— Не всегда же он врет, — пожалала плечами Бэби. — Я и сама обратила внимание, Митя что-то шептал Петру Михайловичу, глядя на меня, а тот краснел. Это очень согласуется с заявлением Максима. Возможно, у Мити с Петром Михайловичем были не такие простые отношения, как кажется со стороны. Возможно, они были и раньше знакомы, да скрывали это.

— Нет, — убежденно возразила я, — невозможно. Уж скорее можно предположить, что они были раньше знакомы с Лешей, но не с Петром Михайловичем, это точно!

— Почему?

— Ну... Не знаю! Просто это видно. Митя и Петр Михайлович ведь познакомились при нас, так? Если бы они притворялись, ну, хоть что-то мы бы заметили, правда? Особенно со стороны Петра Михайловича. Из него еще тот притворщик!

— Ну, разве что со стороны Петра Михайловича, — милостиво согласилась моя подруга. — А теперь колись, что ты знаешь про них с Лешей!

— Ничего, — удивилась я.

— А почему ты в таком случае это сказала?

— Что сказала?

— Ну, что скорее можно предположить, что Митя был раньше знаком с Лешей.

— А я так сказала? — искренне удивилась я. — Я не обратила внимания.

— Тем не менее изволь объяснить, — строго велела Бэби. — Надо отвечать за свои слова.

Я задумалась.

— Ну... Леша иногда так обращался к Мите, словно они приятели. Но, возможно, у Лешки просто такой характер, без комплексов? А еще иногда... ну, сморозит что-нибудь и словно начинает перед Митей оправдываться. Если, разумеется, мне не показалось.

— Да, — кивнула Бэби, — ты известная фантазерка, однако принять к сведению твои слова надо. Еще такой момент! При обнаружении трупа — то есть в сложной ситуации — Митя оба раза автоматически объединял себя с Русланом.

— В каком смысле?

— Да в самом прямом! Либо он с Русланом постоит у тела, а остальные сходят к администратору, либо наоборот.

— А с кем ему еще себя объединять? — поинтересовалась я. — Вадик и Юрий Андреевич — одна семья, не разобьешь же их!

— С Арсением.

— Ну... Арсений такой необщительный. С ним не пообщаешься.

— Да, кстати, — обрадовано вспомнила моя злобная подруга, — после первого убийства Митя был одет так, словно и не ложился.

— Вадик и Юрий Андреевич тоже, — парировала я. — А сегодня Митя явно оделся наспех, я обратила внимание.

— Я тоже. Ладно, записываю!

И она недрогнувшей рукою записала:

«4. Митя.

Мотив: Петр Михайлович мог узнать его тайну.

Подозрительные обстоятельства: Митя скрытен и хитер. Возможно, был ранее знаком с Петром Михайловичем или Лешей и Русланом».

Я порадовалась, что как мотивов, так и подозрительных обстоятельств набралось негусто, а Бэби уже перескочила мыслью дальше:

— А что ты скажешь о Руслане? Его взаимоотношения с Лешей тебя никогда не удивляли?

— Леша им командует, — сообщила я.

— Вот именно! Я часто думала, и как он это позволяет? Ведь не слабак же какой-нибудь, а нормальный человек. Почему терпит?

— Потому что хорошо к Леше относится, — объяснила я. — Он сам мне сказал.

— Что сказал?

— Что Леша не какой-то там марсианин, а хороший человек, просто не знает, как себя вести, и от смущения хорохорится. Что на самом деле он все переживает не меньше любого другого и надо быть с ним поделикатней. Я еще подумала, что Руслан очень любит Лешу, раз решился на подобный разговор.

— И когда это было?

— Вчера утром, когда нас допрашивали.

Бэби нахмурилась, потом уточнила:

— А ты верно передала его слова?

— Ну... приблизительно.

— А вот эта фраза, про марсианина... Он ее действительно произносил или это твоя фантазия?

— Вроде произносил. Но поручится я, конечно, не могу. А что?

— А то! Про то, что Леша не человек, а марсианин, придумала ты со своим поэтическим воображением, и можешь быть уверена, что ни у кого другого на подобное фантазии бы не хватило. Если Руслан произнес эту фразу, значит, узнал ее от тебя. Ты ему такое говорила?

— Нет, — отреклась я, — точно нет. Неужели я бы стала говорить человеку такие вещи про лучшего друга?

— Значит, подслушал, — констатировала Бэби.

— Может, случайно? — предположила я. — Или я что-то путаю, и он говорил другими словами. Хотя вряд ли. Я еще удивилась, что Руслан оказался не таким, как я предполагала, не марсианином, а нормальным человеком. Что он рассуждает не как Леша, а как все мы.

— Ну, разумеется, рассуждает, как надо! — удивилась Бэби. — По нему сразу видно, он мужик разумный. Удивительно, что он оказался настолько сентиментален, что полез к тебе с рассказами про Лешу и его ранимую душу. Как-то это с Русланом не вяжется.

— К тебе он бы и не полез, — заметила я, — с тобой он ведет себя разумно. С марсианином Лешей — по-марсиански, а со мною сентиментально. С Ларисой же, например... ну, тоже соответственно ее складу. А с Митей соответственно его складу. Именно поэтому они так быстро сошлись. Это называется счастливый характер.

— Ты полагаешь, Руслан с остальными не таков, как со мной, и моя информация о нем однобока? Хм... в этом что-то есть, хотя сама я ничего подобного не замечала. Мне вообще часто кажется, что ты видишь людей насквозь, но никогда не делаешь из увиденного выводов. А если б делала, вертела бы всеми, как хотела.

— Нечего издеваться! — обиделась я.

— Да я вполне серьезно, — улыбнулась мне подруга. — Ладно, а какие у Руслана могли быть причины для убийства? Ну, Петра Михайловича — те же, что и у Мити. Какая-то тайна. А для убийства Лешы... тут тьма-тьмущая, поскольку они давно знакомы. Только маловероятно, чтобы два убийства не были связаны друг с другом.

И она каллиграфическим почерком вывела:

«5. Руслан.

Мотив: Петр Михайлович мог узнать его тайну. С Лешей мотивы возможны разнообразные.

Подозрительные обстоятельства: дружба с Лешей. Не исключено, что подслушивал наши разговоры. Навел на нас местных».

Последнее предложение меня удивило.

— Что значит — «навел на нас местных»? — уточнила я.

— Ну, как! Он же сам признался, что сказал тем двум местным типам, что здесь живут две красивые девушки. Он не мог не понимать, что никуда мы с этими типами не пойдём! Вот и спровоцировал драку.

— Откуда ему знать, что спровоцируется драка? Он же не провидец! И вообще... если убили не местные, то драка не при чем. А если они, то... ну, уж то, что они начнут убивать, Руслан точно не мог предположить. Не безумец же он, правда?

— Так-то так, а все равно подозрительно.

— И он честно признался, что навел местных он, а мог бы скрыть, и никто б не догадался.

— А если б их нашли? — парировала Бэби.

Последнее слово, как всегда, осталось за ней, и она продолжила:

— Теперь пусть будет Арсений. Вот ведь, ты в прошлый раз как в воду глядела!

— Я?

— Ну, не я же! Ты сообщила, что если б убили Лешу, самым подозрительным был бы Арсений. И вот его действительно убили.

У меня защемило сердце.

— У меня язык без костей, да? Но я же не думала! Я говорила просто так! И про отстрел непуганых мужчин говорила просто так! И, когда приняла сегодня Лешу за Петра Михайловича, тоже не понимала, что это значит!

— А что это значит? — спокойно прервала меня Бэби.

— Это было предупреждение, что и его убьют, а я предупреждения не поняла, — упавшим голосом пояснила я.

— погоди!

Моя подруга сдвинула брови, но вскоре махнула рукой:

— Вроде у меня промелькнула какая-то мысль, но мне ее не поймать. А ты не бери в голову. Если с твоим воображением придавать значение всему, что почудилось, томиться бы тебе сейчас в дурдоме. Лучше вернемся к Арсению. Ты была права, он и впрямь ревнует Ирочку к Леше, хоть и притворяется, что ему пофиг. Но зачем тогда

убивать Петра Михайловича? И где он был в ту ночь? Почему отказывается отвечать?

Она вдруг остановилась на полном ходу и изумленно сообщила:

— Случайное ли это совпадение? Мы уже не первый раз приходим к одной и той же мысли. И для Юрия Андреевича с Вадиком, и для Руслана, и для Арсения убийство Леша с легкостью можно мотивировать, а Петра Михайловича нет. Может, цель и впрямь была во втором убийстве, а первое совершено для отвода глаз или просто как репетиция?

— По-твоему, люди — совсем монстры, — не выдержала я.

— Не совсем и не все. Кстати, есть другой вариант. Убийства совершены разными людьми. Кто-то убил Петра Михайловича — либо те местные, либо кто-то из наших. А Юрий Андреевич, или Арсений, или Руслан воспользовались этим и тем же способом убили Лешу, чтобы все считали, будто убил их один и тот же. Подозрение от себя отвели, понимаешь? Эта версия ничему не противоречит.

— Тебе мало предположить, что среди нас один убийца, подавай сразу двоих! Так не бывает!

— Ну, откуда тебе знать? Разумеется, вероятность невелика, но все же ненулевая. Ладно, не будем пока забивать себе голову. Я записываю.

И Бэби записала:

«б. Арсений.

Мотив: для убийства Леша — ревность, Петра Михайловича — неизвестно.

Подозрительные обстоятельства: отсутствие в ночь убийства Петра Михайловича и то, что Леша гулял с его женой».

Она энергично зевнула и призналась:

— Что-то сил у меня уже нет разбираться подробнее. Кто там остался? Ирочка, Света и Лариса? Ну, весьма сомневаюсь, что Леша стал приставать к Ирочке, а та по невинности его прирезала. Она особа прожженная. Света? Конечно, она нашла трупы, и это подозрительно. Майор прав — чего это она второй раз полезла в те же самые кусты? Совсем дура, что ли?

— Митю караулила, — подсказала я.

— Да? — удивилась моя подруга. — Может быть. Ну, а Лариса... Черт ее знает! Вроде бы на время первого убийства у нее алиби, но она

могла связаться с какой-нибудь местной бандой. Или действует по указке Андрея, раз у нее и с ним фигли-мигли. Или Руслана.

— Они поссорились.

— Может, демонстративно? Ладно, все равно наши три девицы плетутся среди подозреваемых в хвосте, так что записывать я их пока не буду. Смотри-ка, все оказалось куда проще, чем мы думали. В списке всего-то шесть пунктов. Значит, так! В первую очередь нам завтра следует разрешить вопрос с местными. Кровь из носу, а их надо найти! Если это окажутся не они, то следующий на очереди Юрий Андреевич. Проработаем его хорошенько, а дальнейшее спланируем потом. У меня глаза слипаются. Спокойной ночи!

И она моментально заснула, едва выключили свет. Я подобным похвастаться не могла. Сон в конце концов пришел, но смутный и неглубокий, и снова, как в ночь первого убийства, в моих бредовых видениях предстала красивая девушка с черными волосами, в которых сверкали отблески багрового пламени, и она снова высекала тонкими пальцами искры, чтобы меня убить, а я в ужасе металась, пытаюсь увернуться.

Глава 17. Убийцы найдены?

Около полудня нас разбудил громкий стук в дверь. Я с трудом оторвала голову от подушки, балансируя между реальностью и сном. На какой-то сладкий миг мне почудилось, что убийство Леша — очередной ночной кошмар, герой которого в реальности, разумеется, жив и скоро опять будет доставать меня своими марсианскими штучками. Но нет!

— Через час вам надо быть в отделении милиции, — настойчиво каркал под окном женский голос. — Просыпайтесь!

— Мы встаем, — пообещала Бэби и стянула с меня одеяло.

— Я буду не я, — оживленно заявила она, — если они не нашли наконец этих типов. Иначе почему не приходят сюда сами, как в прошлый раз, а тащат в милицию нас? Для опознания. Неужто убили все-таки они? В голове не укладывается!

Все-таки у моей подруги ума палата! В отделение были затребованы мы с Бэби, Вадик с Юрием Андреевичем, Митя с Русланом, Арсений и Андрей — то есть все, кто видел двух местных, завязавших пресловутую драку. Я почему-то представляла, что нам продемонстрируют подозреваемых через какое-нибудь прозрачное лишь с одной стороны стекло или в крайнем случае через таинственную щелочку, однако нас попросту запускали по одному в комнату, где сидело шестеро южного вида мужчин. Я неуверенно указала на двух из них — вроде те самые, хотя дать гарантию я б не решилась. Зато остальные наши решились. У них со зрительной памятью было лучше.

— Вот и славно, — кивнул Ильин по завершении опознания. — Противоречий нет. Это они.

— Они признались? — быстро и нервно поинтересовался Митя.

Майор лишь хмыкнул, и Руслан горячо добавил:

— Леша был моим другом, сегодня прилетит его жена, и я должен ей хоть что-то сказать!

— Жена?

— Ну, да. Я дал ей телеграмму. Самолет прибывает в шесть. Если Насте ничего не объяснить, трудно представить, что она предпримет.

Она очень импульсивная и нетерпеливая. Скорее всего, в отчаянии бросится по начальству, пока не доберется до того уровня, на котором ей ответят. Она не из тех, кто тихо предается горю, она привыкла действовать.

— Ну, зачем же беспокоить начальство? — неодобрительно заметил Ильин. — У него и так забот полно. Нет, подозреваемые пока не признались, однако рано или поздно признаются. Алиби у них нет, а репутация... Короче, жена пострадавшего может быть уверенной, что преступников покарают по всей строгости закона.

— А нож? — жадно осведомилась Бэби.

— Что — нож? — опешил милиционер.

— Вы нашли в туалете нож? Он принадлежал этим типам?

Майор скривился, словно моя подруга напоила его рыбьим жиром, и холодно сообщил:

— Подобные сведения не разглашаются посторонним лицам.

В глазах у Бэби появилось хорошо знакомое мне выражение, и она взглянула на собеседника тем оценивающим взглядом, каким рачительная хозяйка смотрит на мясную тушу, решая, от какого именно места разумнее отрезать кусок к обеду. Результат, похоже, ее не удовлетворил, и она повернула голову к капитану Игаеву, мысленно произвела полную ревизию, проставила баллы и перешла к лейтенанту Савченко. Вероятно, последний оказался в точности тем, что доктор прописал, и моя подруга удовлетворенно кивнула. Весь процесс занял несколько секунд.

— Завтра уже можно будет увезти тело в Питер? — прервал мои наблюдения Руслан.

— А вы собираетесь увозить тело в Питер? — равнодушно уточнил Ильин.

— Ну, да. То есть Настя и... ну, не заниматься же ей этим самой! Я полечу с ней. Да, я не спросил, — Руслан хлопнул себя по лбу, — я ведь имею право уехать домой, правда? Заняться похоронами и все такое. Не буду же я здесь отдыхать, когда мой друг...

Он сбился и смолк.

— Да, вы имеете право уехать и забрать тело. Если от вас понадобятся какие-то сведения, вас вызовут к себе наши петербургские коллеги. Но это вряд ли. Дело фактически закрыто.

Едва мы вышли за порог, Бэби оживленно прошептала мне на ухо:

— Иди, а я останусь. У меня идея.

Идея ее была примерно ясна, и я покорно пошла к турбазе. Настроение мое оставляло желать лучшего, и я не умела, подобно подруге, исправлять его с помощью энергичной деятельности. Зато Митя обнял меня за талию и сочувственно произнес:

— Грустишь, бедная русалочка?

— Почему русалочка? — вырвалось у меня.

Он лишь чуть дрогнул уголками губ, и мы отправились гулять. Я машинально переставляла ноги и думала, почему смерть Леши кажется еще ужаснее смерти Петра Михайловича. Вроде бы, второй раз должно быть легче, а тут наоборот. Вернее... обе смерти, разумеется, одинаково ужасны, но первая только сама по себе, а вторая к тому же оставила в моей душе осязаемое чувство утраты. Неужели из-за своих странных ухаживаний Леша успел сделаться мне дорог? Ведь я люблю Митю!

Очнулась я на краю пропасти.

— Ну, что? — с некоторой гордостью спросил мой спутник. — Нравится?

Я огляделась. Кругом возвышались величественные горы, покрытые снегами, а на дне узкого, но бездонного проема, разверзшегося у наших ног, бурлила и пенилась вода. Впечатление было, что мы застали мир в тот день творения, когда была создана природа, однако у бога еще не мелькала мысль о необходимости человека. Я всегда полагала, что подобные места могут сохраниться лишь где-то далеко-далеко, то ли в джунглях, то ли посередине бескрайних льдов. Уж никак не в двух шагах от оживленного курорта!

— Я знал, что на тебя подействует, — улыбнулся Митя. — Я сам очень люблю это ущелье и прихожу сюда, когда надо что-нибудь обдумать. Тебе стало легче?

Как ни странно, мне и впрямь стало немного легче. Мы постояли еще чуть-чуть и отправились обратно.

На турбазе я не зашла в домик, а села на пороге. Светило солнце, пахли розы, но привычной радости это не приносило. Я продолжала холить свое горе, однако долго упиваться им мне не удалось. Невдалеке пристроился Максим и начал корчить рожи. Поскольку я делала вид, что их не замечаю, неугомонное дитя встало на голову и принялось дрыгать ногами.

— Иди сюда, — позвала я, неожиданно вспомнив слова подруги о его странных играх после смерти Петра Михайловича.

Максим подошел и сел на землю, сосредоточенно выписывая на ней круги большими пальцами ног. Как ему удавался подобный трюк, ума не приложу!

— Интересно тебе здесь стало, да? — тоном доброй тетеньки осведомилась я.

— Клево! — подтвердил довольный собеседник. — Когда рядом жмурики, всегда клево, — и тут же, помрачнев, добавил:

— Только вас всех менты позвали, а нас с мамой нет. Почему?

— Потому что позвали только тех, кто знает что-нибудь важное, — лицемерно заметила я. — А вы с мамой ничего важного знать не можете. Твоя мама обыкновенная, а ты маленький.

Максим прекратил егозить ногами по земле и с угрозой произнес:

— Я такое могу, чего вы все не можете! Во!

И, к моему безграничному удивлению, он зашевелил ушами. Лицо его при этом кипело безграничной злобой.

— Подумаешь! — прокомментировала я. — Вот если б ты знал что-нибудь про убийство, тогда другое дело. Слушай, а вдруг твоя мама убила дядю Петю? Вот было бы интересно!

Я моментально была прощена, и удивительное дитя оживилось.

— Да, было бы здорово! Только вряд ли. Кишка тонка у мамы для такого дела.

— Ты уверен? — посочувствовала я.

— Ну... не знаю. Ругаться-то она ругается, но никогда не убивала... А дядя Петя был старый козел. Его на свежатинку потянуло, а в его возрасте и с его жировыми отложениями надо радоваться, если хоть какую-то бабу от него не тошнит.

Максим столь похоже скопировал интонации матери, что я поняла — он цитирует ее высказывание. Мне стало не по себе, но ради пользы дела я была вынуждена продолжать разговор.

— А дядя Леша тоже козел?

— Конечно! Все мужики — козлы, — важно сообщил бедный ребенок. — Только одного им и надо. Раз ты с ним трахаться не стала, взял себе для траханья тетю Иру. А тетя Ира бы не стала, нашел бы козу. Им лишь бы дырка была, а на остальное плевать.

Я чувствовала, что у меня горят уши, а глаза, наверное, вылезли на лоб. К счастью, Максим был слишком увлечен, чтобы на меня смотреть.

— А сам тоже жиром заплыл — смотреть противно. Дядя Арсений хоть и недомерок, и жид, зато не жирный. Только у Лешки бабок немеряно, вот тетя Ира и купилась. Молодые девки, они за бабки с кем угодно лягут. Поколение такое выросло, бессовестное.

Я неожиданно вспомнила, как в детстве мечтала научиться читать чужие мысли. Мне почему-то мнилось, что это будет здорово. И вот теперь я имела наконец возможность приобщиться к тайным мыслям своего ближнего, и утешало одно — что сей эксперимент будет длиться недолго. Лида казалась доброжелательной, спокойной интеллигентной женщиной, и, честное слово, лучше б мне не подозревать, что скрывается за столь милой внешностью! Бэби, разумеется, возразила бы, что всегда следует знать правду, а не тешить себя иллюзиями, однако я лично предпочла бы себя тешить. От подобной правды с ума сойдешь!

Между тем Максим вдруг сменил тон и радостно заявил:

— А я знаю что-то про дядю Лешу! И про дядю Арсения!

— Да? — без энтузиазма протянула я, боясь спугнуть удачу.

— Да! Точно! Он за ним следил!

— Арсений за Лешей?

— Ну, да! Я видел! Вот менты меня не позвали, а я-то видел!

— Когда?

— Ну... — мой собеседник искренне задумался. — В первый раз еще... ну, еще когда даже дядю Петю не кокнули. Давно, в общем. А еще раз вчера. Дядя Леша гулял, а дядя Арсений за ним крался. Если б я знал, — Максим вздохнул и понурился, — если б я знал, я б и дальше за ними пошел, и увидел бы, как его зарезали. А то сколько живу, а ни разу еще не видел взаправду, как кто кого режет, представляете? Только по видуку. А я за ними не пошел, а стал смотреть, как тетя Лариса трахает дядю Андрея. А она всех одинаково трахает — и дядю Руслана, и дядю Андрея. Лучше б я посмотрел, как дядю Лешу режут, но я же не знал!

На глаза Максима навернулись слезы, и, считая их недостойной мужчины слабостью, он оскалился, свистнул и вприпрыжку унесся в неведомую даль. А я осталась сидеть на крыльце и с ненавистью

думать, что у подобных Лиде следует отбирать детей еще в роддоме. Цинизм, обрушенный на душу ребенка, калечит ее безвозвратно и страшно. Пусть Лида до последней степени презирает всех нас, но неужели ей ни капельки не жаль собственного сына? Впрочем, внешне все благополучно. Она не пьет и даже не бьет. А покалеченной души не видно, да и есть ли где-нибудь стандарт душ? Вот душа здорового человека, а вот больного — такую картинку не нарисуешь. Что станет с Максимом дальше? Дай бог, если Лида подцепит приличного человека и будет вынуждена хотя бы перед ним скрывать свою сущность или даже впрямь от радости смягчиться. А если она и дальше останется одинокой и злобной? Мое сердце разрывалось от наплыва чувств, и помочь могла только Бэби. Она умная, она все знает, она ответит! Но Бэби не шла и не шла.

Глава 18. Неожиданный союзник

Бэби вернулась на базу вскоре после обеда, бодрая и полная сведений.

— Я совершенно случайно столкнулась у милиции с Толиком Савченко, — улыбнувшись, отрапортовала она. — И призналась ему, что с детства восхищаюсь милиционерами. У них такая романтическая служба! С ними происходит столько интереснейших историй! Ну, как ты понимаешь, у Толика срок службы невелик, и историй с ним пока происходило мало. Считаю, только наша. Короче, кое-что он мне рассказал.

— И что?

— Эти местные парни — шестерки из одной занюханной банды. Мокрухи за ними никогда в помине не было, не того полета птицы.

— И Леша так считал, — вспомнила я.

— Ну, была пара приводов в отделение из-за драк да из-за баб. По мелочи. Что касается убийств, то алиби у них и впрямь нет, и это странно.

— Почему странно?

Моя подруга пожала плечами:

— Ну, подумай сама! Они входят в банду. Если б они отправились на мокрое дело, так договорились бы со своими, и те клятвенно подтвердили бы, что сидели все вместе и целую ночь распивали безалкогольные напитки. Так нет! Сперва наши парни просто не могли понять, о какой драке идет речь, потом вроде вспомнили, однако утверждали, что совершенно выкинули ее из головы и даже не помнят лиц тех, с кем дрались. Мол, им показали на двух, извини меня, шлюх, они решили их снять, но шлюхи оказались уже кем-то заняты, поэтому пришлось уйти. Вот и все дела — о чем тут вспоминать? И, судя по тому, что парни не обеспечили себе алиби, они и впрямь выкинули эпизод из головы и ни о каких убийствах просто не знали. Логично, да?

— А нож? — осведомилась я.

— А с ножом еще интереснее! Я его даже видела! Своими глазами!

И Бэби гордо вскинула голову. Да, влетит бедному Савченко, если начальство узнает! Но я Толика понимаю. Чтобы не послушаться этой мегеры, нужно быть матерым героем-подпольщиком, а не едва закончившим училище мальчишкой.

— А нож действительно нашли в туалете?

— Да. Ты как в воду глядела. Вернее, не в воду, а в... — она хмыкнула. — Короче, нож оказался этакий.

— Что значит — этакий? — не поняла я.

— Ну, не нож в нашем понимании слова, а скорее декоративный кинжальчик. Очень красивый. Изящный. Я бы даже сказала, дамский. Этакая дамская игрушка. Толик полагает, что ни один уважающий себя горец даже в руки такое оружие взять не согласится. Мужская честь не позволит.

Я заметила:

— Если надо замести следы, можно и пожертвовать мужской честью.

— Да, — с торжеством выкрикнула Бэби, — но зачем тогда бросать оружие в туалет? Надо протереть его и оставить у тела, вот и все! И оно будет указывать на кого угодно, кроме местных. Ведь у русских мужчин свое понятие о чести, и изящные кинжальчики ему не противоречат. В общем, не верю я в то, что убили местные, это совершенно не согласуется с фактами! И Толик так же считает.

— Значит, милиция считает убийцей одного из нас? — уточнила я, и сердце бешено забилося.

Моя подруга махнула рукой.

— Если бы! Они говорят Толику, чтобы не лез со своей ерундой. Мол, по молодости начитался детективов и не знает, что самое простое объяснение чаще всего оказывается самым верным. А на самом деле небось просто не хотят глухарь на отделение вешать.

Короткое общение с лейтенантом существенно обогатило ее лексикон.

— Они даже не стали биографии копать! — не дав мне времени съязвить вслух, возмущенно фыркнула Бэби. — Уцепились за первую же версию, тяп-ляп — и дело в шляпе. Ильин, он такой. Ему лишь бы его не дергали.

— А разве остальные бандиты не будут его дергать, если он засадит этих?

— А, это же шестерки, до них никому дела нет. От них даже рады будут избавиться, они ненадежные. Вот такая история. Я предлагаю принять Савченко в нашу команду. Он явно играет в те же ворота, что и мы. Ему не придется без помощи старших найти убийцу и поднести им на блюдечке. Ну, чтобы убедились, что не такой уж он мальчишка, а кое-чего стоит. Конечно, особым умом он не блещет, но в силу своего служебного положения вполне может пригодиться. Ты против него не возражаешь?

— Нет.

— Ну, вот. Я уже велела ему послать на обоих потерпевших запросы в Питер. Возможно, в их прошлом есть нечто особенное. Когда придет ответ, Толик нам все расскажет. Да, еще я велела ему снова обшарить наш туалет. Конечно, надо быть круглым идиотом, чтобы выкинуть туда и второй нож, но кто гарантирует, что в преступники идут исключительно золотые медалисты?

Я, несколько опешив от напора, осторожно спросила:

— А ты уверена, что Савченко все это позволят сделать? Раз ему велели не лезть со своими версиями...

Моя подруга пожала плечами:

— Ну, не мы же с тобой должны выкачивать фекалии из сортира, правда? Не женское это дело. Если Толик при его служебном положении не способен на такую малость, пусть катится на все четыре стороны. Без него разберемся! Но, надеюсь, не такой уж он теленок. Выкрутится.

Я знакома с Бэби много лет, а все равно иногда поражаюсь. И восхищаюсь. Мне никогда с нею не сравниться, даже и пытаться нечего!

— Кстати, — как ни в чем не бывало, продолжила она, — а по какому поводу траур? Все грустишь из-за Леши или, может, Митя косо посмотрел? Или что-то еще стряслось?

Я кивнула и подробно передала свою беседу с Максимом.

— Ага, — констатировала моя подруга, — очень интересно. Значит, убийца точно не он, так?

— По-моему, мы с тобой это и раньше знали! — возмутилась я.

— И вовсе не знали, просто я решила тебя не нервировать и лишь поэтому не записала Максима в наш список. А теперь получается, правильно поступила. Если б он кого убил, так, похоже, хвастался бы

на всех перекрестках, а не скрывал. Потрясающий ребенок! А вот по поводу Лиды вопрос остается открытым. Скорее всего, это не она, но стопроцентной гарантии нет. Зато резко возрастают акции Арсения. Давай-ка подумаем... сперва он следил за Лешей... когда Максим заметил это в первый раз?

— Давно, — процитировала слова мальчика я. — Еще до смерти Петра Михайловича.

— Да, — хмыкнула Бэби, — с чувством времени у детей обычно нелады. Учитывая, что мы вместе с Петром Михайловичем прибыли сюда не далее, чем четыре дня назад, «давно» представляется маловероятным.

Я сокрушенно поняла, что у меня с чувством времени тоже нелады. Четыре дня назад! А кажется — целую вечность. И за четыре дня — две смерти. Ужасно!

— Итак, это было четыре дня назад, — повторила Бэби. — А потом он следил за Лешей в самый вечер убийства. Интересно, во сколько?

— С чувством времени у нас с Максимом нелады, — вздохнула я.

— Неважно! После этого Максим смотрел, как трахаются Лариса и Андрей, правильно? А ты тоже это видела. Ты это видела, а уже после встретила Лешу, и вы поговорили. А еще позже Лешу видел Вадик — если, разумеется, не врет.

— То есть Арсений следил за Лешей вовсе не тогда, когда его убили, — обрадовалась я. — И вообще, теперь понятно, где он был во время первого убийства. Выслеживал свою жену и, будучи интеллигентным человеком, стыдится в этом признаться.

— Ну, я бы не была столь категорична. В день смерти Леша Арсений мог следить за ним целый вечер, улучая удобный момент. Сперва ему помешал Максим, потом ты, потом Вадик, а потом, наконец, плацдарм оказался свободен и можно было без помех Лешу зарезать. Вполне логично.

— А Петр Михайлович тогда при чем? — парировала я. — К нему ревновать было не за что.

— Возможно, и не при чем, — неожиданно согласилась со мной подруга. — У нас ведь есть запасной вариант, помнишь? Кто-то убивает Петра Михайловича — не будем пока уточнять, по какой причине, ну, к примеру, он про кого-то что-то знал. Или его зарезал

наш псих Андрей из-за своей хваленой дайнетики. Он ведь утверждал, что если всех таких убить, будем жить в цивилизованном обществе. Как бы там ни было, Арсений понимает — настал его звездный час. Под шумок он может избавиться от соперника и совершенно не вызвать подозрений. Главное, сделать второе убийство максимально похожим на первое, тогда и заподозрят того же человека. Кстати, это относится и к Юрию Андреевичу. Он тоже мог под прикрытием смерти Петра Михайловича свести свои личные счета с Лешей.

Идею я помнила, и теперь она показалась еще неприятней.

— Ты делаешь из наших знакомых совсем уж невозможных подлецов. Мало того, что убил, так к тому же свалил на кого-то вину.

Бэби изумленно вскинула брови:

— А как иначе? Любой преступник, если он сразу не отдается в руки властям, хочет свалить вину на другого. Очевидно же, что нож не сам по себе втыкается кому-то в сердце. Неужели для тебя такая мелочь, как желание свалить вину, хуже убийства?

— Ну, — поразмыслив, поняла я, — убить можно и случайно. Или в состоянии аффекта. А вину сваливают продуманно. Арсений не такой!

— Все мы не такие, пока спим. Короче, следует взять его на заметку. И попробовать разговорить Ирочку.

Я хмыкнула:

— Так она и скажет что-нибудь против любимого мужа!

— Мне он не кажется особо любимым. Кстати, они помирились?

— Если и помирились, то не совсем. Я обратила внимание за обедом, они почти не разговаривают. И оба мрачные.

— Ага! Кстати, ты мне так и не объяснила, почему, когда я вернулась, была мрачная ты.

Я опешила:

— Как не объяснила? Я же все тебе рассказала. Ну, про Максима.

Моя подруга слегка нахмурилась:

— И что? Что именно тебя огорчает? То, что Арсений следил за Лешей? Так мы и без того его подозревали.

— Мне Максима жалко, — вздохнула я. — И я совершенно не представляю, чем можно помочь. Не брать же его на воспитание, правда? Да никто и не даст.

— Подожди... а чего это тебе его жалко? Тот еще фрукт!

— А каким еще будешь с подобной матерью?

Бэби пожала плечами:

— А что мать? Отнюдь не худший вариант. Ребенок накормлен, напоен, даже на море вывезен. Дай бог каждому!

— Ничего себе, дай бог каждому! — возмутилась я. — А ее цинизм? При нас так милая, интеллигентная женщина, а стоит остаться одной, и из нее лезет такая гадость! Мне, и то становится тошно, а уж ребенку...

— Сама ты ребенок! — вдруг засмеялась моя подруга и махнула рукой. — Горбатого могила исправит! Дожила до двадцати лет и все еще веришь, что за глаза о нас отзываются так же, как в глаза? Да любой другой болтает примерно то же, что она, просто тебе этого никто не передал, вот и все. А то, что Максим с детства видит мир объективно, а не через розовые очки, не принесет ничего, кроме пользы. Уж не сомневайся, он устроится в жизни получше тебя.

— Ты неправа, Бэби. Конечно, человек не всегда ведет себя искренне, но ведь не настолько! Я уверена, что Лида — скорее исключение, чем правило. И детей в подобные руки отдавать нельзя. Это значит — загубить их души. Это же дети!

— Ох, Оля! — Бэби вздохнула. — Ты так меня иногда поражаешь! Если б ты была дурочкой, все было бы понятно. Но ты умная, иногда даже очень. Если б ты притворялась, тоже было бы понятно. В конце концов, множество мужчин клюет на этих сентиментальных барышень, наивно хлопающих глазками по любому поводу. В природе подобных существ практически нет, но имидж довольно распространен, под него многие косят. Но ты же не играешь! Тебе действительно жаль довольно мерзкого чужого мальчишку из-за того, что его мать не является круглой дурой или безумной альтруисткой, а ведет себя, как нормальный человек. В конце концов, если б Лида услышала, как мы обвиняем ее в убийстве, по-твоему, она бы пришла в восторг? В глаза ж мы ей подобного не говорим! Так что, нам с тобою тоже нельзя иметь детей?

Мне стало совестно. Есть пословица — в чужом глазу сучок видит, а в своем бревна не замечает. Это обо мне. Действительно, чем мы лучше Лиды? Я так даже хуже, поскольку глупее. Только любящая подруга может утверждать, будто я не дурочка. Вот Бэби захотела и

сразу разложила все по полочкам, а я способна лишь впустую переживать. Что бы я без нее делала?

Глава 19. Ирочкины тайны

Мы вышла во двор. Там Арсений играл с Митей в шахматы, причем оба выглядели весьма увлеченными. Ирочка сидела рядом с мужем и время от времени заглядывала ему через плечо.

— А вот эта защита тебе знакома? — Митя передвинул одну из фигур.

— Я давно не играл всерьез, — задумчиво ответил его соперник. — Кажется, понимаю...

— А разве ты не можешь съесть вот эту штучку лошадью? — неожиданно просияла Ира. — Я точно знаю, лошадь ходит буквой г. Смотри-ка, а он не заметил! Вот лох, да?

И она ткнула пальцем в Митю. Тот не обиделся, лишь молча поднял брови. Арсения же передернуло, и он ледяным тоном медленно и внятно процедил:

— Конечно, отсутствие мозгов скрыть от окружающих довольно сложно, но, казалось бы, даже существу без мозгов доступно избавиться от рыночных манер.

Его жена вздрогнула, как от удара, а Митя поспешно произнес:

— Твои манеры, Ира, просто очаровательно непосредственны. Слушай, Арсений, черный юмор способны оценить лишь представители сильного пола. Какое мнение ты создашь о семейной жизни у юных невинных барышень?

Он, улыбаясь, взглянул на нас, в четыре глаза уставившихся на мужчин. Его собеседник тоже оглянулся, нахмурился, кивнул и вернулся к игре.

— Пойдем-ка прогуляемся, — вскоре предложила Ирочке моя подруга. Ира удивилась, однако покорно встала и пошла. Иногда меня посещает мысль, что Бэби владеет даром гипноза. Почему мы все ее слушаемся?

— Странные тут происходят события, — светским тоном заметила Бэби, едва мы немного удалились.

— Да, — согласилась Ира. — А ведь раньше он тоже... как Митя...

— Что — как Митя?

— Говорил про непосредственность. Я очень хорошо помню. Я решила, он обзывается посредственной, и обиделась. Не для того я вкальваю день и ночь в дурацком ларьке, чтобы всякие покупатели обзывали меня посредственной. А он засмеялся и сказал, что наоборот. Что я — непосредственная. И я подумала, что такой умный клиент, который знает такие слова, попадаетея очень редко. Если клиент к тебе прицепился, так ему надо или полаяться, или трахнутьея. Между прочим, Арсений мне даже стишки читал! Честно, без дураков! Вот девки думают, я парю, а я не парю!

— Конечно, — кивнула я.

Меня поразила ее целеустремленность. Мне лично при фразе «странные события» вспомнились убийства, а для нее самое странное — изменившееся отношение мужа, остальное же — пустяки. Представляю, как ей тяжело!

Между тем Ирочка раздраженно продолжила:

— Купилась я, как последняя дура. Думала, будет у меня муж такой культурный, все девки обзавидуются! Не курит, не пьет, книжки читает. А он!

Она на секунду смолкла, и Бэби бросила на меня косой торжествующий взгляд: мол, кто из нас прав? Она, разумеется, права. Нашла, чем удивить!

— Представляете, я денег в дом приношу больше, чем он! Ну, бывает, продашь что-нибудь налево или комиссионные дадут. Или чаевые. Ну, сами понимаете! А он нудит да нудит — бросай свой ларек и иди учиться. Ага, чтобы с голоду потомдохнуть! Сам носится со своей диссертацией, как дурень с писаной торбой, а что-то не видать, чтоб от нее была кому-то польза. Польза только от халтур, а они есть не всегда. И вообще, он с каждой халтуры отстегивает свекровке, представляете?

— В каком смысле? — не поняла я.

— Ну, деньги ей дает. Обхохочешься! У всех нормальных людей предки отстегивают детям, а мой все делает через задницу. Мол, мамочка его вырастила, а теперь должна существовать на мизерную пенсию? Он не позволит! Можно подумать, старухе много надо! Ей ни одеться, ни пожрать хорошенько незачем. А для него мамочка — это нечто. Можно подумать, много она для него сделала. Даже квартирой не обеспечила, приходится комнату снимать. Удивительно, как он

вообще женился, ведь мамочке я не понравилась. Я, наверное, для нее недостаточно культурная! И вообще, жида тянутся к жидам. Так у них устроено.

— С Лешей было ладить легче, да? — уточнила Бэби.

Ира слегка опешила и, резко сбавив градус эмоций, согласилась:

— Ну... как бы да. Леха — хороший парень. Не жадный. Не знаю, чего это его сюда занесло.

— В каком смысле?

— Ну, у него бабок немеряно. Отдыхал бы на Майорке или на Канарах. Как все новые русские.

— Так он же не новый русский, а обычный человек, — глупо заметила я.

— Обычный? — пожала плечами Ира. — Я не знаю... ты, наверное, называешь новыми русскими всяких там совсем богатых... Чубайса или Березовского, да? А Леша — он этот... средний класс. Мой главный начальник, у которого все наши ларьки, любит называть себя «средний класс», а на нового русского почему-то обижается. Наверное, потому, что про них анекдоты травят.

— погоди, — остановила ее Бэби, — Леша что, рассказывал тебе что-то о себе? Про свою работу?

— Да нет, конечно. Чего это он на отдыхе станет со мной про работу трепаться? Он что, больной?

— А почему же тогда ты его считаешь средним классом?

Ира явно не могла понять, зачем мы пристали к ней по пустякам, и нервно фыркнула:

— Так видно же! Вот Юрий Андреевич, например, он примерно, как мой Арсений, только еще беднее. Арсений все-таки старается крутиться, а этот совсем тюфяк... Митя, тот побогаче, но тоже живет на зарплату. А Леша сам себе хозяин. Типа нашего Тиграна, только круче.

— Какого Тиграна?

— Ну, босса нашего. У которого все ларьки.

— Но ваш босс, надеюсь, не отдыхает на подобных турбазах? — ехидно поинтересовалась моя подруга.

— Нет, конечно! — простодушно согласилась Ирочка. — Вот я и удивляюсь.

Был бы Леха как бы жадный, было бы понятно. А, ну его! Может, у него крыша поехала?

— Жаль, что его убили, — небрежно бросила Бэби. — Ты ему так нравилась! Интересно, кто это сделал?

— Черные, кто же еще? Черным, им поперек становиться нельзя. Это уж вы мне поверьте. У нас на рынке черных много.

Тогда Бэби сделала заход с другой стороны.

— Арсений, наверное, рад. Ему ведь было неприятно, что ты Леше так нравишься, да?

Я вздрогнула от прямолинейности вопроса, однако Ирочка не обиделась.

— Да уж, где ему! Был бы он мужиком, был бы рад, а он... маменькин сынок, вот он кто! Смотреть противно! Лешик, тот был мужик, а мне достался слизняк какой-то! Хоть на его глазах трахайся, глазам не моргнет.

— Ну, все-таки он за вами следил, — задумчиво протянула моя подруга.

— К...кто? — осеклась ее собеседница.

— Арсений.

— Ар...Арсений? Он следил? То есть... следил за мной и Лешей? Это... это точно?

— Почти.

Не знаю, чего это Бэби понесло. Обычно она не склонна к излишней откровенности.

— Анька! — Ира смущенно и счастливо улыбнулась, и я вдруг вспомнила, что она — наша ровесница, а не прожженная пожилая баба. — Следил! Переживал, да? Он ведь все таит внутри, понимаешь? Я ему всегда говорила — ты бы поорал немножко, сразу легче станет. По себе знаю. А он надуется и молчит. Глупый такой, как ребенок! А сам ревнует не хуже всякого, честное слово! Он, может, даже и убить из-за меня может, правда? Молчит-молчит, а потом как вдарит! Не то, что другие, кто только болтает!

— То есть ты полагаешь, Лешу мог убить он?

Я пихнула подругу локтем, но было поздно. Простая спокойно произнесенная фраза в единый миг совершила новое преобразование. Юное влюбленное существо, бывшее совсем недавно расчетливой

стервой, теперь стало разъяренной гарпией, к тому же умеющей плевать ядом.

— Так ты хочешь повесить это на него, да? Заведи собственного мужика, вот на него и вешай! Да где тебе! С тобой больше часа ни один не выдержит!

— Возможно, — равнодушно согласилась Бэби, — только это не делает Арсения менее подозрительным.

— Да? — продолжала бесноваться Ирочка. — А Петьку он за что, по-твоему, угрохал? С Петькой у меня ничего! Петька к тебе клеился! Может, их обоих пришил ваш хваленый Митя? Петьку за тебя, а Лешика за Олю! Вот так вам!

— Фи! — бросила Бэби.

— Да? А Руслан? Мне вон Ларка жаловалась, что сперва к ней клеился, а потом на пустом месте взял да поссорился! Видите ли, она не умеет, как ему надо! Вчера умела, а сегодня вдруг не умеет, ха!

— Это ты выдумала, — заявила моя подруга. — С чего это ей вдруг с тобою откровенничать?

— А с того, что она меня с собой звала, мужиков искать! Обиделась и звала. Но я не пошла, потому что у меня муж есть, и ей пришлось идти со Светкой. Вот такая этот Руслан сволочь!

— Возможно, но повода для убийства я здесь не вижу.

— А этот, Андрей! С виду безобидный псих, а сам еще тот! Мне Ларка рассказывала! Он нас всех за людей не считает, ему всех нас угрохать — плевое дело!

— Но зачем ему это? — холодно осведомилась Бэби.

— Тогда этот, Юрий Андреевич! Сам ссорился с Петькой, а Вадик продул бабки Леше! За штуку баксов всякий убьет! Тем более, такая голытьба, как они! Да они штуки баксов за всю жизнь в руках не держали!

— Что-то не помню, чтобы Юрий Андреевич ссорился с Петей. А Леша с Вадиком спорили в шутку.

— Ха! В шутку! Да он, если хочешь знать, Вадика ненавидел! Он всех мужиков кругом ненавидел, потому что он на твоей Ольке помешался, дурак! Можно подумать, всем мужикам только до нее и дела, ха! Больше всех он ненавидел Митю, но и Вадика тоже! Ольга, дура, вечно говорила о нем хорошее! Да Леха бы за это хату его

заставил продать, а бабки непременно требовал! Уж он бы не спустил, это точно!

У Иры была странная манера обсуждать присутствующих, словно их здесь нет. Меня трясло, зато подруга моя была холодна, как лед.

— Ты преувеличиваешь, — коротко прокомментировала она.

— Я? Да этот идиот так пускал на Ольку слюни, что даже хотел жениться! Мужу за тридцать, а поверил, что она без загса не трахнется! Это уж надо совсем двинуться на старости лет!

— Я имела в виду ссору Юрия Андреевича с Петей, — поспешно прервала неприятный монолог моя подруга. — Не думаю, чтобы это было серьезно. Какая могла быть причина?

— А та, что Юрий Андреевич оказался коммунягой! Он за Зюганова голосовал!

От такого психа всего можно ожидать! А Петька — тот за Хакамаду. Они такого друг другу наговорили! Юрий Андреевич даже говорил, что Хакамада не красавица, а только строит из себя. Ну, тут уж Петька вскипел! Ну, они и орали!

— Всего-то? — уточнила Бэби. — По подобному поводу не убивают. Повод должен быть личным.

Ирочка слегка сбавила тон:

— А может, был и личный. Они потом перешли на личности. И вообще, врут они оба, и папаша, и сынок.

— В чем врут?

— Во всем! И вы врете! Сами, небось, с черными шлялись, а те из-за вас наших парней пришили. А валите на Арсения! Только попробуйте, я о вас такое расскажу — мало не покажется!

И она неожиданно плюнула прямо в Бэби. Правда, в лицо не попала, однако мы и без того оторопели. Воспользовавшись этим, Ирочка резко повернулась и сиганула вдоль аллеи.

— Ну, что, — гордо спросила у меня подруга, счищая листиком слюну с футболки, — здорово я ее разговорила?

— Так ты нарочно! — дошло наконец до меня. — А я-то удивлялась!

— Разумеется, нарочно. Стоит человека хорошенько разозлить, и он выложит все, что знает и даже чего не знает. Кстати, ты ведь была права. Она и впрямь обожает мужа. И как ты догадалась? По всем разумным признакам, они друг друга терпеть не могут!

— Так видно же!

— Это тебе видно. Наверное, дело в том, что ты отключаешь логическое мышление и мыслишь как-то иначе. На то ты и поэт. Итак, Ирочка точно никого не убивала и не знает, кто это сделал. Согласна?

— Совершенно.

— Я тоже. Иначе она была бы уверена, что Арсений не виноват, и не защищала его с такой горячностью. Кстати, обратила внимание? Она пыталась бросить подозрение на любого — но только на мужчину!

Я изумилась:

— А правда! Хотя мне казалось, она скорее предпочла бы навредить женщине.

— Именно! Это значит, она убеждена, что женщина совершить убийство не могла. А на самом деле — могла, мне это и Толик Савченко подтвердил. Тут действительно требовались лишь минимальные анатомические знания, а не сила. Это снова убеждает, что Ирочка не в курсе происшедшего. Чего нельзя сказать об Арсении. С него подозрений я бы снимать не стала. По крайней мере, жена явно не способна обеспечить ему алиби. А даже если он не убивал, так мог что-нибудь видеть, пока следил. Надо взять его на заметку и аккуратненько обработать. Он не так прост, как Ира, однако хитростью и к нему можно найти подход.

Я промолчала, но Бэби этого не заметила, продолжая рассуждения.

— Что касается Юрия Андреевича с Вадиком, так их шансы резко возрастают. Не сомневаюсь, что ссору Ирочка не выдумала.

— Ну, знаешь ли, — прервала я, — если убивать из-за разницы политических взглядов, так одна половина нашей страны давно прикончила бы другую. Я вообще не верю, что можно всерьез спорить о таких абстрактных вещах, как политика, а тем более, ссориться. Представляешь, я бы тебе сказала: «Блондины в сто раз привлекательнее брюнетов», а ты бы ответила: «Совсем наоборот!» И стали бы мы друг на друга кричать. Разве не бред? Так ведь блондины с брюнетами по крайней мере рядом, по улицам ходят, а своих Зюганова с Хакамадой наши мужчины в жизни не повстречают!

Моя подруга засмеялась:

— Я вспомнила один анекдот. Спрашивают семейную пару, как им удастся так дружно жить. И жена объясняет: «А мы договорились — все крупные вопросы в семье решает муж, а мелочи — я. Ну, например, мне нужна новая шуба — муж не возражает, ведь покупки — это мелочь. Зато он говорит, что осуждает агрессию США против Югославии — и я с ним не спорю, это дело важное, ему лучше знать».

— То есть ты считаешь, — уточнила я, — мужчины действительно способны поссориться из-за политики?

— Я не считаю, я знаю. А Петр Михайлович, по-видимому, был мастер выводить людей из себя.

— Потому что был зануда и все лучше всех знал. Ой, прости! Мертвых нельзя ругать.

— А мы и не ругаем, просто констатируем факты. Если уж ему удалось повздорить с Андреем, способным улизнуть в иные миры, то повздорить с Юрием Андреевичем для него — пара простых.

Я иронически хмыкнула:

— И, дабы сторонников Хакамады стало на одного меньше, Юрий Андреевич пошел на убийство.

— Ну, — пожала плечами моя подруга, — потом они могли перейти на личности. Я не уверяю, что этот спор важен, но он льет воду все на ту же мельницу. Юрий Андреевич — наш кандидат номер один. Кстати, а с чего Ирочка заявила, будто они с Вадиком врут?

— Просто так. Чтобы защитить мужа.

— Не знаю! Заявила и быстро прикусила язык. Есть у меня одна мысль!

— Какая?

— Вадик утверждал, что видел Лешу последним, и было это около полуночи. А место... если не ошибаюсь, вот здесь, где пальмы.

— Да.

— Ты видишь рядом хоть один фонарь?

Я повертела головой.

— Нет. Точно, я вспомнила. Здесь вечерами тьма кромешная.

— Вот именно! Чтобы узнать Лешу, требовалось столкнуться с ним нос к носу, понимаешь? А Вадик сказал, что он Лешу видел, а тот его нет. Это нереально.

— Мне тоже по тону показалось, что он врет, — неохотно призналась я.

— Вот! Отец врет, что видел на базе черных, а сын, что видел Лешу. Таким образом они друг друга покрывают. А Ирочка... Ирочка, возможно, сама гуляла с Лешей и знала, что под пальмами его не было.

— Но почему тогда не призналась?

— Это как раз понятно, — махнула рукой Бэби. — Кому охота сообщать милиции о своих ночных прогулках с убитым? Особенно, если ты — замужняя дама. Ирочке не нужны лишние проблемы.

Мы еще постояли немного, прислонившись к пальмам.

— Пожалей меня! — попросила я.

— Жаль-жаль-жаль! Такую бедную, такую маленькую, такую хорошую зайку, — покорно пропела мне подруга и с интересом добавила: — А почему?

— Скажи... Леша что, действительно был в меня влюблен?

— По самые уши, и даже выше. Гораздо сильнее, чем Петр Михайлович в меня. К тому же, Петр Михайлович когда-то был жутко увлечен своей будущей женой, а у Леша это, похоже, впервые.

— Но ведь он женат! — робко пролепетала я.

— Чтобы жениться, любовь не обязательна. Думаю, он был женат неоднократно, а вот влюбился в первый раз. Знаешь, бытует такое мнение, будто очень прагматичные и хорошо погулявшие мужчины в глубине души тянутся к нежным, целомудренным девушкам, витающим в облаках. Только раньше я никогда с подобным не сталкивалась и была уверена, что это вранье. А теперь вот столкнулась. Возможно, дело еще в том, что Леша старше. Андрей был в чем-то прав, когда говорил Петру Михайловичу, что у людей его поколения коммунизм отпечатался в мозгах. Некоторые, типа Леша, вроде бы прекрасно вписались в нынешнюю действительность, а где-то в подсознании у них все равно витают идеалистические представления, впитанные с молоком матери. И, в частности, их трогает воплощенная женственность вроде тебя. Наше поколение уже другое. Леша иной раз так на тебя смотрел, будто ожидал, что ты с минуты на минуту вознесешься в небеса, а он изготавился удерживать тебя за подол.

— А я думала, он дурака валяет. Ужасно, да?

— Ну, ты же не обязана каждому отвечать взаимностью, правда? Кстати, а как ты относишься к сообщению, что Леша жутко ревновал и

ненавидел Вадика и особенно Митю? Предположим, он хотел Митю убить, а тот вырвал нож и убил его самого. В порядке самообороны.

— А Петра Михайловича? Тоже из самообороны?

Бэби задумалась.

— А Петра Михайловича убил кто-то другой и по другому поводу. Мы с тобой уже обсуждали такую возможность. Хотя, конечно, все это выглядит натянутым. Еще странное сообщение про Руслана. Ирочка права — почему он поспорил с Ларисой непосредственно перед первым убийством? Чтобы от нее отвязаться и спокойно совершить свое черное дело?

— А разве она говорила, что это было непосредственно перед убийством?

— Посуди сама. Лариса обиделась и пригласила Ирочку на ночную прогулку. Та отказалась, и вместо нее отправилась Света. Мы ведь точно знаем, что это было в ту самую ночь!

— Да, но слишком уж все это сложно.

— Возможно, только рано или поздно все равно разберемся, я не сомневаюсь!

— Если судьба не преподнесет нам новые сюрпризы, — как обычно, невпопад брякнула я.

Лучше бы я этого не говорила!

Глава 20. Сюрпризы судьбы

За ужином пустовало место Руслана. Впрочем, удивляться не приходилось — он ведь предупреждал, что отправится в аэропорт встречать Лешину жену. Мне было интересно, какая она. Вообще после гибели Леша почему-то сделался мне почти родным. Нет, я не влюбилась в него задним числом, разумеется, но меня, например, чрезвычайно радовало, что, в отличие от бедного Петра Михайловича, Леша не оказался брошенным. За ним прилетает преданная жена. О боже! Не за ним, а за его телом! При последней мысли кусок не полез мне в горло.

— На диете сидишь? — притворно ласково поинтересовалась Света, окончательно оккупировавшая наш столик. — Ох, эта молодежь! У самой кожа да кости, смотреть страшно, а туда же... Всем известно, «женщина без живота — что кобыла без седла».

— Без хвоста, — машинально поправила я.

— Почему это вдруг? — вскинулась моя собеседница. — Уж как-нибудь я лучше знаю! Представители твоего поколения не имеют достаточной культуры речи, чтобы вставлять в нее перлы народной мудрости.

— Просто я решила, должно быть в рифму. — Я сама была не рада, что ввязалась.

— Боже, сколько гонору! Прямо принцесса на горошине! Между прочим, скоро приедет жена твоего Леша. Законная!

Это произносилось, словно я тоже являлась женой, однако незаконной.

Едва мы покинули столовую, Митя купил мне мороженое.

— Уж его-то ты, надеюсь, способна съесть? — строго спросил он.

Я призналась, что вполне, и взяла в руки батончик. Только не суждено мне было сегодня поужинать. По асфальтированной дорожке шла... шла женщина из моего сна! Та самая красавица с черными волосами, в которых сверкало багровое пламя! Она дважды посещала мои сновидения, превращая их в кошмары. В сновидениях она высекала пальцами искры, стараясь меня уничтожить. Правда, там она была почти трехметровой, а реально рост ее не превосходил метра

восьмидесяти, однако это была она, несомненно, она! Мороженое выпало из моих рук.

— Ты что? — изумилась Бэби. — А, вон возвращается Руслан. А с ним, наверное, Лешина жена. Во красотка, да? Прямо топ-модель. И прикид на ней — дай бог каждому. Наш с тобою годовой бюджет не потянет даже на ее солнечные очки. Права оказалась Ирочка, Леша отнюдь не нищенствовал.

На этом сообщении моя подруга была вынуждена прервать монолог, поскольку его героиня оказалась в двух шагах. Я стояла в полной прострации. Всякое со мной случалось, однако сны пока не оживали. Всему, извините, должен быть предел!

— Познакомьтесь, — голосом провинциального трагика заговорил Руслан, — это Анастасия, Лешина жена. Настя, это Аня, Оля, Света и Митя. Мы все живем тут рядом. То есть, рядом с Лешей... то есть Леша жил рядом с нами...

Похоже, красавица действовала на Руслана не лучшим образом, он суетился, смущался и был сам на себя непохож. Зато Анастасия отличалась редкостным спокойствием. Равнодушным взором окинув ограду турбазы, она дивным грудным голосом уточнила:

— И вот здесь он жил? Забавно!

Она была Лешина жена, ее постигло огромное горе, но я почему-то не могла ей посочувствовать. Возможно, на меня слишком сильно подействовали странные сны. Они смешались с реальностью или даже ее затмили. Тем более, что красавица неожиданно вытащила из миниатюрной сумочки зажигалку и щелкнула ею, высекая искру — почти как в моем ночном кошмаре!

— Настенька, я бы сделал это сам, — робко заметил Руслан.

Она слегка передернула плечами и лениво заметила:

— Не гони волну, кабальеро. У тебя еще будут возможности мне услужить.

Анастасия слегка повернула голову, и ее взгляд переместился с ограды на меня. Легкая заинтересованность проступила сквозь безмятежный покой, и Лешина жена произнесла:

— Девочка... как там тебя? Хочешь за одни сутки заработать пятьдесят баксов?

— В каком смысле? — не поняла я.

— В прямом. Я не захватила с собой горничной, и мне понадобится девушка для услуг. Работа необременительная, а пробуду я тут где-то до завтра. Заплачу полсотни. Ну, что?

Бэби впоследствии утверждала, что вид у меня сделался жалостливый, словно мне вдруг предложили немедленно отправиться в длительное космическое путешествие и пытаются втиснуть меня в скафандр. По крайней мере, я и впрямь растерялась, поскольку вместо гордого отказа пролепетала:

— Ну, что вы! Я не справлюсь.

— А чего тут справляться? — удивилась Анастасия. — Типа поднести или заказать. Ну, помочь одеться.

— Нет, — сумев взять себя в руки, решительно возразила я, — простите, но мне это не подойдет.

— Ну, дело твое. Я как бы хотела тебе помочь. Ты так бедненько одета, я решила, будешь рада приработку.

На мне был веселенький ситцевый сарафанчик. А в чем еще прикажете ходить у теплого моря? В бархатном платье с кринолином?

Моя подруга сдвинула брови, и я поняла, что она собирается подпустить шпильку. Однако не успела.

— Я согласна вам помочь, — с любезной улыбкой обратилась к Лешиней жене Света. — Я справлюсь.

Та лениво пожала плечами:

— Несомненно. Но я не люблю видеть рядом с собой поблекшие лица. Ну, так ты покажешь мне его жильё, кабальеро?

— Разумеется, прекрасная синьорина, — подобострастно ответил Руслан. Не знаю, чего это их потянуло на Испанию!

Анастасия двинулась вперед своей плавной, но вызывающей походкой манекенщицы, а ее спутник затрусил рядом с таким видом, что я, не сдержавшись, шепнула Бэби:

— Козлы бородами дорогу метут!

Слова донеслись до Мити, и он искренне расхохотался. Казалось, он испытал огромное облегчение, а теперь была разрядка.

— Подумаешь! — прокомментировала Света. — Тоже мне, пуп земли! Дылда тощая, вот она кто. Поблекшие лица! Да сними с нее штукатурку, под ней найдешь такое — страшно посмотреть! Самой небось не меньше тридцатника, это точно, а она под девочку косит.

— Во-первых, меньше, а во-вторых, под какую же девочку? — навела справедливость моя подруга. — Скорее, под светскую даму. Хотя, конечно, дамой там и не пахнет.

— Зато она фантастически красивая, — вздохнула я. — Как ненастоящая. Недаром она мне два раза снилась.

— Что значит — снилась? — уточнила Бэби.

Я была не рада, что проболталась, вспоминать свой сон при посторонних не хотелось.

— Я же тебе рассказывала, вчера и позавчера.

— Кстати, она того же типа внешности, что и ты, — вдруг заявила Бэби.

— Издеваешься?

— Да нет. Просто в ней все чересчур, до вульгарности, а в тебе в меру. Ты просто высокая, а она каланча. Ты темная шатенка, а она покрасилась в какую-то брюнетку с бордовым отливом. У тебя матовая кожа почти без румянца, а она заглянцевалась, прямо маска гипсовая. И даже в чертах лица у вас есть сходство. Хотя, разумеется, по части шарма тебе до нее далеко. Шарм у нее профессиональный. А вообще, видимо, Леша клевал на подобный тип. Наверняка его предыдущая жена была похожа на вас обеих, только старше. Так и менял бы шило на мыло, но каждый раз, разумеется, помоложе.

— Не в бровь, а в глаз! — восхитился Митя и явно собирался еще что-то добавить, однако почему-то осекся, заторопился и ушел. За ним, как легко догадаться, последовала Света.

— Бэби, — сказала я, — мне покоя не дает мысль про этот сон!

— Про какой из них? По части снов ты у нас — существо непомерно активное. Диву даюсь, какие странности тебе снятся!

— Про огненную девушку, которая хотела меня убить.

— Трехметровую? Что-то припоминаю. А что?

— Я же сказала: эта девушка — Анастасия, — выпалила я.

— В смысле... то есть Анастасия тоже хочет тебя убить, что ли? Это вряд ли. Она слишком нас всех презирает.

— Ты не поняла! — волнуясь, вскричала я. — Я говорю не фигурально! Девушка, которая мне снилась — в точности Анастасия! В точности, понимаешь! Мне она снилась, понимаешь!

— Хмм... — протянула Бэби. — Она, конечно, каланча, однако до трех метров не дотягивает. Думаю, где-нибудь метр семьдесят семь

или восемь. Кроме того, я не заметила, чтобы она высекала пальцами искры. Подозреваю, слухи о «в точности похожести» несколько преувеличены.

Я разозлилась.

— Я и не уверяю, будто она трехметрового роста. Когда я говорила «в точности», имела в виду не рост. Вон, на фотографии мы вообще по десять сантиметров, а тем не менее не сомневаемся, кто там изображен. Вот так и здесь. Это она, точно она! Она мне снилась, понимаешь! А теперь приехала. Мистика какая-то!

— То есть ты считаешь себя ясновидящей? — искренне удивилась моя подруга. — Seriously? Ты серьезно веришь в подобную чепуху?

Я несколько сникла. Нет, ясновидящей я себя не считала. Но что я могу поделать, если я видела во сне Лешину жену! Видела, хоть ты тресни!

— Фантазерка ты, Оля! — Бэби улыбнулась мне ласково и нежно, словно ребенку. — Тяжело тебе, наверное, жить на свете. А с другой стороны, интересно. Как всем творческим личностям. Ты преобразуешь действительность в своем воображении и живешь на грани между истинным и выдуманым мирами.

— Ты мне не веришь! — укорила я.

— Верю. Ты действительно видела во сне кого-то похожего. Не думаю, что ты способна совершенно точно запомнить внешность явившегося тебе трехметрового кошмара, от которого к тому же приходилось уворачиваться. Запомнила лишь общий облик. А Анастасия и впрямь производит впечатление, будто... ну, ей палец в рот не клади. Вот у тебя и наложилось одно на другое. Элементарно!

Меня объяснение не удовлетворило. Я была убеждена, что видела во сне именно ее, и баста! Однако спорить с подругой не умела. К тому же у меня не было ни одной более-менее разумной трактовки ситуации, а мистические варианты Бэби отвергла бы с ходу.

— Слушай, — предпочла спросить я, — а Леша что, и впрямь новый русский? То есть средний класс. Судя по бриллиантам на его жене, да. Тогда Ирочка права — чего ему было делать здесь, в дыре? Вон, как эта фифа изумилась, что он жил в таких условиях!

— Да, это вопрос, — согласилась Бэби. — Его следует обдумать. Я пока подумую, а на ночь мы с тобой все это обсудим, хорошо?

Я согласилась. Тем более, у меня тоже было запланировано одно важное и тяжелое дело, для которого абсолютно не требовалось присутствие подруги. Оставив ее размышлять, я отправилась искать Арсения.

Глава 21. Жизнь продолжается

Нашла я его там же, где и остальных наших мужчин — в радиусе действия волшебных чар вновьприбывшей красавицы. Красавица сидела за столом, а вокруг толпились Руслан, Арсений, Юрий Андреевич с Вадиком и даже Андрей. И еще Митя. У всех них были слегка дебилские лица — видимо, именно это называется «челюсть отвисла от восторга».

— А пожалуй, я рискну здесь переночевать! — задорно сообщила Анастасия, обращаясь, как мне почудилось, особенно к Мите. — Если здесь выдержал Лешик, то выдержу и я. Даже интересно. В жизни ведь все надо попробовать, правда, мальчишки? Вы одобряете?

Мне стало горько. Глупо, но я надеялась, что сегодня к нам прилетит усталая женщина с заплаканными глазами, она станет грустить о муже, и это... Впрочем, что — это? Ему ведь ничья грусть теперь не нужна! И все равно, обидно, что Лешина смерть словно и не задела никого. Сперва смерть Петра Михайловича, теперь Леши. Разве правильно, когда о человеке не грустят? Значит, его не любили, да? Ужасно, наверное, жить без любви!

— Я так и знала, что эта поездка не доведет Лешика до добра, но он ведь такой упрямый, — продолжала гостя. Если первоначально, при женщинах, она строила скучающую светскую львицу, то теперь, в компании мужчин, вела себя совсем иначе. Этаким милый балованный ребенок, не знающий прозы жизни.

— И что теперь делать со всеми этими магазинами, ума не приложу, — кокетливо вздохнула она, опустив ресницы. — Леша поставил меня в ужасное положение, но он всегда был эгоистом, я к этому привыкла и не жалею.

Меня покорило, однако джентльмены лишь сглотнули слюну.

Увлекательный монолог был неожиданно прерван тем из слушателей, на кого я меньше всего подумала бы — Андреем.

— Дайнетика подскажет решение любой проблемы, в том числе и связанной с бизнесом, — весомо произнес он. — Она помогает человеку открыть в себе внутренние резервы. Вот в вас, Анастасия, я уверен, этих резервов куда больше, чем в любой другой женщине.

Главное, освободить их, выпустить из вашего подсознания, и вы сумеете управлять магазинами не хуже Леша.

Огромные сияющие глаза устремили свой взор на Андрея, тот сбился и закашлялся.

— Интересная мысль. Вы занимаетесь дайнетикой?

— Дайнетика — это не занятие, а образ жизни и мировоззрение. Я живу не так, как обычные люди, а куда более духовно насыщенной жизнью. Но эта повышенная духовность дает связь с астральным миром, а с его помощью можно достичь любого результата, в том числе и чисто материального. Стоит сконцентрироваться на своем желании, и оно исполнится.

— Неужели? — иронически осведомился Юрий Андреевич. — Тебе, Андрей, неплохо в таком случае живется, и не завидую я тому, кто окажется на твоём пути.

— Да, — серьезно ответил наш дайнетик, — это правда. Но они сами виноваты, нечего было со мною спорить.

— Действительно, спорить с определенным типом людей — бессмысленное занятие.

Я поняла, что Юрий Андреевич имеет в виду дураков (ведь с дураками не спорят), и удивилась его грубости. Это для него совершенно нехарактерно. Впрочем, Андрей вроде бы не понял намека. Тем более, тут же вмешался Руслан.

— Ну, я помогу тебе с бизнесом, — неуверенно предложил он. — Я ведь в курсе всех ваших дел. Конечно, у Леша были некоторые организационные просчеты, но в основном все, я полагаю, в порядке.

— Вы очень любезны, кабальеро.

— Ради столь прекрасной синьорины я готов даже бесплатно чистить нужники, а не только заниматься тем, что мне нравится и к чему я привык.

Сотня вопросов вертелись у меня на языке, однако задать их я стеснялась. Слава богу, рядом оказался Вадик, который спросил:

— Я не понял. Леша что, имел собственный магазин?

— Не магазин, — строго поправила Анастасия, — а разветвленную торговую сеть.

— А, — с почтением протянул Вадик. — А у тебя, Руслан? Тоже сеть?

— Я — простой наемный работник, — улыбнулся Руслан.

— Не скромничай, кабальеро! — промурлыкала красотка. — Не такой уж простой, а как бы заместитель. К тому же держатель некоторого количества акций.

— Пять процентов, — зачем-то уточнил Руслан. — Еще десять у остальных. А оставшееся — Лешкино. То есть теперь твое.

— Лешик умел рисковать, — заметила Анастасия, — и никогда не оставался в накладе, а всегда получал хорошую прибыль. У него было чутье. Но он не умел эту прибыль сберечь, а пускал большую часть на ветер. Я думаю, если взять от его стиля все лучшее, можно иметь доход и побольше, чем раньше. Ты согласен?

Ее собеседник что-то неохотно промямлил, очевидно, не в силах согласиться, но и не решаясь возразить. Похоже, увеличение дохода представлялось ему проблематичным. Какая, однако, у дамочки алчность! Не то что башмаков не износила — тела еще не похоронила, а мысли лишь о деньгах!

Тут я вспомнила, что пришла сюда не затем, чтобы злобствовать, а по другой причине, и заставила себя приблизиться к Арсению, тихо позвав:

— Можно тебя на минутку?

Он расслышал не сразу. Его глаза были устремлены... нет, не совсем на Анастасию. Скорее, за ее левое плечо. Там пристроилась Ирочка, и весь вид ее выражал готовность услужить. Я догадалась, что Лешиней жене удалось-таки приобрести на денек горничную с не очень поблекшим лицом, и меня слегка покорило. Впрочем, это уж мои личные задвиги. Когда я как-то была в хорошем ресторане, официант, стоящий за спиной и готовый в любой момент налить вина, тоже вызывал у меня неприятные ощущения. Я понимаю, что в сфере обслуживания нет и быть не может ничего плохого, и в то же время откровенная возможность для человека распоряжаться другим человеком отзывается во мне болезненно.

Как бы то ни было, мне удалось обратить на себя внимание Арсения, и мы отошли в сторонку.

— Что тебе, Оля? — не без раздражения спросил он.

Я решила и, словно очертя голову кидаясь в ледяную воду, быстро произнесла:

— Прости, что я вмешиваюсь не в свое дело, но я хочу сказать, что Ира тебя очень любит. Я даю тебе честное слово, что это так. Я

клянусь тебе!

Арсений скривил рот и с отвращением поинтересовался:

— Это она тебя послала? Я что, похож на круглого идиота?

— Нет, — поспешно возразила я, — не она. Что ты! Она ничего не знает, я сама. Просто я говорила с ней о тебе... прости меня! — я рассказала ей, что ты следил за ней и за Лешей... пожалуйста, дай мне закончить! Она решила, что я обвиняю тебя в убийстве, и с нею такое приключилось, ты даже представить себе не можешь! Она готова была меня задушить и готова была обвинить всех и во всем, только бы не тебя! И, если б ты действительно убил, ей бы и на это было плевать, честное слово! Она бы обвинила невинного человека и даже не чувствовала угрызений совести, потому что все остальные люди для нее ничто по сравнению с тобой, понимаешь? Я не говорю, что это хорошо, но это правда, Арсений! Вот Леша убит, мертв, а она говорила о нем страшные гадости, и обо мне тоже, потому что не хотела позволить, чтобы у тебя были неприятности, понимаешь?

Я задыхалась от смущения, путала слова. Видимо, моя речь не была убедительной. По крайней мере, Арсений холодно заметил:

— Детский лепет!

Тут нервы мои не выдержали, и я заплакала. Я плакала не только из-за неприятностей данной минуты. Две страшные трагедии последних дней висели надо мной дамокловым мечом, и я не забывала о них ни на миг. С момента смерти Петра Михайловича моей душе не было покоя. Однако вслух я лишь горестно восклицала сквозь слезы:

— Почему вы все мне не верите? Что я вам такого сделала? Разве я обманывала вас когда-нибудь? Я ведь говорю правду!

И вдруг Арсений засмеялся. Он засмеялся, легко поцеловал меня в висок и ответил:

— Я тебе верю. Я знаю, что ты умница и тебя очень трудно обмануть. Скажи мне снова. Ты убеждена, что она меня любит?

— Я знаю это! — вскричала я. — Есть вещи, которые просто знаешь! Зачем вы мучаете друг друга? Ладно, она, она такая простодушная, но ты-то, Арсений! Ты же умный! Зачем ты делаешь это? Зачем ты обижаешь ее постоянно? Тут ни одна женщина бы не выдержала! У нее ведь тоже есть свое достоинство, правда?

— У женщины, за зеленую бумажку согласной раболепствовать перед другой, достоинством и не пахнет, — мрачно сообщил мне

собеседник.

— И ты ей так сказал?

— Примерно, — вздохнул он.

— Да, только еще сложнее, правда? Она поняла только, что ты над нею смеешься, и снова обиделась на тебя. Почему ты не сказал ей просто, без выкрутас, что ты не хочешь, чтобы она прислуживала?

— Она сама должна была это понять.

— Как она могла понять это? Если ты с твоим умом не понимаешь ее, непорядочно требовать, чтобы она понимала тебя.

— Ты же понимаешь.

— Она жила в другой среде, там другие принципы, и она не переучится мгновенно! Удивительно, что она хоть старается! Ее старания стоят в сто раз большего, чем мое понимание, потому что мне оно дается само собой, а она делает все ради тебя! Да ты счастлив должен быть и проявлять безграничное терпение к ней, и не только из любви, но и в благодарность! Подумай сам! Ей ведь в голову не приходит, что с тем же успехом она может потребовать, чтобы ты, наоборот, менялся по направлению к ней, а не она к тебе! Представь себе, что она бы этого потребовала! Каково бы тебе было? Вот ей сейчас именно так.

Арсений отвернулся и дрогнувшим высоким голосом произнес:

— И все-таки мама неправа. Да, вы, русские, действительно не умеете управлять собой. Вы позволяете эмоциям брать верх над разумом и живете сегодняшним днем. Но это не значит, что вы глупее. Это просто другой менталитет. Да, с точки зрения прагматической он ущербен, но нельзя же все мерить одной меркой. Зато вы, наверное, счастливее. Вы живете, а не просчитываете.

— Ты тоже, — вырвалось у меня.

— Ну, так я в некотором роде выродок, — усмехнулся он. — Я хорошо помню, как увидел ее впервые. В этом отвратительном ларьке, среди вульгарных торговцев... и вдруг она. Ее ведь невозможно не заметить, правда? Она будет выделяться в любой среде. Да, среда накладывает свой отпечаток, но все равно сквозь него проступает личность, индивидуальность, ни на кого не похожая. Ты права, Оля. Я веду себя, как нетерпеливый идиот. Если находишь необработанный алмаз, следует не бить его кувалдой, а огранять медленно и терпеливо, день за днем, год за годом.

Ира не казалась мне столь уж неординарной, однако спорить я, разумеется, не стала. Ограничая ее, он будет понемногу меняться сам, так что постепенно они притрутся. Главное, пройти без ущерба тот тяжкий период, который у них сейчас, а дальше будет легче.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты хорошая девочка? — неожиданно спросил Арсений.

Я вздрогнула.

— Не знаю. Не помню.

— Значит, я говорю. Ты очень хорошая девочка. Конечно, повзрослев, ты изменишься, но, надеюсь, не совсем. Только тебе очень тяжело придется в жизни. Ты должна быть осторожной. Тебе очень легко сделать больно, да?

— Любому легко, — возразила я. — Только некоторые лучше владеют собой.

— Ты неправа. Не стоит судить о других по себе, Оля. Раз уж ты вмешалась в мои дела, позволю себе ответить тем же. Ты слишком доверчива к людям, Оля. Ты слепо веришь своей подруге, а ее интересы не всегда совпадают с твоими. А уж свои интересы она отстаивать умеет, можешь не сомневаться!

— И имеет на это полное право, — прервала я. — Прости, Арсений, мне надо бежать. Я и так уже опаздываю.

И, словно трусливый заяц, я бросилась вперед, не разбирая пути. Я не желала слушать гадости про Бэби.

А она ждала меня на крыльце.

— Я уже начала беспокоиться. Боялась, тебя понесло на море. Хотя ты и плаваешь, как рыба, но одной в темноте все-таки опасно. Ну-ка, посмотри на меня! Ты что, и впрямь купалась? Совсем с ума сошла! Хотя бы предупредила, я бы посидела на всякий случай на берегу.

— Да нет, я не купалась. Хотя я действительно плаваю, как рыба, так что беспокоиться за меня нечего.

— А что же ты делала? — с подозрением осведомилась у меня подруга. — Что-то неправильное, голову даю на отсечение! У тебя жутко виноватый вид. Сразу расколешься или предпочитаешь помучиться?

Я засмеялась:

— Что я, мазохистка, что ли? Я говорила с Арсением.

— С... с Арсением? Одна? Ну, ты даешь! — Бэби не на шутку разозлилась. — Ты наверняка все напортила, так и знай! Ты совершенно не умеешь хитрить, и если вдруг решила, что умеешь, то глубоко ошибаешься. Он наверняка обвел тебя вокруг пальца и теперь радостно хихикает. А из-за тебя мне теперь подкатиться к нему с этим убийством будет в сто раз сложнее, потому что он теперь настороже.

— А я не говорила с ним про убийство, — разъяснила я. — Так что об этом не беспокойся.

— А тогда... тогда о чем?

— Про Иру. Я сказала, что она его любит. Он сперва не поверил, но я рассказала подробнее, и он поверил. Вот и все.

— Рассказала подробнее... ага, выдала ему наш с ней разговор? И про слезку тоже?

Я покаянно кивнула:

— Да.

— И ты не могла хотя бы посоветоваться предварительно со мной?

Я почувствовала ее обиду.

— Но, Бэби! Я действительно не могла! Если б я посоветовалась с тобой, ты бы меня переубедила, я знаю. Ты меня всегда переубеждаешь. А я должна была с ним поговорить! Я была уверена, что это надо, понимаешь! Я и сейчас уверена. Я не могла по-другому.

Бэби вздохнула и махнула рукой.

— Ладно, сделанного не воротишь. Слава богу, хоть теперь призналась. А то хороша б я была, подкатываясь к нему после тебя. Выглядела бы последней душой. Кстати, а про убийство вы совсем не говорили?

— Совсем.

— И про то, что он видел, пока следил?

— Нет, не говорили.

Она посмотрела на меня, как на любимого, но недоразвитого ребенка, однако вслух лишь произнесла:

— А как тебе кажется... интуитивно... сказал он тебе что-нибудь такое, что полностью снимает с него подозрения? Пусть даже это мелочь.

Я задумалась и неохотно призналась:

— Пожалуй, нет, — поспешно добавив: — Но ничего подозрительного тоже не сказал.

Продолжить обсуждение не удалось. Из соседнего домика вышел Руслан и, бросив несколько испуганный косой взгляд по сторонам, приблизился к нам.

— Настя все-таки решила переночевать здесь, — сообщил он с видом церемониймейстера, объявляющего о распорядке дня королевской особы.

— А, — холодно кивнула Бэби. — Пускай ночует. Это ей полезно.

Мне стало неловко за подобный ответ, и я некстати добавила:

— Она очень красивая.

— Правда? — оживился Руслан. — Я и сам поражаюсь. Трудно поверить, что когда-то она была обычным человеком, правда?

— В каком смысле? — не поняла я.

— Ну, жила себе обычная девчонка, студентка медучилища. Делала больным уколы да меняла грязные горшки. А потом — конкурс красоты и фантастическая победа. Фотографии в журналах, поездки за границу. А сейчас она — топ-модель у самой Ариной. Не у кого-нибудь, а у самой Ариной, представляете! И это еще не предел. Я уверен, она способна взлететь и выше. Правда, после замужества она бросила регулярную работу. Леша не хотел, чтобы его жена слишком много времени проводила вне дома. Но тем не менее все самые престижные показы проводит именно она. Это естественно — второй такой в Питере не найдешь! И трудно представить, что эти прекрасные ручки когда-то занимались грязной работой медсестры.

— Вы давно знакомы? — поинтересовалась Бэби.

— Года два. Они поженились чуть больше года назад, но и до этого регулярно появлялись в свете вместе.

И тут я не выдержала.

— Руслан! — вскричала я. — Да если Леша такой богатый, почему он отдыхал здесь, а не там, где ему положено?

Любопытство — один из моих самых больших пороков.

— Ну, — Руслан пожал плечами, — Леша вообще оригинальный парень. Кстати, он начинал инженером на судостроительном заводе. Потом создал свой бизнес, сперва связанный с корабельным оборудованием, а потом чисто торговый. Он остро чувствовал конъюнктуру, никогда не медлил и не терял времени даром. Короче,

раскрутился на всю катушку. Но у него остались знакомые в той среде, из которой он вышел. В среде инженеров-кораблестроителей. Видимо, ему захотелось тряхнуть стариной, повращаться среди них, посмотреть, как живет простой народ. Сейчас любят жаловаться, что возник большой разрыв между богатыми и бедными. Вот ему и захотелось проверить, смог бы он выжить в нынешних условиях без больших денег или нет. Или захотелось вспомнить молодость. Не знаю! По крайней мере, не от скупости. Скупым он никогда не был, скорее наоборот. А то, что проверял Настины расходы — так это просто, чтобы показать, кто в семье главный.

— Что значит — проверял расходы?

— Ну, она должна была на все покупки предъявлять ему чеки. Вы не думайте, она имеет все и даже больше. Хочет кольцо из изумрудов — вот тебе, пожалуйста, кольцо из изумрудов. Только должна сперва посоветоваться, а потом предъявить чек, вот и все. Леша хотел любую мелочь держать под своим контролем, и в бизнесе, и в семье. Он всегда решал все сам, вот и эту поездку тоже. Он не очень-то объяснял мне мотивы своих действий. Может быть, Насте объяснил? Я его, кстати, отговаривал. По мне, идея поехать сюда была совершенно дурацкой. Он оторвался от той среды и привык жить иначе, и ему было как бы трудно изображать обычного человека. Но его чем больше отговариваешь, тем он больше стоит на своем. Он жутко упрямый.

— Леша с Марса, — неожиданно вставила Бэби и с удивлением добавила: — Все-таки ты чуть-чуть ясновидящая, Олька, честное слово! В смысле, интуиция у тебя — на высшем уровне.

Мы немного помолчали, и я спросила:

— А Митя здесь? Я хочу взять у него гитару.

— Здесь, — кивнул Руслан. — Я и сам сейчас к нему зайду. Я ведь эту ночь буду ночевать у него. А в моей комнате — Настя.

В тот же миг он вдруг отодвинулся и сменил выражение лица. Ну, словно он вовсе не стоял рядом и не беседовал, а случайно проходит мимо. Мне стало смешно. Неужели Анастасия, неожиданно появившаяся на пороге, столь ревнива?

— Кабальеро, — вибрирующим голосом позвала она, — отнеси свои вещи к Мите. Они мне мешают.

Руслан поспешной рысью подбежал к своему домику и вынес оттуда большую сумку. Я решила, что мне стоит заглянуть к Мите за

гитарой вместе с ним, а не одной, это будет выглядеть менее навязчиво. Поэтому я тоже приблизилась к вожделенной двери. Пока мы оба мешкали, Анастасия подошла к ней и без стука ее отворила.

Митя сидел на стуле и увлеченно что-то писал в большую записную книжку в кожаном черном переплете. Нас он не заметил. Мне стало неудобно, и я позвала:

— Митя!

Он вздрогнул, поднял глаза, и его рука с блокнотом судорожно заметалась. Сперва Митя попытался прикрыть книжку одеялом, потом сунуть в карман рубашки, явно слишком маленький, и лишь затем пихнул в ящик тумбочки. Я и представить себе не могла, что он способен так суетиться. Правда, избавившись от неприятного предмета, Митя сразу успокоился и, вежливо встав, пригласил нас войти.

— А что это у тебя? — тут же выпалила Анастасия. Я впервые услышала в ее голосе искреннее чувство.

— Ты о чем? — поднял брови он.

— Блокнот, — кокетливо улыбаясь, заявила она. — Что в нем такого?

— Телефоны моих бывших невест, — улыбнулся Митя. — Встретившись с вами, сеньора, я решил вычеркнуть их все не только из памяти, но и из блокнота.

— Вы очень любезны, идадьго.

Итак, Руслан — кабальеро, а Митя идадьго. Я попятилась, намереваясь уйти, однако Митя просек мои намерения и без промедления спросил:

— Ты что-то хотела, Оленька? Или просто заглянула на огонек?

— Гитару, — призналась я.

— Но с условием, — не скрывая удовольствия, заметил он. — Что ты потом нам споешь.

— Она занимается самодеятельностью? — лениво протянула Анастасия. — Я думала, этим увлекались только в совковые времена, чтобы выслужиться перед начальством.

— Оля — талантливый поэт, к тому же кладет стихи на собственную музыку и замечательно поет, — спокойно пояснил Митя. — Правда, к сожалению, балует нас своим искусством реже, чем хотелось бы.

Красавица скользнула по мне равнодушным вроде бы взглядом, но мне почудилась в нем такая сила, что, будь эта сила материальной, на моем лице остались бы волдыри. Я поспешно поблагодарила и, схватив гитару, убежала. Мне было тяжело оставаться в данном обществе, и не спрашивайте, почему.

Песня сочинилась странная. Я полагала, она снова получится о жизни и смерти, как предыдущая — ведь произошло еще одно убийство. Но она была о любви. Вот такая.

«Бог с тобою, мой любимый, бог с тобой.
Ты уверен, что ты властен над судьбой.
Ты уверен, что ты властен над собой,
И не ведаешь, что слаб ты, как любой.

Бог с тобою, милый мой, хороший мой.
Проводи меня до полночи домой.
Ты уверен, что твой честный путь прямой
Не прервется ни сумой и ни тюрьмой.

Бог с тобою, мой хороший, мой родной.
Ты постой еще немножечко со мной!
Ты уверен, что ты каменно-стальной.
Не изведай же вовек, что ты иной».

Из поэтических грез меня вырвал резкий голос Анастасии. Впрочем, гневалась она не на меня. Я сидела в домике, а благородная Бэби слонялась по двору, дабы не мешать. Я бы предпочла творить под открытым небом, однако подруга меня не пустила, мотивируя поздним часом, последними опасными событиями, а также моей полной невменяемостью во время сочинительства.

— Что значит — передумала? — оказывается, красавица умела говорить отнюдь не флегматично, а очень даже темпераментно. — Я что тебе, простая, чтобы меня дурить? Не получишь теперь ни копейки, поняла?

— Ну, конечно, — радостно отозвалась Ирочка. — Мне и не надо. Я помогла тебе просто так, бесплатно. А если тебе очень надо... Арсенюшка, если ей очень надо, может, я еще ей помогу? За просто так. Если она сама не привыкла... и если ты не возражаешь...

— Нужна мне твоя помощь! Ни причесать толком, ни одеть! Косорукая! А я еще собиралась подарить тебе свое старое парижское платье!

— А мне не надо, честное слово! Да мне оно и не подойдет. Будет тесное и длинное. Мне муж тоже подарил платье из настоящего бутика. Черное и на бретельках. Красивее не бывает!

Я вышла на крыльцо, чтобы показать Бэби, что плацдарм свободен.

— Киса показала когти, — шепнула мне на ухо она.

Впрочем, Анастасия тут же вернулась к привычной томности и одарила двор роскошной улыбкой. Все понятно — из темноты появился Митя.

— Получилось? — не обращая внимания на красавицу, спросил меня он. — Я просто в нетерпении. И Арсений, похоже, тоже. Ты ведь тоже поклонник Олиного таланта, правда?

— Несомненно. Мы с Ирой тоже ждем.

И я спела. Правда, немного мешало присутствие Анастасии, но, возможно, оно же и стимулировало меня. Видимо, пела я, как никогда. По крайней мере, Ирочка расплакалась и бросилась к мужу на шею, а тот принялся нежно ее утешать.

Я протянула Мите гитару.

— Как жаль, что вы, синьорина, не поете, — словно не замечая меня, обратился он к своей прекрасной соседке. — Вы бы это делали безукоризненно — таков уж ваш стиль.

— Не люблю самодеятельности, — повторила она. — Впрочем, у девочки милый голосок, хотя манера довольно смешная.

— Не может же каждый обладать столь изысканным вкусом, как вы, сеньора. Оля, ты что-то хочешь спросить? — он вдруг неожиданно обнаружил мое присутствие. — Если можно, побыстрее, нам с Настей некогда.

— Только поблагодарить за гитару, — ответила я, осторожно прислонила инструмент к дереву и, стараясь не торопиться, зашла в домик. Голос мой звучал совершенно спокойно и уверенно, не

пресекаясь и не дрожа. Просто мне казалось, что это не я. Я сейчас где-то совсем в другом месте, например, купаюсь в теплом чудесном море, а кто-то другой, чужой, посторонний идет сейчас по темному двору, каждой клеточкой тела ощущая только что нанесенный страшный удар. Кто-то, кто заслужил его. Не я.

Света включать я не стала. Без него легче. Я легла, не раздеваясь. Раздевание почему-то представилось мне совершенно излишним тяжелым трудом.

Послышались легкие шаги Бэби, ее тихий голос.

— Олька, только не надо очень уж переживать, хорошо? Что ни делается, все к лучшему. Это бы все равно случилось, поверь моему опыту, так вот, чем раньше, тем лучше. Как бы ты перенесла это через пару недель, представить страшно. Лучше уж сейчас.

Я молчала.

— Молчи, если хочешь, — добавила она. — Только не забывай — на твоих глазах убили двух человек. Это стыдно — страдать из-за какого-то доморощенного Казановы сильнее, чем из-за смерти хороших людей. Это неправильно. Спокойной ночи!

Я лежала и ни о чем не думала. Моя душа как будто отделилась от тела и смотрела на него со стороны. Вот оно, чужое, вялое, валяется на кровати. Зачем оно мне? От него одни неприятности. Без него гораздо легче. Без него тебя вроде бы и на свете нет, и нечему болеть. Я никогда в него не вернусь, в свое постылое тело. Пусть лежит здесь, пока не начнет разлагаться. Смерть — это ведь не страшно. Я сейчас почти умерла, и это хорошо. Смерть — это когда не больно. А жизнь — это боль. Жизнь состоит из боли.

Я не произносила подобных слов ни вслух, ни про себя. Я лишь чувствовала.

Или даже не чувствовала, а ощущала. Так, как ощущаем мы в загадочном забытии между бодрствованием и сном. Все мое существо колотил озноб нестерпимой боли, и в то же время я постепенно проваливалась в спасительную, благодатную бездну. Скоро она затянет меня навсегда, и боль пройдет. Скорее бы! Я больше не выдержу ни минуты, ни секунды! Глупые люди, которые хотят жить. Неужели они до сих пор не поняли, что жизнь — это боль, а смерть — спасение?

Не знаю, сколько времени я провела в этом странном состоянии. Наверное, несколько часов. Мне чудилось, что сердце мое бьется все

медленнее и скоро, совсем скоро я заставлю его остановиться. Оно остановится, и я отдохну, и боль наконец пройдет.

Но что-то не давало мне уйти в желанное вечное забвение. Что-то нарушало прекрасную тишину, мешая и муча, вновь и вновь возвращая к постылой жизни. словно отвратительный скрежет прерывает умиротворяющие звуки музыки, мешая впасть в счастливую нирвану. Вот звук стал громче, ужаснее, нестерпимее.

Мне пришлось открыть глаза. Бэби стояла у моей кровати и молча, тихо на меня смотрела. Я опять смежила веки, только прошлое состояние не вернулось. На меня навалилась жизнь. Она властно и безоговорочно вступила в свои права, а смерть вдруг съежилась и куда-то скрылась. Вместе с жизнью нахлынула боль, однако я знала, что выдержу ее. У меня нет другого выхода. Я обязана выдержать.

Я вышла на крыльцо. В черном небе сияли звезды. Вообще-то я их боюсь. Понимаете, мне страшно осознавать, что наша земля — жалкий, ни к чему не прикрепленный шарик, который вертится себе, словно пылинка, затерянная в бесконечной анфиладе комнат. Есть ли она, нет ли — по большому счету совершенно неважно. В любой момент неведомая сила может смести ее, не глядя, и даже не задуматься о том, что заодно сметет и мириады странных, вечно хлопочущих о мелочах живых существ, называющих себя людьми. А ведь каждое из них мнит себя центром собственной вселенной! Однако стоит взглянуть на звездное небо, и ты избавишься от подобных иллюзий.

Я взглянула. Небо было неизмеримо прекрасно. И в этот миг я почувствовала, что совершенно счастлива. Почувствовала — и ужаснулась. Я не должна быть счастливой! Совсем недавно на моих глазах погибли двое. Жили — и умерли в одночасье. Это трагедия, правда? А сегодня мужчина, которого я люблю, отвернулся от меня, отвернулся открыто и демонстративно. Это по меньшей мере драма. Мне бы положено быть на луну, а я счастлива. Я снова подняла глаза к звездам, и они подтвердили: «Ты счастлива, потому что мы прекрасны».

Мало того! Я поняла, что счастье мое бескрайне. Никогда еще ни один человек в мире не мог быть счастливее, чем я сейчас. Мне даже стыдно стало от этой несправедливости. Есть множество людей лучше меня, добрее, умнее, они заслужили самого хорошего, а вот бескрайнее

счастье досталось почему-то мне. Вот так вот, ни за что, просто как подарок, как выигрыш в лотерею. Я дышала полной грудью и знала, твердо знала, что хрупкий шарик, на котором я живу — пылинка в космосе, а я сама — меньше, чем пылинка, и ни одна звезда не успеет сдвинуться со своей орбиты, как я уже умру, и превращусь в почву родной планеты, а вскоре умрет планета и сольется с безграничным небом, да, все будет так, потому что так должно быть, и это прекрасно!

— Ты думаешь, завтра может пойти дождь?

Я вздрогнула. Оказывается, появившаяся на пороге Бэби, проследив направление моего взгляда, критически оглядела небеса и констатировала:

— Вряд ли. Облаков фактически нет. Вон, звезды видны.

И я неожиданно поняла, что моя подруга, которая в сто раз лучше меня, никогда, никогда в жизни не узнает, что такое бескрайнее счастье. Потому что его выиграла в лотерею не она, а я. И я сказала:

— Я очень люблю тебя, Бэби. Очень!

— Я знаю, — согласилась она. — А погода будет хорошая, можешь не сомневаться. Идем спать! Завтра я тебе не позволю валяться до полудня. Надо же хоть иногда на пляж выбираться, раз уж мы на море.

И мы легли.

Глава 22. Одна тайна раскрыта

Как это ни смешно, погода назавтра испортилась. Дождя, правда, не было, но не было и солнца, а на море бушевал шторм. В связи с этим идти туда не имело смысла, поэтому практичная Бэби решила истратить освободившиеся часы на встречу с Толиком Савченко, дабы узнать у него последние новости. Я же сперва хотела поспать, но потом предпочла отправиться на пляж, полюбоваться на бушующую стихию.

Стихия того стоила. Лежа на топчане посередине шумной толпы, трудно оценить все величие моря. Оно кажется огромной массой воды, да и только. Совсем другое — теперь, когда мы наедине. Природа вообще не любит, если людей слишком много. В таких случаях она прячется и водит нас за нос, подстраиваясь под примитивный уровень человеческого восприятия. Только общение с нею один на один позволяет понять нечто, недоступное в обычные моменты ни разуму, ни чувствам.

Однако долго восторгаться мне не пришлось. Я услышала пронзительный, какой-то ультразвуковой крик. Сердце мое так и ухнуло. Два раза этот крик был предвестником смерти. Что он означает теперь? В ужасе вскочив на ноги, я принялась озираться.

Невдалеке у самой кромки воды стояла Лида. Нет, не совсем стояла. Она предпринимала отчаянные попытки броситься в море, но волны выталкивали ее обратно. И слава богу! Я знала, что она совершенно не умеет плавать.

Взгляд мой скользнул в глубину, и я обнаружила там Максима. Только мальчишке может ударить в голову купаться при подобном шторме! Опыт учит, что войти в воду при этом вполне реально — главное, умело на нее лечь, а вот для выхода требуется физическая сила. Волна опрокидывает тебя и утягивает обратно, поэтому надо суметь устоять. Максим еще маленький — откуда у него возьмется сила? Вот он и бьется, захлебываясь и с трудом держась на поверхности. Хотя биться ни в коем случае нельзя! От этого лишь быстрее устанешь.

Я плаваю превосходно. Даже лучше Бэби, честное слово! Вода для меня всегда — друг, а не враг. Так что я быстренько скинула одежду и поплыла.

Самое смешное, вытолкнуть Максима оказалось гораздо проще, чем выбраться самой. Он легкий, и с ним проблем не было. Со мной же... ну, короче, выбралась же — иначе некому было бы писать эти строки, правда? Значит, и говорить не о чем.

Лида, белая, как полотно, ударила сына по лицу, да так, что он упал. Тогда она бросилась на колени рядом с ним и, рыдая, принялась обнимать и целовать его.

— Как ты мог! — кричала она. — Ты подумал обо мне! О бабушке! Ты подумал, что будет с нами, если ты утонешь! Ты подумал, как мы будем без тебя жить?

— А вы бы огорчились? — с робкой надеждой выдавил мальчик. — Ты меня не дуришь? Вы бы плакали, без дураков?

— Мы бы плакали всю оставшуюся жизнь, день и ночь, а у бабушки был бы третий инсульт, и она бы больше никогда не встала с постели.

Я почувствовала себя лишней и начала потихоньку отступать, но Лида, похоже, умела видеть затылком. Она вскочила, обхватила меня руками и судорожно, быстро повторяла:

— Не уходи, Оленька! Девочка ты наша! Ласточка ты наша! Красавица ты наша! Побудь немножко с нами, родная ты наша!

Я попыталась объяснить, что при моем умении плавать ничем не рисковала, но Лида была неменяема и не хотела слушать. Ее колотило, и она стиснула нас с Максимом обоих одновременно, словно опасалась, как бы мы вновь не бросились в бушующую стихию.

— Значит, вы с мамой Таней меня любите? — все еще недоверчиво, но с прорывающим ликованием уточнил Максим. — Взаправду любите? По-честному?

— А то ты не видишь? — ответила ему я, а Лида упавшим голосом произнесла:

— Только не вздумай сделать этого еще раз! Убью своими руками! Мы тебя любим живого. В тебе — вся наша жизнь, понимаешь?

Не зная, как себя вести, я спросила:

— Бабушка — ваша мама?

— Нет, мама мужа. Максик называет ее мама Таня. Удивительная женщина! После двух инсультов в свои семьдесят девять она еще в полном разуме, представляешь? И даже может пройти по квартире, если ее поддерживать. Никогда не сходит под себя, такая молодец! Вот, отпустила нас с Максимом на юг. Езжайте, говорит, вам надо от меня отдохнуть, вам так со мною тяжело. Ну, бывает, конечно, тяжеловато, но кому легко, правда? Хотя сейчас, конечно, сердце за нее изболелось. Как она там, без нас?

— А кто за ней сейчас ухаживает?

— Ее дочь, сестра моего бывшего. Я уговорила ее это время у нас пожить. В конце концов, это же ее родная мать! Не говоря уж о том, что мама Таня в свое время ради дочери разменяла квартиру, так что Верочка обязана ей своим жильем, а мы оказались в однокомнатной.

— Втроем? — посочувствовала я.

— Ну, да. А раньше жил еще и бывший. Правда, комната большая, и мы сделали капитальную перегородку, но все равно. Слава богу, зато бывший не может ничего у нас оттяпать. Живет у своей нынешней. У нее с жильем хорошо, двухкомнатная, но прописывать она его не прописывает. Прописан он все еще у нас.

— А почему он не возьмет свою маму к себе?

Вроде и неловко интересоваться, а вырвалось.

— Ну... все мужики сволочи, это известно. Женился на молодой мамзели, ей и гостей позвать надо, и в ресторан сходить, а при полупарализованном человеке разве ж это получится? Бывший мне сразу сказал: не имею, мол, права взваливать на бедную Светочку такую обузу. Она такая юная, такая нежная, где ж ей каждый день подмывать старую женщину? Она не для того создана природой. А я, видимо, для того. Я уже не юная и не нежная.

У меня закипело в душе, и я гневно заявила:

— Совести у него нет, вот что!

— Ну, — пожала плечами Лида, — в чем-то он и прав. Ну, спихнула бы я маму Таню им. Что, стали бы они ее обслуживать, как я? В лучшем случае дотащили бы пару раз в день до туалета да тарелку супа поставили. Сколько бы она у них прожила и, главное, как? А у меня она ухожена, обстирана. Я ей недавно зубы новые вставила. Не посчиталась с расходами и вставила! Когда Максик был маленький, она мне всегда помогала, так что, не имеет права на

старости лет хоть немножко пожевать? Она не жалуется, но я же вижу — ей это протертое надоело хуже горькой редьки!

Стыд резанул меня по сердцу. Лида стеснялась отсутствия нескольких зубов, даже улыбаться опасалась по-настоящему, однако на все деньги вставила зубы не себе, а свекрови. А я смела думать — женщина опустила и совершенно за собою не следит! Я смела осуждать ее и считала правильным отобрать у нее единственного ребенка, в котором вся ее жизнь! И за что? Лишь за то, что она отзывалась о нас за глаза в недостаточно изысканных выражениях! Эстетка нашлась! Никогда, никогда нельзя подгонять другого человека под свои личные мерки. Никогда, никогда нельзя делать выводы о чужой душе на основании слов. Слова летучи, слова неадекватны, слова фальшивы. Поступки — вот единственный критерий.

— Тяжелая у нас смена, да? — с трудом произнесла я, почему-то не в силах больше молчать. — В кои-то веки вы поехали отдохнуть, а тут...

— Да, — кивнула моя собеседница. Она понемногу приходила в норму. — Я часто думаю об этих смертях. Особенно о Пете. Для мужика он был еще и неплох. По крайней мере, порядочный. Только непутевый какой-то. Угроздило втрескаться в твою Аньку. Ежу понятно, что он ей не нужен. И угроздило так нелепо погибнуть! Леша, тот как-то больше соответствует подобной смерти, а Петя... Он ведь и по тропинке-то этой дурацкой не ходил никогда, всегда шел в обход, по освещенной части. А тут черт попутал. Я, конечно, виновата. Не стоило его так сразу пугать, с ним надо поосторожнее. А я поторопилась, вот он и сбежал в ужасе, не разбирая дороги. Я была уверена, что все еще можно исправить, а его убили, и исправить уже ничего нельзя. Впрочем, все это пустяки. Главное, ты спасла Максика.

— Мне это ничего не стоило, — повторила я. — Я пойду, хорошо? Очень холодно.

Я и вправду окоченела, стоя мокрая на ветру. Мы все вернулись на базу, и я, выпив горячего кофе, спряталась под одеяло.

Вскоре пришла Бэби. Увидев меня, она мрачно заметила:

— Все-таки заболела! Этому Казанове морду надо набить, вот что! Не мальчик же, видел, с кем имеет дело!

— Во-первых, не заболела, — возразила я, — а во-вторых, он тут не при чем.

И я рассказала подруге о происшедшем. Она слушала молча, не перебивая, а в конце резюмировала:

— Одно слава богу — я знаю, ты и вправду плаваешь, как рыба. А то хороша б я была, отчитываясь перед твоими родителями в твоей смерти!

Я засмеялась:

— Придумаешь! Не умея плавать, я бы в воду не бросилась.

— Уверена? — скептически хмыкнула Бэби. — А я не очень. Вот что, тебе надо хорошенько дерябнуть водки, а то простудишься. Кофе тут явно недостаточно.

Через пять минут она вернулась с бутылкой, и я дерябнула. Стало тепло, даже жарко.

— Знаешь, — радостно заявила я заплетающимся языком, — ты можешь вычеркнуть из своего списка еще и Лиду. Так что теперь там на одного человека меньше!

— Я что, должна вычеркивать всех, кто сумеет тебе чем-нибудь понравиться? — съязвила моя подруга. — Больно жирно им будет!

Я возмутилась:

— И вовсе не всех! Вот, например, про Арсения я честно ответила, что вычеркивать его пока не за что. Хоть он и сумел мне понравиться. А Лида не убивала. Я это твердо знаю, понимаешь? Я знаю наверняка. И если б ты слышала, как она говорила со мной о смерти Петра Михайловича, ты бы мне сразу поверила. Она его не убивала и понятия не имеет о том, кто это сделал. Точно.

— В общем-то, похоже, — согласилась Бэби. — Я так поняла, что она надеялась-таки в дальнейшем прибрать его к рукам, так что смерть его ей была невыгодна. А Лешина и вовсе ни к чему. Слушай, повторика мне последний кусок как можно ближе к тексту! Ну, тот, где говорится о Петре Михайловиче и о Леше.

Я сосредоточилась и повторила:

— Для мужика Петя был неплох. Порядочный, только непутевый. Угораздило его так нелепо погибнуть! Леша больше соответствует подобной смерти, а Петя и по тропинке-то этой не ходил никогда, всегда шел в обход, по освещенной части. А тут я его напугала, поторопилась, вот он и сбежал в ужасе, не разбирая дороги.

Бэби сдвинула брови, ловя каждое слово, а потом глаза ее просияли, лицо похорошело неимоверно, и она вскричала, подскочив

от восторга на кровати:

— Дошло! До меня дошло, наконец! Олька, я поняла! Я поняла, представляешь?

Она вся лучилась счастьем, и я тоже засмеялась.

— Так что до тебя дошло? Расскажи!

— Понимаешь, меня все время смущал один момент. А именно, как связать между собою два убийства. Разумеется, мы придумали связь — мол, Леша узнал нечто про смерть Петра Михайловича, и преступник за это его прикончил. Но в глубине души эта версия не вполне меня устраивала. По всему выходило, что именно Леша должен быть главной фигурой. По всем нашим рассуждениям получалось — вот если б убили Лешу, был бы мотив, а за что Петра Михайловича? Я начала сочинять всякие натяжки. Петра Михайловича убили для тренировки? Глупо. Для отвода глаз? Опасно. Его смертью воспользовался другой человек, чтобы под шумок прикончить тем же способом Лешу? Маловероятно. Хоть так, хоть этак — ну, все мне не нравилось. А теперь до меня дошло. Петра Михайловича убили по ошибке!

— Как — по ошибке?

— Очень просто! Удивляюсь, что я этого раньше не поняла. Его перепутали с Лешей, вот и все. А потом уже убили правильно, самого Лешу.

— Но... но они совершенно непохожи!

— Это они по характеру непохожи, балда! А внешне ты сама их перепутала, ведь так? Вспомни! В вечер убийства Леши ты в темноте приняла его за Петра Михайловича! Еще перепугалась до полусмерти! Идет толстоватый невысокий мужик, сильно размахивает руками, лысина светится... У меня так и вертелась какая-то мысль, когда ты мне про это рассказывала, но я ведь дубина стоеросовая, вот я кто! И только теперь, когда Лида сказала, что Петр Михайлович никогда не ходил по этой темной тропинке, меня озарило. Убийца ждал Лешу на его обычном месте, а тот загулял с Ирочкой и не пришел. Кто б мог подобное предположить — ведь Леша явно ухлестывал за тобой! Этот тип увидел похожую фигуру и преспокойно ткнул ножом. Представляю его удивление, когда ошибка разъяснилась. Но он оказался настойчивым и повторил попытку — на сей раз более удачно. Кстати, Леша ведь что-то заподозрил. Помнишь, он напоследок тебе

говорил... мол, не верит, что Петра Михайловича убили местные, а есть у него одна мысль. К сожалению, он тебе ее не сообщил. А если б сообщил, мы с тобой не потеряли бы столько времени впустую. Не знаю, что думаешь ты, но у меня теперь сходится все. Как в аптеке.

— Да, — вздохнула я, — Петр Михайлович действительно похож на человека, которого могут убить по ошибке. Лида сказала, он непутевый. Ужасно, да?

Я почему-то сразу Бэби поверила. Я не умею, как она, логически мыслить, но ее озарение согласовывалось с чем-то внутри меня. Главной фигурой был Леша. Убить хотели именно Лешу. А бедный Петр Михайлович... бедный Петр Михайлович — случайная жертва. Жертва обстоятельств. И мне стало обидно за него вдвойне!

То ли от обиды, то ли за компанию с Бэби, но меня вдруг тоже озарило.

— Слушай, — мрачно выдавила я, — а я вспомнила, что говорил Юрий Андреевич. Ну, когда мы нашли тело. То есть тела. Помнишь, я знала, что он говорил что-то странное, но вспомнить не могла.

— Ну! — поощрила Бэби. — У нас даже в списке про это написано.

— Когда... когда убили Петра Михайловича... Юрий Андреевич наклонился над ним и с удивлением произнес: «Это Петя». А когда убили Лешу, он... он тоже стал рассматривать тело и пробормотал: «Все-таки это случилось». Вот.

— Ты хочешь сказать, он изначально знал, что убить должны именно Лешу? То есть Юрий Андреевич и есть убийца?

— Я не знаю, Бэби. Надеюсь, что нет. Я просто вспомнила.

— Прекрасно! После обеда все это обсудим. Молодец!

Так мы и отправились в столовую — моя подруга, сияя, а я в расстройстве. Переживания даже заставили меня забыть, что я окажусь за одним столом с Митей. Завтрак я сегодня прогуляла, сославшись на нежелание рано вставать в плохую погоду, но от обеда было уже не отвертеться.

Митя, как ни в чем не бывало, поддерживал светскую беседу. Будто наши отношения совершенно не переменились. Впрочем, возможно, для него так оно и есть? Это я придумала всякое, выдав желаемое за действительное, а он-то ни сном ни духом. Общался со мной, как, например, со Светой, то есть с присущей ему вежливостью,

а я и возомнила. Значит, главное — чтобы он не догадался теперь о моих чувствах. Они бы его расстроили. И я старалась тоже держаться по-прежнему. Анастасии не было видно — вероятно, обед в столовой превосходил меру ее вспыхнувшего вдруг демократизма. Зато Лида встретила меня улыбкой, от которой пасмурный день словно осветился солнцем. Еще мне улыбнулся хмурый обычно Арсений. Их радость придала мне сил, и я училась властвовать собой. Подобная наука дается с болью, но я осваивала ее на ходу. При первой встрече Митя показался мне не слишком красив. За прошедшую неделю мнение мое переменилось. Все в сидящем напротив человеке представлялось совершенным. Каждый жест, каждый взгляд, каждое слово были величайшим сокровищем, которое хотелось спрятать в шкатулку памяти и хранить вечно. Знакомые до боли интонации звучали чарующей музыкой. Изысканные жесты смотрелись, словно полет удивительных в своей гармонии птиц. Однако я позволяла себе брать из этих сокровищ лишь самую малость, строго деля свое внимание на три части. Треть Бэби, треть Свете и треть... всего треть — ему. И даже от нее, этой жалкой трети, пришлось оторвать драгоценный кусочек, потому что к нашему столу неожиданно передвинул стул Руслан.

— Не простудилась, русалочка? — дружески осведомился он.

— Почему русалочка? — спросила я. Мне чудилось, что эта сцена уже была когда-то.

— Кто ж еще плавает в таких волнах?

— Ты сегодня плавала? — изумилась Света. — Между прочим, на пляже с самого утра вывешено штормовое предупреждение. Поразительная безответственность с твоей стороны! Впрочем, ваше поколение вообще безответственное. Хоть бы о родителях подумала!

— Она и подумала, — улыбнулся Руслан. — Только не о своих, правда?

Никогда еще не видел Лиду такой счастливой.

— Руслан, — попросила я, — давай не будем говорить на эту тему! Не вижу смысла раздувать из мухи слона.

— Спасительница была удивительно скромной, — игриво заметил он.

При общении с Русланом я довольно часто испытывала непонятную неловкость, не знала, как себя вести, поэтому предпочла

быстренько доесть и покинуть столовую.

Глава 23. Первые итоги

— Итак, — гордо сообщила Бэби, вынимая любимый блокнот, — я записываю. «Основная версия: планировалось убийство Леша, но первоначально по ошибке был убит Петр Михайлович».

Она не только записала, но и подчеркнула двумя чертами. Мы сидели в домике, подводя первые итоги.

— Да, а что ты узнала у Толика? — вспомнила я.

— Ничего особенного. Местные так в убийстве и не признались — чего и следовало ожидать. Второго ножа в сортире не нашли. Не очень-то я на это надеялась, но проверить было нужно. И нигде вообще этого ножа не обнаружили, однако по данным экспертизы он отличается от первого. Лезвие длиннее и шире. То есть второй нож не дамский.

— Странно, — прокомментировала я.

— Нож — замечательная ниточка, — пояснила мне подруга. — А в свете наших новых открытий так просто незаменимая. Подумай сама! Преступник решил прикончить Лешу, запасся кинжалом. Правда, непонятно, почему дамским, но, быть может, именно такой попался вовремя под руку. Тем более, он очень удобен — острый и узкий. Считая, что дело сделано, нож мерзавец — или мерзавка — кидает в туалет. Но ты со своей интуицией догадываешься об этом, и орудие первого убийства попадает в руки милиции. Это одна неприятность. А вторая — еще серьезнее. Убийца обнаружил, что зарезал не того. Итак, требуется новая попытка, а заготовленное орудие потеряно безвозвратно. Надо искать другое, причем делать это в спешке. Времени на поиски нового ножа остается меньше двух суток, а живем мы сейчас не в Петербурге с пятимиллионным населением, а в курортном поселке, пусть и перегруженном туристами. Вероятность того, что человека, купившего нож в определенный день, запомнят, довольно велика. Придется мне сегодня снова топтать к Толику и давать ему новое задание — порасспрашивать всех потенциальных продавцов. Не мешало бы ему для этого иметь наши фотографии! Впрочем, это не проблема. Мы все вместе фотографировались еще в первый вечер, помнишь? Кроме Андрея. Правда, пленка наша еще не

закончилась, но, я думаю, пожертвуем ее на правое дело. Пусть Толик проявит. Думаю, фото должно было получиться, фотоаппарат у меня хороший.

— А первый нож? — спросила я.

— Что — первый?

— Если преступник запасся им заранее, значит, заранее знал про убийство. Значит, знал, что здесь будет Леша. Значит, это Руслан.

У меня иногда бывают странные вспышки ума.

— Молодец, — похвалила Бэби. — Ты совершенно права. Если преступник привез дамский кинжал из Питера, значит, это Руслан. Или, с меньшей вероятностью, Митя. У тебя ведь было чувство, что они знакомы? Хотя возможны варианты. Например, нож привезен как сувенир и лишь случайно использован для убийства. Или куплен здесь. В таком случае, это произошло в первый или второй день нашего пребывания. А покупка второго ножа — в третий или четвертый. Значит, пишу задание для Толика.

И она аккуратно вывела: «Проверить, не покупал ли кто из наших орудия убийства. Первое могло быть куплено 12.07 или 13.07, второе — 14.07 или 15.07. Фотографии для опознания имеются на нашей пленке, которую следует срочно проявить».

— Интересно, — вздохнула я, — этот самый дамский кинжал — он действительно указывает на женщину или нет? Все-таки лучше б это был мужчина!

— Почему? — удивилась моя подруга.

— Мне было бы тягостно знать, что мы с тобой сейчас помогаем посадить какую-то женщину в тюрьму.

— Вот уж не предполагала, что ты такая феминистка! А мужчину сажать в тюрьму тебе не тягостно?

— Я не феминистка, — объяснила я. — Я не требую равенства женщин и мужчин. По мне, оно невозможно — по крайней мере, пока мужчины не начнут рожать. Мы разные. И именно поэтому тюрьма для женщины еще ужасней, чем для мужчины.

— Ну, до тюрьмы пока далеко. А вообще, вопрос о кинжале интересный. Получается, первый нож указывает скорее на женщину, а второй скорее на мужчину. Причем второй нож убийца спрятал лучше, чем первый.

— Потому что первый сразу нашли. Надо быть совсем дураком, чтобы и второй туда же бросить! Второй он небось кинул в море. Заплыл да кинул.

— Ну, — возразила Бэби, — это ведь можно было сделать только наутро. А как же ночью?

— А ночью держал у себя или куда-то припрятал. Во второй раз он ведь уже знал, что заподозрят не его, а местных, и мог не бояться обыска. А в первый раз боялся, поэтому избавился от кинжала сразу.

— Логично. В общем, пол преступника нам пока неизвестен. А вот черты характера мы знаем. Хладнокровие и выдержка. Когда перейдем к обсуждению персоналий, это надо будет учесть.

Моя подруга блестяще сдала экзамен по методике, что давало теперь свои плоды. Она все умела разложить по полочкам.

— Ладно, вопрос ножа вроде бы обсудили со всех сторон. Еще Толику пришел ответ из Питера по поводу биографий убитых. Петр Михайлович рассказывал о себе чистую правду — чего и следовало ожидать. Что касается Леша, он и впрямь оказался крутой, хоть и кончал когда-то Корабелку. А Руслан — его заместитель. У него экономическое образование, но не питерское, а полученное в какой-то тьмутаракани. Но все акции переходят не к нему, а к вдове. Если бы она была здесь во время убийства, я, не задумываясь, поставила бы на нее. Кстати, она работала когда-то медсестрой, нам Руслан проговорился. Подчеркиваю — медсестрой.

— Ты что! — возмутилась я. — Зарезать родного мужа!

— По статистике, — наставительно поведала Бэби, — подавляющее большинство убийств производится членами семьи. Анастасия откровенно корыстна, а Леша красотой не блистал. Она вышла за него ради денег. А он, как сказал нам Руслан, контролировал все ее расходы. Во зануды эти мужики, правда?

— Не похоже, чтоб она у него сильно бедствовала, — съязвила я.

— Разумеется, не бедствовала, но и свободы не знала. Все решал он. А она, ты обратила внимание, потихоньку задумывалась о том, как сама вела бы его бизнес. Она не так проста! «Если взять от Леша все лучшее, но устранить неоправданный риск, то можно увеличить доходы», — очень похоже передразнила моя подруга. — Вон, Руслана как Анастасия обрабатывает — наверняка хочет использовать в деле.

Она явно предпочитает командовать, а не подчиняться. И вообще, возьми любой детектив — самый подозрительный всегда наследник!

— Но он никогда не оказывается истинным убийцей.

— Ну, такое писатели придумывают для интереса, а в жизни наверняка оказывается. К тому же, — Бэби возбужденно замерла, — к тому же Леша ведь делал тебе предложение! Представляешь, развелся бы с ней и женился на тебе! Если б она это знала, срочно бы его пришила, пока он не успел перевести на тебя свои средства!

— Че-пу-ха! — по слогам произнесла я. — Во-первых, откуда ей это знать?

— Например, от Руслана. Позвонил ей по телефону и наябедничал.

— А откуда знать Руслану?

— От верблюда! Он что, слепой?

— А если не слепой, то прекрасно видел, что все это несерьезно. Я вообще поражаюсь Леше. Чуть ни при первой встрече делать женщине предложение — какой-то авантюризм, честное слово! Вот взяла бы я и согласилась — что б он делал?

— Женился бы, можешь не сомневаться.

— Ага, неизвестно, на ком. Хоть ты и думаешь, что ему нравится мой тип внешности, этого все-таки мало, чтобы жениться на первой встречной.

— Я не хочу тебя обидеть, — заметила моя подруга, — но женщиной-загадкой тебя не назовешь. Твоя натура большими буквами пропечатана у тебя на лбу, и чтобы расшифровать сию надпись, опытному мужику не требуется и минуты. Нет, я не утверждаю, что ты простая — ты творческая личность и все такое, и процесс творчества является вечной тайной не только для посторонних, но и для тебя самой, но, поверь, мужикам на это глубоко плевать. В семейной жизни абсолютно неважно, насколько хорошие ты пишешь стихи. А тот факт, что ты их пишешь — или увлекаешься еще чем-нибудь подобным — виден невооруженным глазом. Леша вовсе не покупал кота в мешке, зовя тебя замуж, и вовсе не шутил. Другой вопрос, что ты б за него, конечно, не пошла.

— Вот именно! И все это знали.

— А Анастасия нет. Она рассуждает так: если уж она с ее неземной красотой прельстилась Лешиними баксами, то чего ожидать от

неоперившейся девчонки! Разумеется, та вцепится в богатенького папика руками и ногами. Нет, Анастасия — очень подходящая кандидатура. Вот что — я дописываю поручение Толику.

И она запротоколировала: «Проверить, действительно ли Анастасия Крылова прилетела 16.07».

У меня мелькнула мысль, что это и впрямь был бы идеальный вариант. Мысль откровенно подлая, и я попыталась ее прогнать. То, что Анастасия нравится мужчинам... единственному на свете существующему для меня мужчине... больше, чем я, не должно влиять на мое к ней отношение. Она же не виновата! И в то же время я знакома с нею меньше суток, а с остальными подозреваемыми гораздо дольше, поэтому естественно, что они мне дороже и ближе. И вообще, она мне сразу не понравилась, еще до всего!

— Я вставлю Анастасию нулевым номером, перед всеми, — прервала мои раздумья Бэби. — Ее ведь в нашем прошлом списке нет. Кстати, в свете новых открытий нумерацию подозреваемых теперь стоит сменить. Первым вместо Юрия Андреевича должен идти Руслан.

— Почему?

— Но мы же с тобой решили, что основной упор будем делать на Лешу! А Руслан единственный был с ним раньше знаком. Значит, он автоматически более подозрителен. Согласна?

Я хмыкнула:

— Таким образом, если убьют тебя, первой подозреваемой стану я? Тебя так следует понимать?

Моя подруга в задумчивости сдвинула брови:

— Мда, действительно... Хотя во всех детективах... Пожалуй, к рекомендациям детективов следует относиться с осторожностью. Ладно, порядок менять пока не будем. Просто пройдемся по всему списку в свете новых идей. — И она зачитала: — «Номер один — Юрий Андреевич и Вадик. Подозрительные обстоятельства: Юрий Андреевич стоял в нервном состоянии у туалета примерно во время убийства Петра Михайловича. Произносил над трупами странные фразы. Добровольно остался вместе с Вадиком караулить тело Леша. Пытался навести подозрения на местных типов. Мотив второго убийства — не платить долг. Мотив первого неясен. Узнать, не имел ли Юрий Андреевич или его сын с Петром Михайловичем ссоры?» И ведь мы узнали, — помолчав, прокомментировала Бэби. — Имел. И

даже странные фразы ты вспомнила. Знаешь, что я хочу сказать... Новая версия, конечно, замечательная и ужасно мне нравится, но заикливаться на ней нельзя. А то будем, как менты, все под нее подстраивать и правды не увидим. Я почти уверена, что Петр Михайлович совершенно не при чем и убит по ошибке, однако нельзя исключить, что очень даже при чем. Согласна?

Я была согласна, и она продолжила:

— Впрочем, и в новом свете Юрий Андреевич по-прежнему подозрителен, если не сказать больше. Даже если его ссору с Петром Михайловичем не принимать всерьез, то тысячу баксов долгу не принимать всерьез нельзя. Особенно если учесть, что Леша был крутой и наверняка имел возможность требовать долг не через суд, а более эффективными методами. Как-то я закрутилась и забыла с этой парочкой поработать, а явно следовало бы. Это будет моя первоочередная задача — попытаться заставить их проговориться. Мне кажется, убийство совершил скорее отец, а проговориться можно заставить скорее сына. А вообще, они оба стали совершенно необщительные, ты заметила?

— И раздражительные, — вздохнув, добавила я. — Даже друг с другом. Заметила.

— Вот-вот! Представь себе! Вадик проспорил штуку баксов, а денег у них нет. Юрий Андреевич решает убить Лешу, а вину свалить на местных. Или не свалить, а так... ну, понадеялся, что на него не подумают, а подумают на того же Руслана или Арсения. В общем, он приобретает сувенирный кинжал... О черт, чуть не забыла!

— О чем?

— Велеть Толику показать этот кинжал всем нашим и спросить, не видел ли его кто раньше. Вдруг он и впрямь был привезен просто так, как сувенир, и только случайно пригодился для убийства? Тогда преступник мог его раньше и не прятать. Погоди минутку, я это запишу.

— А ты не боишься, что Толика уволят за самоуправство? — осторожно поинтересовалась я.

— Ну, тут или пан, или пропал. Не уволят! Не та у него зарплата, чтобы на очереди стояла толпа жаждущих. Итак, Юрий Андреевич покупает кинжал или просто вспоминает о его наличии. Подкарауливает Лешу и убивает... убивает несчастного Петра

Михайловича. Поскольку это для него дело новое, впадает в панику и торчит в прострации у туалета, где ты его встретила, страшно бледного. Впервые совершив убийство, каждый побледнеет! Но вот мы обнаруживаем тело, Юрий Андреевич слышит, что это не Леша, а Петр Михайлович, приглядывается к трупу и удивляется собственной ошибке. Логично. Но отчаиваться он не намерен, тем более, что Леша торопит с возвратом долга. Вадик для отвода глаз катает с милицией по городу, делая вид, будто ищет тех двух местных — и, обрати внимание, словно специально так и не сумев их найти, — а его отец тем временем приобретает еще один нож и убивает Лешу. Они остаются вдвоем у трупа, чтобы замести возможные следы, и начинают морочить ментам головы. Мол, эти местные бродили по базе. Мол, Вадик видел Лешу в двенадцать около пальм. Очевидное вранье! И Ира сказала, что они врут. Сказала, разумеется, в сердцах, но мне кажется, какие-то основания у нее есть. Наверняка она гуляла вместе с Лешей почти до самого убийства. Как бы там ни было, Юрию Андреевичу удалось отвести от себя подозрения, и он может быть доволен. Но нервничает. Естественно — он же не киллер какой-нибудь и убивать не привык. Я б, наверное, тоже нервничала. И старается ни в кем не общаться — чтобы случайно не проговориться. Довольно стройная картина. Или ты скажешь, что твоя загадочная душа уверена в его невиновности?

Я прислушалась к своей загадочной душе. Та уверена не была. Довольно подло с ее стороны! Зато неожиданно проснулся разум.

— Да, но почему тогда над телом Лешы у Юрия Андреевича вырывается: «Все-таки случилось?» Если убил он, так и без того знает — да, случилось.

— Не спорю, тут нестыковка. Вторая фраза указывает на то, что убийца Вадик, а Юрий Андреевич был в курсе его намерений. Тогда все сходится, как в аптеке. Сперва удивился, что сынуля зарезал не того, а потом обрадовался, что, хотя и со второго раза, но тот наконец-то справился, и оба вызвались остаться у тела в надежде замести следы.

— Вовсе он не обрадовался! — возмутилась я. — Наоборот! Жутко расстроился.

— Да? Значит, преступных намерений Вадика не одобрял, хоть и был в курсе. Все равно оба подозрительны до крайности. Согласна?

Я молча кивнула.

— То-то! — удовлетворенно заметила Бэби. — Фирма веников не вяжет. Если уж записан подозреваемым номер один, то никакие новые версии этому не помеха! Так, кто у нас следующий... «Номер два — Андрей. Подозрительные обстоятельства: ссорился с Петром Михайловичем. Либо помешан на дайнетике, либо притворяется. Ханжа. Стремится к сохранению своих тайн. Якобы не заметил всей суеты, связанной с убийствами. Мотивы: что-то скрыть. А если он псих, то отомстить за критику дайнетики. И вообще, член секты способен на все!» — Она осуждающе пожала плечами: — А я себя только что похвалила! Чего это он у нас почти во главе списка? Есть, вроде, и поподозрительнее.

— А ты составляла не по подозрительности, а просто... ну, ассоциативным методом. Кто в голову приходил, того и писала.

— И зря! Андрей... ну, он, конечно, остается вещью в себе, только достаточно сильных мотивов я у него не вижу. А мотивы — это основное. Впрочем, разумеется, мы можем их и не знать, мы ведь с Андреем общаемся мало. Ладно, что поделаешь! Притворюсь, что заинтересовалась дайнетикой, и постараюсь его прощупать. Не отдых — сплошные труды!

На самом деле жаловалась Бэби для проформы — труды ей несомненно нравились.

— Так, смотрим дальше... следующая Лида — ее вычеркиваю. А потом...

Она подняла голову:

— Если хочешь, Митю могу пока пропустить.

— Не надо! — твердо возразила я. — Не надо обращаться со мною, как с больной. Я совершенно здорова.

— Дело твое. Значит, следующий... он фактически третий... Митя. «Мотив: Петр Михайлович мог узнать его тайну. Подозрительные обстоятельства: Митя скрытен и хитер. Возможно, был ранее знаком с Петром Михайловичем или Лешей и Русланом».

Странная мысль вдруг промелькнула у меня в голове, и я спросила:

— А в Лешиной биографии, которую дал тебе Толик, указан год поступления в Корабелку?

— Да, — кивнула Бэби, протягивая листок. — Вот!

Почему-то я заранее знала, что именно увижу. Там стоял тот самый год. Год поступления в этот институт Мити. Митя мне довольно много про себя рассказывал.

— Ты хочешь сказать, что они ровесники? — поразилась моя подруга.

— Я ничего не хочу сказать! — вскричала я, не в силах далее сохранять спокойствие. — Но они в один и тот же год поступили в один и тот же институт! Хотя вели себя, будто незнакомы.

— Любопытно, — согласилась Бэби. — Что касается возраста... Леша жрал в три горла и дрых до полудня, а Митя занимается спортом и вообще за собой следит. Да, они вполне могут быть ровесниками, хотя по внешности и не скажешь. Обоим по тридцать пять, но Леша выглядел на сорок, а Митя от силы на тридцать. Но ведь Корабелка — большой институт, там наверняка масса факультетов. Они могли друг друга и не знать, правда?

Я сказала:

— Вспомни, как в поезде Митя познакомился с Петром Михайловичем. Они в упоении обсуждали общих преподавателей, хотя учились с разницей в несколько лет. А уж обнаружив однокурсника, Митя тем более должен был с ним поболтать на эту тему!

— Может, и поболтал. Нам почему знать?

— Я сейчас думаю, они как-то почти демонстративно не общались. И в то же время... иногда Леша произносил что-то с оглядкой на Митю. И еще. Руслан назвал меня сегодня русалочкой. Так называл меня однажды Митя. Я вспомнила!

— О боже! — опешила Бэби. — А Руслана-то сюда зачем приплела?

— Они тоже знакомы. Я еще удивлялась, что они слишком быстро сошлись. В смысле, общаются больше, чем должны бы.

— Слушай, Оля! Митя у тебя знаком с Лешей, потому что не общался, а с Русланом, потому что общается. Ты что, просто на него злишься? Он, конечно, свинтус, но с твоей стороны это мелко.

— Нет, — возразила я. — Это не потому, что злюсь. У меня вдруг что-то встало на место в голове. Они знакомы! Вот ты же сразу поверила версии, что Петра Михайловича убили по ошибке, да? Потому что она у тебя все в голове поставила на место. Я не могу объяснить так логично, как ты... Не знаю! Я ведь смотрела на Митю

очень внимательно, понимаешь, я все эти дни только на него и смотрела, и что-то меня смущало, а теперь я догадалась. Они знакомы. И с Лешей, и с Русланом. Но с Лешей больше.

— А более разумных доводов у тебя нет, фантазерка?

— Нет.

— Жалко. Ну, без доводов версия пока так и остается версией, хотя, разумеется, раз они одногодки, правдоподобия у нее прибавилось. Надо попытаться выяснить факультет! Если и факультет один, то сомнений не будет. Запишу-ка это очередным заданием для Толика. Если ответ будет положительным, Митя тоже выдвигается в первые подозреваемые.

— Почему? — ужаснулась я.

— Ой, Олька! — засмеялась моя подруга. — А ты как думала? — и она уже серьезно продолжила: — У них мог быть какой-нибудь застарелый конфликт. И вообще, скрывать свое знакомство очень подозрительно. К тому же Митя по типу личности очень подходит к нашему убийству. Выдержанный и хитрый.

У меня резко ухудшилось настроение. Настолько, что я предпочла утаить неуместно посетившую меня мысль о странном блокноте, который Митя судорожно прятал вчера при нашем появлении. Он его прятал, как... как преступник. Но, возможно, это обыкновенный дневник и Митя просто стесняется, что его ведет?

Благородная Бэби оценила мое состояние и сочла за лучшее сменить тему.

— «Номер пять — Руслан, — зачала она. — Мотив: Петр Михайлович мог узнать его тайну. С Лешей мотивы возможны разнообразные. Подозрительные обстоятельства: дружба с Лешей. Не исключено, что подслушивал наши разговоры. Навел на нас местных». Интересно, откуда это мы взяли про подслушивание? Абсолютно не помню!

— Руслан сказал мне, что Леша — человек с Марса, и ты решила, что он услышал это от меня.

— Ага! А сегодня он сказал тебе про русалочку, услышав это от Мити. Только не вижу во всем этом смысла. Выдавать подслушанное именно тем, кого подслушал...

— А смысла и нет. Он мог услышать что-нибудь случайно, вот оно и отложилось у него в мозгу. И вообще, зачем ему убивать Лешу?

Они дружили, да и платил ему Леша, наверное, хорошо. Ради пяти процентов акций? Так он их и без того имеет. А без Леша дела фирмы наверняка пойдут гораздо хуже. У него было какое-то там чутье, а у Руслана явно нет.

— Ради чего? Да ради Анастасии, в которую Руслан без памяти влюблен.

— А он в нее влюблен? — неожиданно вырвалось у меня.

Моя подруга так и застыла, потрясенная, а потом принялась хохотать.

— Ты что? — не поняла я.

— Пожалуй, я была неправа, — заявила она, чуть успокоившись. — Ты все же — женщина-загадка. То видишь какие-то тонкие моменты, никому не видные, а то не замечаешь вещей, которые каждому бросаются в глаза. Да вспомни, как Руслан перед нею прогибался! Все признаки налицо, это точно!

— У него просто такая манера поведения, — неуверенно предположила я. — Он пытается с каждым говорить на его языке, но не умеет найти по-настоящему верный тон. Я и по себе это чувствую. Он боится, что она его уволит, вот и старается угодить. Мне абсолютно не видно, чтобы он был в нее влюблен.

Бэби пожала плечами:

— Подозреваю, этого не видно одной тебе. Спроси любого!

— Тогда почему, — продолжила я, — он позволил ей... ну, провести ночь с Митей. И непохоже, чтобы ревновал.

— А с чего ты взяла, что она провела ночь с Митей?

Я пожала плечами. Никаких других аргументов, кроме того, что, войдя сегодня в столовую, я посмотрела на любимого человека и поняла все по его лицу, не имелось. А эти аргументы подруга вескими не сочтет.

— Другой вопрос, — подумав, сообщила она, — что Анастасия все равно за него не выйдет, раз он — наемная рабочая сила с жалкими пятью процентами акций. Руслан — не дурак, он должен это понимать. Но могла быть и другая причина. Например, он что-нибудь нахимичил в бизнесе и хотел это скрыть, вот и вынужден был прикончить Лешу. Анастасия не в курсе всех дел, она не разберется.

— Странное он, однако, выбрал для этого место и время. Я полагала, в этих кругах не принято выполнять грязную работу самому.

Нанимается киллер, стреляет и смывается, бросив оружие. Такое убийство раскрыть, судя по всему, практически невозможно. Так зачем рисковать здесь?

— Может, решил сэкономить? Хотя ты права — Руслан не так глуп, чтобы экономить на серьезных вещах. Определенная логическая неувязка действительно есть, но все-таки снимать с Руслана подозрения я бы не стала.

— А я и не требую их снимать, просто рассуждаю. В Руслане есть что-то непонятное, только я не знаю, что.

— Во всех есть что-то непонятное, — мудро констатировала Бэби. — Слушай, а список подошел к концу! Остался номер шесть — Арсений. Мотив: для убийства Лешы — ревность, Петра Михайловича — неизвестно. Подозрительные обстоятельства: отсутствие в ночь убийства Петра Михайловича и то, что Леша гулял с его женой. Ну, тут ситуация в некотором роде прояснилась. Мотив для Петра Михайловича теперь не требуется. Кроме того, мы знаем, что Арсений следил за женой и Лешей. Мог и убить — это запросто. Говорят, ревность — страшное чувство, а он явно ревнив. Ты, конечно, примешься его сейчас защищать, но аргументов привести не сможешь, да?

— Да, — согласилась я.

— Ну, подведем итоги. Юрий Андреевич с Вадиком, Митя, Руслан и Арсений — это пятеро главных. Еще есть Анастасия — если она была во время убийств здесь, а не в Питере. Этих пятерых надо хорошенько обработать. Есть еще Андрей. Есть, конечно, Света с Ларисой, но в них я не верю. Вот и все. Немного энергичной работы, и дело будет закрыто. Только ты уж не порти больше, как с Арсением, ладно? Лучше уж я сама.

И Бэби, бодро вскочив, понеслась в поселок — вручать несчастному Толику список поручений, а я пошла смотреть на море.

Глава 24. Круг сужается

На море, все еще беспокойном, было безлюдно, лишь Юрий Андреевич делал зарядку. Он занимался ею с таким остервенением, что мне стало не по себе. После тщательного и умного разбора подругой наших несчастных соседей отчаянье, разброд души так и виделись мне в каждом движении.

Увидев меня, Юрий Андреевич остановился и заметил:

— Не представляю, Оля, как вы утром решились зайти в воду в такой шторм. Надо было позвать кого-нибудь из мужчин, это было бы безопаснее.

— Если я и умею что-нибудь хорошо делать, так это плавать, — ответила я.

— Еще писать песни, — улыбнулся он. — Я когда-то очень увлекался бардами.

— А сейчас?

— Сейчас ситуация изменилась. Из неформального движения бардовская песня превратилась в очередную кормушку для узкого круга лиц. Вот ты со своими песнями пробовала куда-нибудь обращаться?

— Нет. Я играю плохо. Меня засмеют.

— Вот именно! Окуджава знал свои три аккорда, и это не помешало ему стать знаменитым. А сейчас требуют профессионального владения инструментом. Требуют от жанра, чьи принципы основаны совершенно на другом. Впрочем, учитывая, что в нашей стране все перевернулось с ног на голову, странно было бы рассчитывать, что бардовское движение останется исключением.

— Вы коммунист, да? — вспомнила я.

— Да.

— А почему?

— Общественная собственность на средства производства для меня несомненно предпочтительнее личной, — охотно объяснил Юрий Андреевич, — а работа на свою страну предпочтительней работы на богатого хозяина вроде Леши.

Я никогда не смотрела на ситуацию с подобной точки зрения и решила плавно переменить тему.

— Вроде Леша? Ужасная нам попалась смена, да? — рискнула произнести я. — Эти убийства.

— Извини, Оля, я обязательно должен закончить цикл упражнений. Мне и так теперь снова разогреваться.

И он с прежним, если не с большим остервенением принялся за дело.

Разумеется, можно было отвернуться, чтобы не думать о плохом, только у меня для этого слишком слабая воля. Легче уйти.

Я села на наше с Бэби крылечко. Мое состояние проще всего описать одним коротким глаголом — маялась. А потом мир вдруг переменялся и снова заиграл привычными красками. Мимо проходил Митя.

— Не хочешь прогуляться, русалочка? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Он присел рядом, но что-то заставило меня соврать:

— Ой, я совсем забыла! Аня дала мне одно поручение, и если я не сделаю сейчас, то не успею, — и заскочить в дверь.

Через щелочку я увидела, как Митя, слегка пожав плечами, ушел. Через щелочку ведь можно иногда посмотреть, правда?

Бэби вернулась к самому ужину, ведя на поводу жутко важного Толика в милицейской форме. Тот подлавливал у входа в столовую всех членов нашего маленького кружка и предлагал каждому для опознания пресловутый кинжал. Никто не опознал. Кинжал был очень красивый, такой и впрямь можно приобрести в качестве сувенира, причем и мужчине, и женщине, и в то же время меньше всего на свете он походил на оружие профессионального бандита. Было в нем нечто откровенно дилетантское.

За ужином мою подругу постигло жестокое разочарование. Место Руслана пустовало.

— А где Руслан? — поинтересовалась она и услышала спокойный Митин ответ:

— Улетел в Петербург. И Настя тоже.

— А... а он вернется?

— Нет, конечно. У него сейчас, полагаю, по горло проблем в Питере, а возвращаться нет причин.

Бэби мрачно кивнула, однако быстро взяла себя в руки и плавно перешла к выяснению других интересующих ее вопросов.

— Да, — кивнула она, — он ведь Леше и друг, и заместитель. Руслан, как и вы все, тоже учился в Корабелке?

— Не думаю, — возразил Митя. — Он, кажется, приезжий.

— Если он не учился в Корабелке, то почему решил отдыхать именно здесь? Из-за Леша?

— Наверное. Вы ведь с Олей тоже, подозреваю, не кораблестроители.

— Да, просто папа достал по дешевке эти путевки. Но Леше с Русланом экономить не приходилось!

— Значит, у них были другие причины. Возможно, отдых на Канарах несколько комфортабельней, зато здесь куда более приятная компания.

И Митя слегка улыбнулся, окинув взглядом нас троих, что заставило Свету, встрепенувшись, вставить:

— Да, эти жены новых русских — сплошной примитив. Прикинуты, конечно, по высшему разряду, но вскоре мужчине хочется сказать ей, как у Райкина: «Дура, закрой рот!»

Однако Бэби была не из тех, кого легко сбить с намеченного пути.

— Ты ведь тоже закончил Корабелку, как Леша и Петр Михайлович? — небрежно осведомилась она.

— Да.

— А какой факультет?

Митя засмеялся:

— У него такое название, что нормальному человеку и не выговорить. Впрочем, все равно я работаю не вполне по специальности.

— А Леша?

— Ну, Леша — тем более. Специальности «выдающийся бизнесмен» даже в нашем замечательном вузе не было.

— А он выдающийся? — уточнила моя подруга.

— Вероятно. Для бизнесмена ведь единственный критерий способностей — доход, а, судя по всему, у Леша с этим полный порядок.

— А какой у него был бизнес?

— Ну, это следовало спрашивать у Руслана или Насти, так что теперь ответ мы узнаем вряд ли.

— Ну, ты ведь с ними еще когда-нибудь встретишься? Или, — хитро прищурившись, — с кем-нибудь одним из них.

— Мир тесен. Может, и встречусь.

— Удивительно, что у такой красавицы, как Настя, был такой невзрачный муж, как Леша! Чисто внешне тот же Руслан подошел бы ей куда больше — тоже красавец, тоже брюнет. Ты как считаешь?

— Я считаю, браки совершаются на небесах, а там подбирают пары не только по внешнему виду. Уверен, Оля в этом мнении меня поддержит.

— Слушай, — наивные глаза Бэби широко распахнулись, — а странно! Вы с Лешей учились в одном институте, и ты кажешься куда умнее, а почему-то у него собственное дело, а у тебя нет. Несправедливо, да?

— Спасибо на добром слове, но, наверное, у нас с ним ум разного склада. Не уверен и в том, что хотел бы иметь собственное дело, и в том, что справился бы с ним. Для меня моя нынешняя работа гораздо интересней, да и оплачивается неплохо.

«Только, наверное, грустно работать не на свою страну, а на иностранную фирму», — неожиданно подумала я, вспомнив беседу с Юрием Андреевичем, но вслух, естественно, произносить ничего не стала. Тем не менее, Митя сразу остановился и выжидающе на меня посмотрел. Я молчала, и его внимание вновь переключилось на мою настойчивую подругу.

Их диалог напомнил мне некую игру, где один собеседник ставит ловушки, а цель другого — их избежать. У меня складывалось впечатление, что Митя потешается над усилиями Бэби, и это было неприятно. Он вроде бы охотно, откровенно и простодушно отвечал на все ее вопросы, но умудрялся не дать абсолютно никакой новой информации, она же не решалась спрашивать совсем уж напрямик, шла несколько обиняком, что и позволяло ему ловко лавировать, лавировать в сто раз более ловко, чем ей. Он упорно и весело говорил не вполне о том, на что ей хотелось навести. Впрочем, я могла и ошибаться.

Ужин был омрачен не только этим. В какой-то момент негромкое журчание голосов прервал резкий возглас:

— Отстань от меня! Оставь меня в покое! Сколько можно!

Вадик, крича, вскочил так нервно, что опрокинул стул. Отшвырнув его ногой почти к стене, молодой человек бросился к выходу, споткнулся, упал, поднялся и выбежал, хлопнув дверью. Отец его, впрочем, словно и не удивился, лишь спокойно пожал плечами.

Уже в домике подруга моя горько посетовала:

— Надо же быть такой душой! Совершенно вылетело из головы, что Руслан и эта фифа сегодня уезжают. Надо было сперва заняться ими, а остальное отложить на потом, оно в лес не убежало бы. А теперь уже поздно, назад не повернешь. Впрочем, с Анастасией, к сожалению, полный прокол.

— В каком смысле?

— Да в милиции сидят не такие дураки, как я предполагала. Узнав, что Леша богатый, они решили на всякий случай проверить его жену и друга. Она прилетела именно на том самолете, на каком и была должна. Более того — ее запомнила стюардесса. Запомнила и опознала. Так что на Анастасию надеяться больше не приходится.

— И зря она снилась мне в кошмарах, — вздохнула я.

— Получается, зря. Руслан не врет — у него действительно всего пять процентов акций, и наследства он никакого не получает, хотя как заместителя Леша очень его ценил. Так что он ничего особо не выигрывает от его смерти. Раз так, глупо причитать по невозможному. Все равно они теперь недоступны, так что временно отставим обоих в сторону и займемся остальными. Вот если все остальные кандидатуры не подойдут, тогда вернемся к этой парочке, ладно? Кстати, этот Митя очень странный. Я так старалась вывести его из себя, а он ничего не замечал. Прямо флегматик какой-то!

— Боюсь, замечал, — предположила я. — Просто он, как и милиция, не такой дурак.

— Ладно, придется взяться за Вадика. Уж с ним-то точно должно получиться.

Он азартный, а азартные легко управляемы. Тем более, с отцом он поссорился, так что временно будет без присмотра. Кстати, нервы-то у мальчика сдают, а? С чего бы это! Крайне подозрительно!

— Если убил Юрий Андреевич, то нервы должны сдавать у него.

— Да? А ты думаешь, иметь отца-убийцу — большое удовольствие? Нет, Вадик сейчас явно в том состоянии, когда его

можно брать голыми руками. Пойдем!

Вадика мы нашли на скамеечке под пальмой в компании Ларисы. Я лично не стала бы нарушать их тет-а-тет, но раз Бэби понесло, ее и танком не остановишь! Кто азартный, так это она. Я, например, не люблю строить планы — все равно они вечно нарушаются. А она их строит и, кровь из носу, пытается выполнить. Поэтому мы, как две нахалки, встали неподалеку, делая вид, будто не замечаем неуместности нашего присутствия. Впрочем, парочка могла удалиться, правда? А удалилась одна Лариса, с появлением свидетелей заметно поскучев. Очевидно, полное согласие между партнерами еще не было достигнуто, при нас же исчезла даже его перспектива. Вадик явно не дорос пока до духовных высот дайнетика Андрея и не умел сразу приглашать девушку не на скамеечку, а в кусты.

— Девчонки! — ничуть не огорченный уходом Ларисы, позвал он нас. — Садитесь! Классное местечко!

— Точно, — согласилась Бэби. — И вообще здесь классно. База, конечно, так себе, зато море рядом и во всем полная свобода. Только очень тебе сочувствую, что даже отдыхать тебе приходится вместе с предками. Предки, конечно, хорошие люди, но обычно не врубаются. Я очень люблю папу, но меня безумно раздражает, когда он начинает меня пасти. Мы ведь уже не дети, правда?

Ха, попасешь ее, как же! Хотела бы я посмотреть на этого смельчака! Однако наивный Вадик поверил.

— Точно! — с энтузиазмом согласился он. — Они считают, мы до старости должны их слушаться. Особенно мама. Забьет себе голову всякой ерундой и начинает на пустом месте переживать, а ты потом, как дурак, оказываешься виноватым. Сколько раз ей повторял: ну, что со мной может случиться? Нет, стоит разок не позвонить, так сразу такие слезы, будто я какой-то садист и намеренно вгоняю ее в гроб.

Мама Бэби не интересовала, поэтому моя подруга заметила:

— А отец твой сперва показался мне совершенно мировым дядькой. Во, думаю, везет же некоторым! Отец как бы рядом, а совсем не давит. Лучше не бывает! А сейчас смотрю, все-таки давит. Все равно в глубине души считает тебя маленьким ребенком, за которым надо следить, да?

— Ну, — слегка набычившись, выдавил Вадик, — он просто знает, что я могу, ну, как бы вляпаться... то есть...

— Не может быть! — широко распахнула глаза пораженная Бэби. — В жизни не поверю, что ты можешь во что-нибудь вляпаться! Ты ведь такой умный! Юрий Андреевич явно тебя недопонимает.

— Да, но я не всегда... не всегда делаю, как надо... то есть могу не подумать и... хотя, конечно, отец не должен... — полез в ловушку бедный парень, покраснев от неожиданной похвалы.

— То есть ты не расчетливый, а темпераментный и эмоциональный, — констатировала его собеседница. — Терпеть не могу мужиков, которые вечно все рассчитывают! Мне, например, безумно понравилось, как ты поспорил с Лешей! Безоглядно, очертя голову — ну, просто герой романа! Очень жалко, что выиграл не ты. Я болела за тебя. Ты ведь умней его в сто раз! Правду говорят, нет худа без добра — хотя несчастного Лешу убили, зато тебе теперь не надо выплачивать эти дурацкие деньги. По справедливости он не должен был их с тебя требовать, ты как считаешь?

Вадик откровенно растерялся под взглядом моей подруги, полным невинности и восторга.

— Ну... конечно, с деньгами повезло... если бы получилось, как в прошлый раз, то не знаю, как бы мы... то есть где снова доставать эти деньги... то есть...

Бэби продолжала смотреть, а он лепетать и таять, и его впрямь можно было брать голыми руками, и она уже открыла рот для нового вопроса, но тут же вынуждена была его захлопнуть. В двух шагах от нас вынырнул Юрий Андреевич.

— Добрый вечер, девочки, — улыбнулся он. — Вадик, ты помнишь, что мы собирались сходить в город?

— Я передумал. Если хочешь, иди один.

И Вадик бросил взгляд на мою подругу, явно ожидая одобрения. Юрий Андреевич, пожав плечами, сел на скамью.

— Тогда и мне незачем.

Беседа застопорилась. Уходить непрощенный гость явно не собирався, и Бэби, помолчав немного, заметила:

— Мы обсуждали, что нет худа без добра. Ужасно, что Лешу убили, но вам зато не придется отдавать ему деньги.

— Какие деньги?

— Ну, проспороленные. Пари по поводу каменного корпуса, помните?

— А, это! Так это ж была шутка! Ни Леша, ни Вадик не воспринимали спор всерьез. Ни о каких деньгах и речь идти не могла. Хотя, разумеется, я бы предпочел заплатить, чем видеть бедного Лешу убитым этими психами.

— А вы считаете, его убили они?

— Самое интересное, — улыбнулся Юрий Андреевич, — что точно так же считает и милиция. Я понимаю вас, девочки. Вам, как в некотором роде виновницам происшедшего, хотелось бы найти иное объяснение убийствам. Вам было бы удобнее, если б вы сумели переложить вину на кого-то другого. Например, вам хотелось бы, чтобы кто-нибудь опознал этот нож, который ваш мальчик принес сегодня в столовую. Ты знаешь, Вадик, я просто восхищаюсь нашими девочками! Похоже, они способны заставить служить своим интересом любого недалекого мужчину. Ты видел, как они охмурили бедного лейтенанта? Пара комплиментов его выдающемуся уму, пара восхищенных возгласов — и дурачок ходит у них на коротком поводке. Разумеется, более взрослый и соображающий мужик сразу увидел бы, что его просто-напросто пытаются использовать, и вежливо б отстранился, но у лейтенанта на это соображаловки не хватает. К тому же он ведь не видел своими глазами, как они сперва обработали Петю с Лешей, потом принялись за Митю и Арсения, а попутно, кстати, привели к нам на базу двух будущих убийц. Наверное, решили, что весьма лестно быть поводом для драки, ведь не каждой женщине это удастся! Только я вам советую, девочки, пытаюсь управлять людьми, делать это хоть немного более скрытно. Некоторые почему-то не любят, когда ими управляют. Если вы будете продолжать в том же духе, рано или поздно это не доведет вас до добра, поверьте моему опыту. Вадик, кстати, ты не передумал? Мы ведь хотели посмотреть в городе фильм с этой твоей красоткой.

— Да, — кивнул Вадик, — иду.

— Спокойной ночи, девочки, — вежливо попрощался Юрий Андреевич, и отец с сыном сгинули во тьме.

— Да, — немного помолчав, мрачно прокомментировала Бэби, — у него-то с соображаловкой все в порядке. Классно он увел его из-под нашего носа, да? Да еще и наговорил с три короба, так что Вадик теперь не очень-то поверит, если снова играть на том, какой он якобы умный. Конечно, можно будет пойти другим путем. Можно попытаться

вывести его из себя, как Ирочку, только, боюсь, отец будет постоянно настороже. Во хитрый тип! Так что шансы его резко повышаются. Он запросто мог спланировать и осуществить почти безупречное убийство.

— А мне показалось, — подавленно призналась я, — что он прав.

— Что значит — прав?

— Ну, что мы с тобой сами виноваты и поэтому ищем козла отпущения. Вдруг это действительно так? Может, убили местные, а нам просто не хочется в это верить?

Моя подруга раздраженно фыркнула:

— Иногда мне кажется, что тебя кто угодно способен убедить в чем угодно. Можно подумать, мы с тобой сто раз не обсуждали все с логической точки зрения! Убили никакие не местные, и баста. Успокойся, пожалуйста!

— И все равно он прав, — не успокаивалась я. — Нельзя управлять другими людьми. Это непорядочно.

— А кем это, интересно, мы управляем?

— Вадиком.

— И много в том преуспели, — съязвила Бэби. — Папаша-то сделал это куда ловчее! И вообще, каждый человек пытается управлять другими, только не у каждого получается. Даже когда ты просто задаешь кому-то вопрос, ты ведь рассчитываешь на ответ, правда? Значит, пытаешься управлять поведением собеседника.

— Там это делается открыто и честно, а мы пытались скрытно и обманно.

— Между прочим, твой Юрий Андреевич как раз и осудил нас за то, что мы действовали недостаточно скрытно, и был совершенно прав. Кстати, ты заметила? Кое-какую информацию Вадик нам все-таки дал. Он сказал, что был какой-то прошлый раз, после которого снова достать деньги было бы трудно. Интересно, что это за прошлый раз? Как все-таки неудачно, что Юрий Андреевич нам все напортил! Жутко неудачливый сегодня у нас вечер, прямо тоска берет! Сперва Митя, теперь вот этот.

— Бывает, — кивнула я. — Бывают такие неудачливые дни, когда все наперекосяк. Их надо пережить, а утром будет легче.

— А у меня еще в плане Андрей, — напомнила мне подруга. — Неужели и с ним возникнут проблемы?

— В неудачливые дни, — поделилась наблюдением я, — главное — ничего не предпринимать. Надо отложить все до лучших времен.

— Ну, еще чего! — возмутилась Бэби. — Как раз наоборот. Надо приложить усилия и преодолеть эту мерзкую полосу! Не обстоятельства должны управлять нами, а мы обстоятельствами. Еще я пойду у них на поводу, как же, дождались! Ты как хочешь, а я ищу Андрея.

Я отрицательно помотала головой, и она отправилась на поиски в одиночестве.

Нам обеим не повезло. Бэби не нашла Андрея, поскольку он явился в нашем крыльце. А мне, честно говоря, абсолютно не хотелось с ним общаться!

— Привет, Оля, — поздоровался он и присел рядом со мной.

— Привет. Как дела?

— Прекрасно. Мои дела всегда идут прекрасно. Я, по-моему, уже объяснял вам это.

— Неужели сумел вовлечь в вашу секту Анастасию? — заинтересовалась я.

— Секту? — явно обиделся Андрей, теряя вечную свою безмятежность. — Постарайся лучше выбрать выражения.

Мне стало неловко. Действительно, зачем задевать то, что человеку дорого?

— Учение, — поправила я. — Правильно?

— Я оставил Анастасии свои данные, — моментально успокоился мой собеседник. — Не сомневаюсь, она позвонит. Она не дура и не упустит шанса. То же самое советую и вам с подругой. Вот наша визитка. Я завтра утром уезжаю.

— Спасибо, — взяла карточку я, — но вряд ли мы позвоним. Нам и так хорошо.

— Ты что, ревнуешь меня к Ларисе? — показав в улыбке чудесные зубы, осведомился Андрей. — Я же тебе объяснял, это чисто физическое. А духовно я выше этого. Если уж на то пошло, Ларису я к нам не приглашаю. Она неперспективна.

Мне стало смешно. Я ревную его к Ларисе? Надо же до такого додуматься! Похоже, этот тип и впрямь витает в астральных сферах, не обращая особого внимания на брэнную действительность.

— А вот смеяться над собой я никому не позволяю. Над собой и над своими идеалами, — снова несколько заведясь, поведал Андрей.

Я попыталась взять себя в руки, но это почему-то возымело противоположный эффект. Невозможно было удержаться от смеха!

— Вот как? — холодно спросил дайнетик. — Что же, имей в виду, ты сильно рискуешь.

— И чем? — с трудом прерывая хихиканье, выдавила я.

— Жизнью, я полагаю. Нет, не думай, что я намерен нарочно причинить тебе вред. Это для меня слишком мелко. Но, когда выходишь в иные миры, не всегда можешь контролировать пробудившиеся в тебе силы. Они слишком мощны для этого.

— И что?

— В ментальном мире не скроешь своих желаний, это невозможно. А я уже достиг того уровня, когда малейшие мои желания выполняются безо всяких усилий с моей стороны. Просто потому, что мне от этого станет лучше. Так уж устроен ментальный мир. Именно поэтому я и предупреждаю тебя.

— О чем? — не поняла я.

— О том, что ты рискуешь жизнью, пытаюсь мне противоречить, — снисходительно, словно недоразвитой, повторил мне Андрей. — Мне пытался противоречить этот смешной Петр Михайлович, потом глупый Леша — и где они теперь? Стоило мне покинуть пределы нашей реальности и связаться с высшими силами, как эти люди были уничтожены.

Смешливость моя исчезла.

— Ты хочешь сказать, их убил ты? — медленно проговорила я.

— В некотором смысле — разумеется. Они были убиты ради меня.

— Кем?

— Высшими силами.

— Послушай, Андрей! — опешила я. — А зачем высшим силам для убийства нужен нож? Разве они не могут обойтись без него? Ментально?

Мой собеседник пожал плечами.

— Если они избрали кого-нибудь из простых смертных в качестве орудия, какое мне до этого дело? Какое вообще может быть дело до участи непосвященных?

Я, не выдержав, ехидно процитировала:

— Громко шифером шурша,
Крыша едет не спеша.

Это звучало не слишком вежливо, однако даже моему терпению есть предел!

Андрею стихи, видимо, не понравилась. По крайней мере, он, не попрощавшись, удалился.

Вскоре явилась раздраженная Бэби.

— Не знаю, где этот придурок шляется! — сообщила она.

— А я знаю. Он был здесь. Знаешь, Бэби, Андрей — самодовольный debil, но не убийца. По-моему, он уверен, что все неудобные ему люди будут сметены с лица земли абсолютно без его усилий — то ли господом богом, то ли тенью покойного Хаббарда, это уж я не поняла. У него в голове такая каша! А самомнение просто невероятное.

— Самомнение — еще не причина его оправдывать.

— Вот скажи мне, Бэби, если б ты была уверена, что все твои желания исполнят высшие силы, стала бы ты марать руки, действуя самолично, да еще и рисковать разоблачением?

— А он уверен?

— На все сто.

— Тогда это, похоже, и впрямь не он. И хорошо! Остались Юрий Андреевич с Вадиком, Митя, Арсений и Руслан. Круг подозреваемых сужается!

На этой светлой ноте мы улеглись спать.

Глава 25. Страшная ночь

Посреди ночи я проснулась, словно от толчка. В висках бешено стучало. Я перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Бесплезно! Сна не было. Тогда я села на кровати — и застыла, пораженная. Соседняя кровать пустовала. «Нет, — успокаивала себя я, — ничего страшного. Бэби вышла в туалет и через пять минут вернется. Или через десять. Ничего страшного произойти не могло!» Четверть часа тянулись, словно сто веков. Бэби так и не появилась.

Я встала, накинула халат и на негнущихся ногах побрела к туалету. Никого. Я пробежала до тропинки, той самой, на которой были найдены Петр Михайлович и Леша. Слава богу, предчувствия мои не оправдались! Тропинка выглядела совершенно невинно, словно никогда, никогда не лежали на ней мертвые тела, словно смерти вообще нет в природе. Я полазила вокруг — ни души. На сердце стало немного легче, и я возвратилась в домик. Бэби так и не появилась!

Я включила свет и внимательно все осмотрела. Ни записки, ничего. Смятая постель, откиннутое одеяло. Боже мой! Что же мне делать? Произошло два убийства. Одно на второй день нашего пребывания здесь, другое на четвертый. А сегодня шестой. Убийства происходят через день, и сейчас как раз новый срок! Тела обнаруживают ночью. Сейчас именно ночь. Боже мой, что мне делать? Бэби расследовала преступления, и мерзавец мог, испугавшись ее ума, мог вызвать ее тихонько, и она бы не побоялась, она бы встретила с ним, и он мог... Нет, нет, нет! Боже мой, что делать?

Сидеть не было сил, я выскочила на улицу и нервно потыркалась по самым темным закоулкам. Никого! Обращаться в милицию? Там наверняка сейчас закрыто. К администрации? А вдруг Бэби скоро вернется, она мне этого не простит! Я прислонилась к дереву, зубы выбивали дробь.

На дорожке возникла странная фигура. Странная, непонятная! Я впила в нее глазами, но с огорчением узнала Арсения. Тот нес на руках Иру, и оба тихо смеялись. Арсений свернул ко мне, так и не спуская жены на землю, и несколько смущенно произнес:

— Оля, ты б не ходила ночью одна, а? Все-таки были убийства. Вроде тех типов и арестовали, а сегодня вот пришел милиционер, нож нам показывал для опознания. Значит, они не вполне уверены. Вдруг этот псих до сих пор на свободе, так мало ли что ему может взбрести в голову!

Каждое слово словно молотком ударило по моему сердцу, и я, не выдержав, вскричала:

— Да, а Бэби нет, и я не представляю, где она!

Как ни странно, Арсения это нисколько не испугало.

— А, — скривился он, — что с нею может случиться? Наверняка гуляет с кавалером, вот и все.

— Что с нею может случиться? — повторила я. — То, про что ты только что говорил! Ты сам говорил, что преступник на свободе! Ты говоришь, мне нельзя даже ходить вот здесь, близко, а ее нет нигде, понимаешь?

— Ну, ты не сравнивай, — с неудовольствием ответил Арсений, все-таки опуская Ирочку. — Твоя подруга более, чем умеет о себе позаботиться, а ты нет. Ты переживаешь за других и не думаешь о себе. Вот и теперь! Аня преспокойно гуляет, а ты из-за нее рискуешь жизнью, бегая одна по территории. Я уж не упоминаю о твоих нервах.

— Ты ее не знаешь! — возразила я. — Она бы никогда так со мной не поступила! Скорее я, чем она. Да, я могу потерять голову и что-то забыть, а она нет. Если бы она собиралась надолго, она бы меня предупредила! Просто она обнаружила, кто убийца, и сказала ему это, и он ее убил!

Меня несло, я плохо соображала, язык, казалось, действует сам по себе, без участия мозга.

— Так вы пытаетесь вычислить убийцу! — вдруг обрадовался Арсений. — Наконец-то до меня дошло! А я-то удивлялся... Ну, я, к сожалению вряд ли многим могу тебе помочь. Хоть я и следил за Лешей, и в ночь убийства Пети, и потом, но ничего особенного не видел. Разве что Юра как-то слишком часто мне попадался на глаза, уж не знаю, почему.

— А его Вадик врал, — донесла Ирочка.

— В чем врал? — удивился ее муж.

— Что якобы видел Лешку в полночь под пальмами. Не было этого! Лешка был... ну, не там совсем. Я знаю! Вадик вообще

ненадежный. Глупый он!

— Да нет, — пожал плечами Арсений, — по-моему, неглупый парень.

— Ха! — засмеялась Ирочка. — Он типа отдал тысячу баксов лохотронщикам, представляете! Тыщу баксов, представляете! Своими руками!

— Да, это уж угораздило. А ты откуда знаешь?

— А он сам мне рассказывал. Мы выпили, и он рассказал, еще давно, когда девчонки еще не приехали. Его родители несколько лет копили, им дачу надо достраивать. Знаете, как бывает: начали строить, когда все было дешево, а потом все стало дорого, а у тебя только фундамент, и тот разрушается. Ну, вот они и копили, да еще подзанили у всех, потому что договорились с мужиками, которые за тысячу баксов обещали достроить как бы все, разом. А Вадик эти денежки и вынес. Я удивляюсь! Ладно, пенсионеры, у них от возраста крыша едет, а чтобы молодой парень попался на удочку к этим мошенникам — понять не могу! Потом бегал, дурак, искал их. А зачем? Все равно ничего не докажешь. А если и докажешь — денежки-то он отдал добровольно. «А я, — говорит, — хотел не денежки вернуть, а прибить мерзавцев собственными руками, чтоб больше людей не обманывали». Разве не дурак?

— Он очень азартный, — мрачно заметила я. Хотя мне и мнилось, что я не в силах что-либо воспринимать, оказывается, очень даже воспринимала.

— Да, — согласился Арсений, — Вадик азартный, но открытый. Какой же из него убийца? А Юра так и вовсе удивительно порядочный человек. У него одних патентов на изобретения штук пятьдесят, представляете! Его и немцы, и американцы приглашали, и уж платили бы поболее тысячи баксов в месяц, можно не сомневаться. А он не хочет.

— Почему? — робко пискнула Ирочка.

— Он считает, судостроение — отрасль оборонная, особенно в той области, которой занимается именно он. А у Америки свои интересы, да и у Германии тоже. Похоже, ему не хочется их вооружать. Они и так на данный момент вооружены куда лучше нас.

— Но мы же с ними не воюем! Мы же дружим, да?

Арсений ласково обнял жену за плечи, а мне твердо заявил:

— Идем домой. Идем, мы тебя проводим. Не стоит нарываться на неприятности и не стоит портить нервы по пустякам. Вернется твоя подружка целая и невредимая, не сомневайся!

Хороши пустяки! Однако противиться я была не в силах и предпочла послушаться. Я покорно зашла в домик. Бэби так и не появилась! Я открыла дверь и вышла на крыльцо.

Не знаю, сколько я простояла, когда вдруг какое-то странное легкое дуновение повеяло неизвестно откуда, рассеяв печаль. Я поняла, что ничего страшного произойти не могло, потому что жизнь прекрасна! А через мгновение рядом со мною стоял Митя.

— Любуешься звездным небом, русалочка? — улыбнулся он. — Это лучше делать за территорией, там нет фонарей, и виден млечный путь. Хочешь?

— Я не люблюсь, — ответила я, — я сочиняю стихи.

Похоже, врать Мите становилось моей дурной привычкой. Вообще-то, вру я плохо, а выдумываю ложь с трудом, а тут вот само вырвалось.

— То есть я тебе мешаю? — уточнил он.

Я вежливо промолчала, и он на секунду придвинулся близко-близко, словно собирался меня поцеловать, но вместо этого чуть коснулся рукой моих волос и ушел. Он шел упруго и красиво, и его стройный силуэт продолжал видеться мне, даже когда давно уже хлопнула знакомая дверь. Печаль вернулась снова, вцепившись в меня с удвоенной силой. И вот, когда я уже понимала, что больше не выдержу, что я сейчас сделаю что-то невероятное, любую глупость, лишь бы сделать хоть что-нибудь, передо мной предстали две фигуры. Бэби и Вадик.

— Ну, пока! — обратилась к нему она. — Спасибо за интригующую прогулку.

Вадик канул в темноту, а Бэби с изумлением обнаружила меня.

— А ты что не спишь?

— Дура! — каким-то чужим, металлическим сказала я. — Ты дура, вот ты кто! И ищи теперь себе другого, чтобы командовать, с меня хватит!

Я хотела уйти, но Бэби схватила меня за рукав.

— Ты что?

Она повернула меня лицом к себе и ахнула:

— О боже, Олька! Прости меня! Я действительно дура. Дура, дубина и сволочь.

— Не собираюсь спорить, — буркнула я.

— Ольчик, бедный мой зайчик, — она не отпускала моего рукава, — ну, я же не думала! Я же не знала, что ты проснешься! Мне все не спалось, я выглянула и увидела Вадика, и я подумала, что второго такого случая может не представиться, ведь отец теперь так его пасет! Поэтому я решила пойти с ним погулять. А ты так сладко спала, что я пожалела тебя будить. Я тихонько встала и пошла. Вот и все!

— Могла б хоть записку оставить.

— Но я ж не знала, что ты проснешься! Думала, скоро вернусь, ты даже и не заметишь. А для записки надо свет включать, я бы тебя разбудила...

— Весьма гуманно с твоей стороны так обо мне позаботиться.

— Ольчик, ну, я же признала, что я дубина! Ну, чего тебе еще надо, а? Чтобы я посыпала себе голову пеплом? Пожалуйста, мне не жалко.

Моя подруга задумчиво огляделась, словно и впрямь выискивала пепелище от костра, и я поняла, что злость моя прошла.

— Обойдусь без пепла. Только не делай так больше, поняла? Тут эти чертовы убийства, а тебя нет. Что я должна думать?

— Зайку бросила хозяйка,
Под дождем остался зайка.
Со скамейки слезть не смог,
Весь до ниточки промок, —

с чувством продекламировала Бэби и уже нормальным своим тоном добавила: — А Вадик не убивал. Это точно.

— Почему ты так уверена?

— Потому что вызвала его на откровенность. Обыграла его отца, так-то! — с огромной гордостью констатировала она. — Политика кнута и пряника, вот как это называется. Если попеременно то восхищаться парнем, то делать вид, что обижаешься на его скрытность, он все тебе выложит, а на умные предупреждения папочки

ему будет начихать. Забудет про них, и все тут! Никого Вадик не убивал. Вот продул лохотронщикам тысячу баксов — это да. Продул и страшно переживает. Поэтому и ухватился за возможность поспорить с Лешей — надеялся вернуть эти деньги. Азарт — страшная вещь!

— Про тысячу долларов мне сегодня и Ирочка рассказала. А еще про то, что Леши не было в полночь около пальм.

— Прекрасно, — кивнула Бэби, — правдивость Вадика подтверждается. Он и мне признался, что наврал про Лешу и пальмы.

— Но зачем наврал?

— А вот это вопрос интересный. Вадик и сам до конца не понял. Дело в том, что он необычайно уважает своего отца.

— Я его тоже уважаю, — вставила я. — У него пятьдесят патентов на изобретения, представляешь! Его зовут работать за границу, а он не едет.

— Да, я знаю. Не отвлекай меня! Итак, Вадик уважает своего отца и высочайшего мнения о его уме. Так вот, он заметил, что отец вовсе не хочет, чтобы убийства были раскрыты! Наоборот, всячески темнит и запутывает следствие. А Вадик привык, что отец зря ничего не делает, поэтому решил ему помочь. В смысле, тоже все запутать. Причем уверяет, что понятия не имеет, зачем Юрию Андреевичу это надо, но уверен, что ничего плохого тот не задумал бы. Конечно, звучит довольно неправдоподобно. Я бы на его месте непременно попыталась поговорить с отцом или по крайней мере самой догадаться о причинах его странного поведения. Неправдоподобно, однако правдиво. Вадик не из тех, кто способен меня обмануть при близком контакте.

— А я не вижу в его словах ничего неправдоподобного, — прокомментировала я. — Если бы я заметила, что ты темнишь по какому-то поводу, как бы я поступила? Помогла тебе в этом, ни о чем не спрашивая.

— А почему не спрашивая? — искренне заинтересовалась Бэби.

— Потому что, если б ты хотела мне объяснить, так сама бы объяснила, а раз не хочешь, зачем я стану тебя заставлять?

— А, — протянула моя подруга. — Но хотя бы догадки какие-нибудь ты бы строила?

— Не знаю. Нет, наверное. Я бы лучше подождала, пока ты сама все расскажешь. Чего зря гадать?

— Люди бывают на удивление разные, — сделала вывод Бэби. — Как бы там ни было, Вадик невиновен.

— И Арсений тоже, — вдруг вспомнила я. — Теперь это совершенно точно.

И я подробно доложила Бэби о своей с ним встрече.

— Любопытно, — хмыкнула она. — Да, я склонна с тобой согласиться — он не убивал. Слушай, а ведь мы близки к разгадке! Подозреваемых осталось фактически трое: Юрий Андреевич, Митя и Руслан. Есть еще Анастасия, но она пролетает. Значит, трое. Еще пара деньков, и ситуация окончательно прояснится! Здорово!

Глаза ее радостно заблестели, а у меня защемило сердце. Неожиданно я твердо поняла: не хочу, чтобы ситуация прояснялась. Не хочу!

Глава 26. Черт засмеялся, и бог не спас

За завтраком я с ужасом повторяла про себя последние слова подруги. Осталось трое подозреваемых, и один из них — Митя. Неужели он убийца? Нет, неправда! И в то же время сомнение грызло меня изнутри. Я не могла с чистым сердцем утверждать, будто Митя невиновен. Было в нем нечто, мешающее такому утверждению. Некий второй план, явно мне недоступный, однако однозначно существующий. Некая фальшь, резкая нота, диссонансом врывающаяся в гармонию жизни. Возможно, данная нота даже прибавляла ему притягательности в моих глазах, создавая ореол необыкновенности, но она же мешала просто и безоглядно верить. Я терялась. Мне очень хотелось вспомнить хоть мелочь, хоть маленький эпизод, оправдывающий любимого человека пусть не с точки зрения логики, а хотя бы в моей душе. Безуспешно! Почему-то перед глазами упорно вставала одна и та же сцена. Пресловутая драка закончена, местные убежали. Леша отдал себя в нежные руки Ирочки, Лида хлопчет над Петром Михайловичем, Вадик выслушивает спокойный выговор отца. И тут появляется Митя с миской свежeweымытых персиков в руке и спрашивает: «Кто эти парни? Что случилось? Что с тобой, Лешик?» Он жил в одной комнате с Петром Михайловичем, а спросил про Лешу, называя его Лешиком. Тут же с противоположной стороны появился Руслан и задал в точности те же вопросы. Впрочем, для него как раз естественно поинтересоваться именно своим начальником и другом, а не кем-то еще.

— О чем задумалась, русалочка? Где ты витаешь?

Я вздрогнула. Губы Мити улыбались, а глаза смотрели настойчиво, почти требовательно. Я всегда теряюсь от чужой настойчивости, поэтому честно призналась:

— Я витаю в прошлом. Почему-то так и вижу ту самую драку, с которой все началось. Вижу так, будто она происходит сейчас.

— Так-таки и видишь? И что ты видишь, рассказала бы! Я ведь при драке не был.

— Ну, — пошла на попятный я, — драку я описать не сумею. Дрались, и все.

А вот то, что потом, помню до мельчайших деталей.

Глаза напротив стали еще более настойчивы, и я рассказала. Только факты, разумеется, без выводов, но выводы, похоже, Митя сделал сам. Брови его слегка сдвинулись, лицо помрачнело. До конца завтрака он время от времени кидал на меня быстрые взгляды, однако молчал. Зато без умолку болтала Света, не придумавшая ничего умнее, как продолжить обсуждение недостатков уехавшей вчера Анастасии. Очевидно, Света сочла, что я в качестве соперницы стала неопасна, и направила свою тяжелую артиллерию на новый объект, я же из врага превратилась в союзницу. О последнем сужу по обращенной ко мне игривой фразе:

— Ну, она и мерзкая особа! Она ведь даже снилась тебе в ночных кошмарах, правда? Мы, женщины, очень тонко чувствуем других женщин. У нас удивительно развита интуиция.

Не знаю, насколько удивительна моя интуиция, только вся она была посвящена сейчас совсем не Анастасии. Моя интуиция устремилась к человеку, сидящему напротив, и отметила, как вздрогнул он после этого дурацкого сообщения и моего обтекаемого ответа, как затрепетали его ресницы. Почему? Неужели он всерьез любит Лешину жену... теперь вдову... свободную, богатую, красивую женщину? О боже, за что я так наказана?

После завтрака Бэби временно позволила мне отдохнуть.

— Митя удрал в город, ему якобы надо позвонить. Юрий Андреевич смотрит на меня волком, Руслан уехал. Ладно уж, устроим пока передышку, но к вечеру я обязательно что-нибудь придумаю!

Поэтому мы отправились на пляж, купаться и загорать. А за ужином произошло непредвиденное. То есть оно не произошло, а обнаружилось. За ужином отсутствовал Митя.

— А где он? — не выдержав, обратилась ко мне возмущенная Света. — Он тебя не предупредил?

— Нет, — ответила я, — но он ведь и не должен предупреждать. Кто мы ему такие?

Не появился он и поздно вечером. И ночью. Все терялись в догадках, поскольку Митя даже не намекнул никому на свое возможное отсутствие, и все сходились на том, что хотя он взрослый мужчина и имеет право на личную жизнь, не мешало бы что-нибудь сообщать соседям, дабы не волновались. Совершенно на Митю не

похоже, ведь он — воплощенная интеллигентность! Таково было общее решение.

Не появился он и к утру. Ночь я спала плохо, меня терзали кошмары. Я засыпала, падала в пропасть и в ужасе просыпалась. Удовольствие ниже среднего! Однако, помня свой вчерашний прокол с Бэби — я ведь тоже нафантазировала ерунды, а все оказалось в порядке — я ничего не предпринимала. Пусть решают другие!

Другим оказался Арсений.

— Оля, — обратился он ко мне сразу после завтрака, — ты абсолютно не в курсе, где Митя? Я тебя правильно понял?

— Абсолютно, — подтвердила я. — Я очень волнуюсь, но ты же знаешь, я люблю трепать собственные нервы.

— А я не люблю трепать свои, — вздохнув, ответил он. — Поэтому заявлю-ка я администрации. Все-таки почти сутки человека нет, а у нас были убийства. Не нравится мне это!

В результате через часок часов к нам заявился Толик Савченко, немного всех порасспрашивал и вскоре уединился со мной и с Бэби.

— У меня новость, — сообщил он. — Про Анастасию Крылову. Она тебе правильно снилась, Оля!

— Что значит — правильно? — изумилась я.

— Ну, Аня сказала мне, что она тебе снилась, да? Снилось раньше, чем сюда приехала. Я сразу удивился. Не верю я во всякие там чудеса! Думал-думал, и поехал сам в аэропорт. Эту Крылову хорошо запомнили, поскольку она в одни сутки и улетела, и прилетела, представляете!

— Объясни толком, — потребовала недовольная Бэби.

— Ну, утренним рейсом она улетела из Адлера в Питер, а вечером на том же самолете вернулась обратно. Причем все под собственной фамилией, вот дура-то! Просто раньше нам не пришло в голову просмотреть данные не только того самого рейса, но и предыдущих. Короче, она прилетела сюда тринадцатого, а шестнадцатого улетела и сразу прилетела обратно. Каково?

— Потрясно! — констатировала моя подруга. — Теперь все сходится. Ты, Олька, ее случайно встретила, но не обратила на нее внимание. То есть сознательно не обратила, а подсознание твое ее запомнило и выдало во сне. Элементарно! А я тебе почему-то не

поверила и из-за этого попала в ловушку. Хорошо, хоть Толик оказался умнее.

— Потому что он меня не знает, вот и отнесся с полным доверием. А ты много раз сталкивалась с моими фантазиями, тебе было труднее. Слушайте, неужели вы считаете, она прилетала сюда специально, чтобы убить Лешу?

— А зачем еще? — возбужденно осведомился Толик. — Я, например, собираюсь сегодня же докладывать Ильину, потому что все сходится! Она тайком прилетела сюда, подкараулила, но по ошибке вместо мужа убила этого несчастного Кузнецова. Только она — дамочка не промах, она не испугалась! Подождала денек и снова за свое. А потом улетела, сразу вернулась обратно и принялась изображать безутешную вдову. За придурков нас держит!

— Не больно-то она ее изображала, — возразила я. — И прилетала под своим именем. Неужели она сделала бы это, если б собиралась убивать?

Бэби кивнула:

— Может, и не собиралась. Прилетала на тебя посмотреть. В смысле, решить, насколько у Лешы все с тобой серьезно. Поняла, что серьезно, и убила. Стихийно.

— А откуда она вообще могла узнать?

— Руслан позвонил. Позвонил и наклеузначал. Он ведь в нее влюблен, вот и захотел увести. Мол, муж тебя бросает, а я верно жду. А она, не будь душой, предпочла не его, а денежки.

— Я не верю! Тогда она вела бы себя иначе.

— А в кого веришь? В Руслана? В Митю? В Юрия Андреевича?

Я не нашлась с ответом, вместо этого попросила:

— Толик, раз у меня правильные сны, давай сходим со мной в одно странное место. Митя очень его любил и часто там бывал. Это недалеко, в горах.

Я боялась, что не сумею найти то ущелье, куда однажды привел меня Митя, однако нашла. Во второй раз оно показалось мне еще красивее, чем в первый. Я заглянула в бездну, разверзшуюся под ногами.

— Толик, посмотри! Мне чудится?

Живое воображение часто шутит со мною, и я вижу человеческие фигуры вместо кустов или груд камней. Но теперь я не ошибалась. На

дне лежало неподвижное тело.

Глава 27. Тайна Бэби

Сомнений не оставалось — Митя был мертв уже около суток. Его тело достали и предъявили для опознания. Никаких следов насилия обнаружено не было. Просто камень сорвался под ногой, и человек упал в бездну, не успев даже понять, что произошло. Так заявил майор Ильин, присовокупив нечто о наших нервах, взбудораженных двумя убийствами, и о необходимости в подобном состоянии проявлять особую осторожность и аккуратность. Я своими глазами видела труп, что не мешало мне не верить в его реальность. Не верила, и все тут.

Бэби держалась поразительно спокойно и поразительно пассивно. Я отвела ее в домик, и она покорно шла. Там она села на кровать, все такая же спокойная, и слезы градом потекли по ее неподвижному лицу. Они текли действительно градом, одна за другой скатываясь на футболку, и оставляли мокрые следы.

Я растерялась. На моей памяти подруга не плакала ни разу. Я — я да, и нередко, а вот она ни разу. Страшное подозрение зародилось в моей душе, и я спросила:

— Бэби, ты что, его по-настоящему любила, да?

И тут она всхлипнула и начала задыхаться. Я однажды была свидетелем приступа астмы, это было очень похоже. Задыхаясь, Бэби судорожно и быстро, с трудом произнося слова, говорила:

— А что, по-твоему, я уже и полюбить не могу, да? Бэби железная, да? Железобетонная, я знаю! Вам всем чего-то от меня надо, все вы требуете, требуете. Сделай то, сделай се, ты такая сильная, Бэби, ты все можешь, ты должна, тебе ничего не стоит, будь нам опорой! Вам всем бывает тяжело, только мне не бывает, да? Всем бывает плохо, только я одна не должна показывать виду. И хоть раз бы кто-нибудь сказал: «Бедная девочка, ты так устала, давай, я тебе помогу, давай, я сделаю вместо тебя, давай, я стану тебя защищать, а ты отдохни немножко». Никто, никогда! Я должна быть всегда права, потому что все ждут от меня этого, ждут и знают, что я все для них сделаю, и надеются, и я все кручусь, и бьюсь, а так хочется бросить все и довериться кому-нибудь, чтобы он решал за тебя, и вел тебя, и думал вместо тебя, а всегда получается наоборот, я не знаю, почему, просто я

такая невезучая дура, и вот этот Толик тоже все ждет, чтобы я ему велела, объяснила, смотрит в рот, а я устала, устала!

Она на мгновенье остановилась, и за это краткое мгновенье ее возбуждение угасло, сменившись равнодушием столь полным, что, казалось, даже говорить стало тягостным, из-под палки совершаемым трудом.

— Митя решал все сам, — тихо и невыразительно продолжила Бэби. — Он такой был единственный, и больше такого не будет. Его не надо было защищать, им нельзя руководить. Рядом с ним я чувствовала себя глупой и слабой и знала, что имею на это право. Он сказал мне однажды, еще в поезде: «Даже самой сильной женщине надо на кого-то опереться». Он понимал меня, я знаю. Он пожалел бы меня, если бы не ты. Он единственный на свете, кто пожалел бы меня, и я б на него не обиделась за это, потому что он действительно сильнее. Впрочем, это все уже неважно. Все кончено.

— Но почему тогда... почему ты не... не пыталась... то есть...

— Потому что он не любил меня и не полюбил бы никогда. Никогда, не при каких обстоятельствах.

Она слабо махнула рукой и уставилась в пространство перед собой неподвижными глазами. Я смотрела на подругу и не узнавала ее. На кровати сидело страшное, невероятное существо. Оживший манекен, восковая фигура. Я всегда считала Бэби очень хорошенькой, почти неотразимой. Теперь я впервые могла оценить ее внешность объективно. Правильные кукольные черты лица без малейшей самобытности, скучные и невыразительные. Неотразимость, как выяснилось, им придавал некий внутренний огонь, теперь угасший. Огонь яркой, сильной, неутомимой души. Представьте себе, например, прекрасный дворец, в котором проходит бал. Пылают свечи, кружатся пары, звучит чудесная музыка, и дворец словно прилетел к нам из волшебной сказки. И вдруг в единый миг обстановка переменилась. Темнота, пустота, тишина. Даже не так! Выбитые окна, сломанные двери, мусор на полу. И оттого, что помнишь дворец этот совсем другим, сейчас он ужасает вдвойне.

Ледяной холод охватил меня. Три раза за последние дни я сталкивалась со смертью, но ни разу еще облик смерти не представал передо мной в такой откровенной наглядности, в такой обнаженности

самой своей сокровенной сути. Была бьющая через край жизнь, а стала смерть. Вот она, я ее вижу!

— Что я могу сделать для тебя, Бэби? — спросила я. — Чего ты хочешь?

— Хочу умереть, — равнодушно ответила она, почти не шевеля губами, легла и отвернулась к стенке.

Меня будто ножом полоснуло. Она не имела права так отвечать! Она не имеет права вести себя так! Это неправильно, это невозможно! Бэби не смеет хотеть умереть, она не такая! Я подбежала, схватила ее за плечи, повернула и принялась зачем-то трясти. Она не вырывалась, вообще не реагировала никак, словно тряпичная кукла.

— Митю убили! — заорала я, вне себя. — Его убил тот же, кто и остальных, понимаешь? Неужели тебе все равно? Убийца сделал это и теперь доволен, понимаешь? Неужели тебе все равно? Надо что-то делать!

— Ничего не сделаешь, — спокойно возразила Бэби.

— Нет, сделаешь! — продолжала орать я, не в силах остановиться. — Сделаешь, и я сделаю это! Я найду убийцу и накажу его, я даю тебе честное слово! Я клянусь, что я... что я... — мне было трудно придумать нечто подходящее, и я завершила: — Я клянусь, что не напишу больше ни строчки, пока не сделаю этого! Ни стихов, ничего! Ничего, пока я не найду убийцу и не накажу его!

Я остановилась в изнеможении. Силы оставили меня. Если б я целый день таскала тяжелые камни, вряд ли я чувствовала бы себя более усталой.

— Дура, — без выражения прокомментировала Бэби. — Ты не умеешь не писать.

— Да, — согласилась я, — но придется. Я дала слово.

Я вглядывалась в чужие, мертвые черты, и что-то смутно знакомое стало проступать в их каменной неподвижности. словно в том самом заброшенном, разрушенном дворце зажглась маленькая тусклая свечка. Она не способна осветить даже самой жалкой каморки, но ее колеблющийся огонек дает надежду. Огонек горит, значит, люди могут вернуться.

— Талантом нельзя бросаться, — мрачно и холодно уведомила меня подруга. — Он обидится и исчезнет навсегда. Так бывает.

— Бывает, — кивнула я, — только ничего уже не поделаешь. Я дала слово. Ты права, Бэби. Ты делала для меня все, а я ничего. Я ничего и не умею, я знаю! Я ничего не могу предложить тебе, чтобы тебе стало легче. У меня есть только талант. Я отдаю его.

— Он мне не нужен.

— А тебя не спрашивают, — оборвала я. — Я скоро вернусь.

Я знала, что мы не останемся здесь больше, завтра же мы улетим домой. Прежде, чем сделать это, я должна была уточнить одно обстоятельство. Уточнить на свой страх и риск, по собственному глупому разумению. Хитрости мне по-прежнему недоступны, зато исчезло привычное смущение. Нет, оно не исчезло, оно все еще при мне, просто я не намерена и далее с ним считаться. Есть вещи, которые ты совершаешь, не считаясь ни с чем и ни с кем, включая себя самое.

Я постучала в дверь.

— Да? — голос Юрия Андреевича звучал преувеличенно ровно.

Я зашла, села, посмотрела в напряженные глаза и повторила про себя фразу, произнесенную им над телом бедного Леши. Он сказал тогда: «Все-таки случилось». Сказал со странной покорностью судьбе. Теперь же покорности не было в помине, а была почти каменная жесткость.

— Что, Оля? — язвительно спросил он. — На мне цветы не растут и узоров нет.

— Вы не убивали Лешу, а Митю убить просто не могли бы, — не сводя взгляда с напряженных, кипящих болью глаз, немеющими губами прошептала я. — Он слишком хороший, чтобы вы могли сделать это. Вы не делали этого, да?

Напряжение моего собеседника мгновенно исчезло, сменившись растерянностью, даже недоумением.

— Я? — изумился он. — Оленька, опомнись, бедная!

Он тут же смолк, закусив губу. Я воскликнула:

— А Вадик тем более не мог! Он другой. Он совсем не мог! Вы нашли тело Петра Михайловича, приняли его за Лешино и решили, что его убил Вадик, да? В тот момент мы с вами и встретились. Я хорошо помню это. Но Вадик не при чем. Вадик, объясни ему, что это не ты, успокой его!

Я обернулась к Вадиду, и тот ошеломленно выдавил:

— Э... я... ты чего? Я тебе чего, типа псих, что ли? У тебя чего, крыша поехала?

Он пожал плечами, потянулся за сочувствием к отцу, и тут, увидев нечто в его лице, гневно выкрикнул:

— Ты чего, и вправду думал, я убийца? Говори, ну!

— А что я должен был подумать? — холодно осведомился Юрий Андреевич. — Зная твою горячность и...

— Ты! — Вадик вскочил, опрокинув стул. — Ладно, кто-нибудь посторонний, а ты! Еще отец называется! Ты думал, я убийца! Ты мог! Как ты мог? Мама бы тебе показала, если б узнала! Да она бы плюнула на тебя, вот что! По-настоящему! Взяла бы и плюнула!

Похоже, эта смешная картина так и стояла у уязвленного Вадика перед глазами, наполняя мрачным удовлетворением.

— Но ты при мне грозил, что сделаешь это... — Голос отца впервые зазвучал жалко и нервно. — Ты ведь грозил, что убьешь... и...

— Я грозил, что убью Петра Михайловича? Да когда? Ты чего?

— Не Петю — Лешу. Когда я увидел тело, я сразу решил, это Леша. И что это мог сделать ты. Ты ведь ходил там рядом! Потом оказалось, это Петя. Но ты вел себя так странно, и я подумал... ты тоже мог ошибиться в темноте... а потом это второе убийство... я старался следить за тобой, чтобы помешать тебе, но не уследил... я был готов на все, лишь бы отвести от тебя подозрение... я боялся спросить тебя прямо, но я видел, что ты врешь милиции... Зачем ты врал, если не виноват?

— Потому что ты вел себя странно! — возмутился Вадик. — И ты врал! Я и решил, тебе это зачем-то надо. Я вовсе не думал, что ты убил — я же не псих какой! — но раз ты стал темнить, то и я. А когда наврешь, отступать нельзя... а ты считал все это время, что из-за каких-то паршивых баксов я убил человека! Да я теперь минуты с тобой вместе не пробуду, понял? Ты мне теперь хуже чужого, понял?

«Бэби объяснила бы, что Вадик холерик, — подумала я. — Наболтал в сердцах и успокоился, и забыл совсем. А Юрий Андреевич сангвиник, у сангвиников совершенно другие реакции. Человек часто ошибается, судя о людях другого темперамента по себе. Например, сам Юрий Андреевич что сказал, то и сделал, такой уж у него склад, поэтому он считает, что и сын такой же. Вот что объяснила бы мне Бэби».

Слушать дальнейшие оправдания счастливого отца я не стала, тихонько покинув помещение. Тем более, меня ждало новое дело. Мне был нужен Толик Савченко.

— Толик, — обратилась я к ошарашенному парню, оторвав его от каких-то бумаг, — нам с Аней надо завтра же улететь домой. Ты ведь сумеешь достать для нас билеты на самолет? У милиции наверняка есть специальная бронь. Кстати, у нас, наверное, не хватит денег, но ты, я думаю, одолжишь? Мы тебе их вышлем, как только прибудем в Петербург, сразу же. Договорились?

— А... а вам точно надо... и завтра же?

— Да, — кивнула я, — точно. Я не могу оставаться здесь ни дня.

Он неуверенно заметил:

— Ты имеешь в виду... у тебя ведь с Гагариным было... то есть, вы с ним...

— Да, у нас был роман, — не колеблясь, подтвердила я, — поэтому я не в состоянии продолжать отдыхать здесь после случившегося. Я должна вернуться домой.

— А Аня... она, может, останется? Ей будет интересно. Ты знаешь, — Толик оживился, — я ведь рассказал майору про Анастасию Крылову, и он меня похвалил. Эти двое задержанных упорно все отрицают, майору это не нравится. А то, что Крылова тайком сюда прилетала, очень веская улика. И мотив у нее есть, и возможность! И проживает не на нашей территории, это для майора самое важное.

— Проверь, пожалуйста, — попросила я, — не прилетала ли она еще и вчера. Или не она, а Руслан Касимов. Обязательно проверь!

— Ты думаешь, Гагарина тоже убили... то есть... ты извини, что я так...

Я вздохнула:

— Ничего, не волнуйся, говори спокойно. Да, я думаю, его столкнул в пропасть тот же человек. Митя догадался, кто он. Митя не зря звонил вчера по междугородке. Этот человек прилетел и убил его. Другой вопрос, что пользоваться собственным паспортом при покупке билета было б совсем глупо, но проверить все-таки надо.

— Я проверю.

— Скажи, — продолжила я, — среди Митиных вещей был такой большой черный блокнот? Блокнот с записями.

— С записями — точно нет, я бы запомнил. А что?

— Просто я его однажды видела. А в домике вы искали?

— Ну, мы забрали все его вещи, и я внимательно их смотрел. Никакого блокнота нет. Так Ане точно надо ехать? Мы бы с ней продолжили расследование. Я считаю, — Толик понизил голос, — она — моя муза. Она меня вдохновляет. Все замечательные мысли по расследованию приходят мне в голову именно при разговоре с нею!

«Потому что именно она эти мысли тебе в голову вкладывает», — подумала я, а вслух сказала: — Теперь расследование, наверное, переместится в Петербург?

— Да, наверное, — хмуро кивнул Савченко. — Крылову уже взяли под контроль, этих двоих вот-вот выпустят. Но, если б тут была Аня, мы бы с нею...

— А ты потребууй, чтобы тебя послали в командировку в Питер, — предложила я. — Ведь ты лично почти раскрыл все дело, так что имеешь право довести его до конца. Без тебя никто б ни о чем не догадался!

Толик оживился было, однако тут же сник.

— Майор не пошлет. Ему плевать!

Я посоветовала:

— А ты приставай к нему понастойчивее! Он, кажется, выше всего ценит спокойствие. Если он поймет, что спокойнее послать тебя в командировку, чем вечно выслушивать твои справедливые упреки, то и пошлет, это точно. Так что я надеюсь, мы скоро встретимся с тобою в Петербурге. Вот тебе мой домашний телефон. А завтра утром я жду билетов, договорились? Спасибо!

Я вернулась домой. Бэби по-прежнему лежала на кровати лицом к стене и на мое сообщение о предполагающемся отъезде среагировала вяло. Я сама собрала и свои, и ее вещи, а потом легла спать. Мне предстояло рано встать, поскольку было необходимо проверить одно странное предположение.

Глава 28. Тайна Мити

Рано утром я была на месте. Место это я ненавидела лютой ненавистью, однако не в силах была не прийти. Глянув в страшную пропасть, где совсем недавно видела бездыханное тело любимого человека, я немного поплакала, но долго позволить себе подобной роскоши не посмела. Слезы еще текли по лицу, а я уже представляла, что я — это вовсе не я. Я теперь Митя. Я назначила здесь встречу с подозреваемым в убийстве. Подозреваемым, но знакомым и близким, поэтому представляющимся неопасным. Трудно всерьез поверить, что некто, с кем ты весело болтал, сидя за одним столом, — страшный преступник. Итак, я оказалась в ущелье первой и присела, привычно любуясь пейзажем. При мне блокнот. Разумеется, при мне, ведь в домике его потом не обнаружено, а убийца забрать из домика не мог — слишком рискованно. Я вынимаю блокнот и пишу. Звучат шаги. Я прячу блокнот — в карман? Нет, вряд ли. В кармане ведь его тоже не было! Или мерзавец умудрился вырвать блокнот прямо из рук или вытащить из кармана? Не верю! Подобное явно насторожило бы Митю, и он бы не стал поворачиваться к врагу спиной, становясь легкой добычей. А лицом к лицу Митя победил бы, не позволив столкнуть себя в пропасть! Значит, я прячу столь дорогую мне вещь... куда же? Так, где здесь самое уютное местечко?

Я обнаружила крайне удобный валун и присела на него. Значит, я сижу, пишу, слышу шаги... рука тянется вот сюда, прямо-таки идеальный тайник между камнями... а в нем — о боже! — а в нем действительно лежит черный блокнот.

Я взяла его и раскрыла. Читать чужое нехорошо, я знаю. Только я не всегда делаю то, что хорошо. Более, чем не всегда! Я прочла.

На первом листе имелось заглавие: «5. Анечка и Олечка». Правда, перечеркнутое и исправленное на короткое «Оля». А далее шел текст.

10.07. Так и знал, что мне повезет! Сейчас я еду в поезде в тот самый пансионат, где мы с Лехой отдыхали когда-то студентами. Впрочем, везение, разумеется, не в этом, хотя я уверен, что пари свое выиграю. Везение в том, что прямо в

моем купе пребывают два очаровательнейших существа женского пола, и — о чудо! — направляются туда же. Конечно, я с легкостью нашел бы подходящую кандидатуру непосредственно на турбазе, но эти две девочки уж очень милы, чтобы просто так с ними расстаться. К тому же они — подруги, что делает задачу куда более интересной. Итак, я твердо решил — этот мой дневник будет посвящен им. Анечке и Олечке. Впервые в заголовке стоит не одно имя, а два. Я по-прежнему в восторге от своей идеи. Пушкин составил Дон-Жуанский список из имен своих пассий, и потомки до сих пор с упоением его разбирают. Однако насколько интереснее было бы, если б он сообразил не ограничиться именами, а подробно рассказать всю историю обольщения. Есть ли что-нибудь более увлекательное, чем рассказ о том, как чужая, независимая поначалу женщина подчиняется тебе и становится твоей? Конечно, я не Пушкин и не рассчитываю на то, что когда-нибудь мои записи будут разбирать толпы жадных литературоведов. Однако и самому почитать их в компании приятелей доставляет огромное удовольствие — снова пройти по всем этапам, снова оценить собственную изобретательность и проницательность. А еще приятнее, полагаю, будет перечитывать эти записи много лет спустя. Хотелось бы знать, сколько их наберется?

Но возвращаюсь к своим баранам — вернее, овечкам. Им по двадцать лет, обе студентки филфака. Анечка хорошенькая, как ангелочек, прямо до неправдоподобия, однако внешности ее не хватает своеобразия. Подруга зовет ее Бэби, и это метко. Олечка заведомо менее хороша, зато в ней есть некий шарм. Она кажется младше и явно не достигла еще своего расцвета. Тоненькая, высокая, с бесконечными, но слишком худыми пока ногами и недостаточно развитой, хотя приятной формы грудью. Думаю, лет через пять она похорошеет, только вряд ли мне захочется лично в этом убедиться. Анечка же, полагаю, надолго сохранит свой нынешний очаровательный облик. Короче, выбрать было бы сложно. Я и не собираюсь выбирать! Мне нужны обе. Самое смешное, эти дурочки

искренне возомнили себя подругами. Женская дружба — от подобного сочетания всякий разумный человек начинает хохотать. Не пройдет и нескольких дней, как мои кроткие овечки забудут про обоюдные нежные чувства и станут так друг друга ненавидеть, что оставлять их наедине будет небезопасно. Что я, не знаю женщин? Их так называемая дружба длится ровно столько, сколько им нечего — или некого — делить, и выражается исключительно в постоянной болтовне.

Теперь о характерах. Ведь я признаю, что даже у женщин, помимо приятных или менее приятных форм, имеются характеры. Анечка явно главенствует в паре, она умна, предприимчива и практична. Олечка пассивно подчиняется, витая в романтических облаках. Таким образом, если б речь шла об одной из них, все равно какой, стратегия была бы понятна. Анечке поднадоело быть ведущей, и она легко клюнет на имидж сильного мужчины, прикрывающего ее своей широкой спиной. Другой вопрос, что жить постоянно с подобным типом она бы не смогла, но об этом речь не идет, речь о двух неделях отдыха. Я уже вижу, как нежно, но властно привлекаю ее к себе, произнося: «Дорогая, никто, кроме меня, не в состоянии понять, что в глубине души ты самая тонкая, самая ранимая, самая нуждающаяся в защите и ни на кого не похожая». В общем, какая-то такая тягомотина. Девочка тает, и можно ложиться в постель, тем более, ей не впервой.

Что касается Олечки, почти убежден, что она девственница. Это не сулит больших удовольствий, зато приятно морально. Я люблю во всем быть первым, и данный вопрос — не исключение. Как бы там ни было, с Олечкой основная идея тоже проста. Надо изображать прекрасного принца, бедная дурочка верит в их существование. Небольшая загвоздка в том, что принцы не укладывают в постель, а сразу ведут в алтарь, но если сыграть вихрем налетевший порыв неодолимой страсти, девочка не устоит и даже не успеет удивиться. Главное, правильно выбрать место для неожиданного порыва, чтобы было куда с удобством

прилечь. Учитывая отсутствие у партнерши опыта, следует обязательно предусмотреть удобство и уединение, первый попавшийся колючий кустик может испортить все дело, а вторичная попытка пройдет гораздо сложнее, поскольку в Олечке может проснуться разум. Полагаю, даже у нее есть разум хоть в каком-то количестве.

Короче, каждая в отдельности была бы легкой задачей, но я усложняю ее, намереваясь получить сразу обеих. Проблема в том, что девочки понимают друг друга с полуслова, а иногда вовсе без слов, поэтому нельзя ухаживать за одной в надежде, что другая не узнает. Узнает. И, похоже, они не из тех, кто захочет делиться. Особенно Олечка. Нет, о том, чтобы Олечка сознательно согласилась жить втроем, пока даже речь идти не может, это точно! Ей до этого еще расти и расти. Значит, остается ревность. Ревность — великое чувство, оно горы воротит. Главное, соблюсти равновесие. Надо, чтобы каждая в какой-то момент считала именно себя моей избранницей, почти убедилась в этом — и тут испытала страшное разочарование, увидев, как я начинаю переключаться на подругу. При этом уверенности не должно быть ни у одной, девочек следует держать в состоянии неопределенности. Женщина долго подобного не вынесет. Она возненавидит коварную разлучницу-подругу и сама бросится ко мне на шею, дабы оказаться первой. Если я подгадаю, чтобы они созрели практически одновременно, дело мое в шляпе.

11.07. Пожалуй, мне больше нравится Анечка. Она очень меня смешит. Практичная девочка, подобно мне, сумела дойти до мысли о силе ревности, но за отсутствием достойных кандидатов вынуждена охмурять нелепого толстого разиню Петю, который едет с нами в одном купе. Петя купился в два счета, Анечка работает с ним высококвалифицированно, и я просто наслаждаюсь представлением, предназначенном для меня, любимого. Видимо, с Анечкой я выбрал более, чем верный тон, и задел ее сердечко очень сильно, иначе она не стала бы так стараться. Что ж, временно делаю крен к Олечке и

демонстративно отдаю ей предпочтение, пусть Анечка пострадает, ей полезно. Женщины обожают страдать от разбитого сердца, это придает их жизни смысл. Руслан как-то сообщил мне, что по мусульманским верованиям у женщин вообще отсутствует душа, как у животных, и что те и другие призваны делать более приятной жизнь мужчины в минуту отдыха. Не могу согласиться — душа есть. Когда я смотрю в прозрачные Олечкины глаза, я почти вижу за ними нечто странное и изменчивое, типа ряби на воде, что, наверное, и следует называть душой. Другой вопрос, что глупо было бы требовать от женщины всей тонкости душевных движений, доступной лишь нам, мужчинам. Женщина живет инстинктами, а не разумом, именно поэтому ею так легко управлять.

Впрочем, и мужики порой не лучше. Петя млеет, как последний дурак. Представляю его зависть, когда он обнаружит, что куколку получил не он, а я! Решено — если придется выбирать, это будет Анечка.

12.07. Потрясающая новость — Лешик совершенно обалдел от Олечки! Нет, я ожидал, что он заведет здесь роман, это было очевидно, на этом я в большой степени и строил свой расчет выиграть пари. Мы с Лешиком поспорили, сильно ли он изменился за последние годы, когда раскрутился и разбогател. Он терпеть не может, когда его называют новым русским, именно поэтому я часто словно невзначай так его называю. Жизнь вообще — странная штука. Когда мы учились, его дразнили моим Санчо Панса. Он бегал за мною, как собачонка, и смотрел мне в рот. Учился он отвратительно, а я блестяще, да и вообще у меня все складывалось блестяще, а он, если б не я, просто вылетел бы из института и загремел в армию. И вот постепенно, год за годом, ситуация перевернулась. Лешик вошел в силу. В его подчинении куча народу, которые выполняют любую его прихоть. Я сам видел, он у себя — царь и бог, прикажи он подчиненным работать, стоя на голове, они и не пикнут. А денег у него столько, что он не знает, куда их девать, разве что приобрести остров в Карибском море. Я же горбачусь в

этой чертовой инофирме на чужого дядю. Дядя платит неплохо, даже хорошо, но до острова в Карибском море мне далеко, как до неба. Да дело и не в деньгах! Лешик заманивает меня к себе и обещает платить куда больше. Совсем обнаглел — звать *меня* работать под его руководством! Да меня тошнит при одной мысли об этом! Меня тошнит даже просто оттого, что какой-то Лешик сам себе хозяин, себе и другим, а надо мною есть начальство, имеющее право мне приказывать. Дело не в том, мешает мне это начальство или нет, возмущает несправедливость. Я умнее в сто раз, образованнее, проницательнее, да все во мне лучше, чем в нем, и тем не менее он занимает положение выше. Чего там скрывать — выше. Одно утешение — Лешикуну пришлось за это заплатить. Он оказался совершенно в другом кругу, и круг этот заставляет его деградировать, это точно! Я вижу это. Изменились манеры, изменилась речь, упростился внутренний мир. Теперь трудно было бы поверить, что Лешик — человек с высшим образованием, а не выпускник заштатного ПТУ, и я честно сказал ему это. Он возмутился, слово за слово, и мы поспорили, что, вернувшись на короткое время в свое старое окружение, он не сумеет там адаптироваться, не сумеет даже на две недели притвориться нормальным человеком, а выдаст себя. Ему только кажется, что он тот же, каков был раньше, что в любой момент легко вернется к прежней жизни, на самом деле изменения в нем необратимы. Мы вспомнили, как в студенческие годы отдыхали на турбазе Корабелки, и сама собою возникла мысль о ней как об идеальном полигоне для испытания. Руслан и Настя разбили руки, пари было заключено.

Впрочем, я отвлекся. Мой дневник посвящен исключительно прекрасным дамам, а не жиреющим от неправильного питания мужикам. Но, поскольку одна из моих прекрасных дам привлекла внимание Лешика, следует указать на такой момент. Лешик всегда был слаб до баб. Он не понимает их и не умеет с ними обращаться, поэтому раньше вечно сох по какой-нибудь длинноногой красотке, не

надеясь на взаимность. Потом стал богатеть, и за него вышла Нинка, которая в институте даже смотреть на него не хотела. Теперь вот сменил Нинку на Настю, только изменяет ей направо и налево. Грубо говоря, он типичный примитивный кобель. Я не сомневался, что на турбазе он тут же приклеится к подходящей темпераментной дамочке, а она, не будь душой и не в курсе скрытых богатств кавалера, предпочтет ему другого. Это вызовет взрыв, и Лешик раскроет себя. Он совершенно не умеет владеть собой, не в силах выжидать, а вечно впадает в умопомрачение и азарт. Короче, за исход пари я не опасался, просто хотелось получить максимум удовольствия, наблюдая за поведением этого дурака. Но такой глупости я не ожидал даже от него!

На базе полно темпераментных дамочек, которые по всем расчетам должны были Лешика привлечь. Он обычно, сам того не ведая, выбирает хитрых стерв, а подобного добра везде навалом. Но выбрать юную дурочку, которая никогда, ни при каких обстоятельствах не ляжет с ним в постель — это выше моего разума! Я даже помыслить не мог, что его способен привлечь данный тип. Ничего особенного в Олечке нет, и на улице ей вслед вряд ли кто обернется, а что касается характера, то ничего менее подходящего для Лешика подобрать нельзя. Девочке нужны романтические иллюзии, и, боюсь, она не расстанется с ними ни за какие деньги, даже за остров в Карибском море. Что ж, тем лучше! Лешик убедится, что есть вещи, которые недоступны для него, зато с легкостью сами падают мне в руки. Пусть он побьется за милую крошку, пусть помучается, ему полезно, а потом увидит ее моей. Это поставит его на место.

Я вернулся с пляжа, где хорошенько Олечку рассмотрел. Она гораздо привлекательней, чем показалась мне на первый взгляд, пожалуй, даже привлекательней своей хорошенькой подруги. У нее удивительно гладкая, нежная, тонкая кожа. Когда я прикасался к обнаженной коже этой девочки — случайно, как вы сами понимаете, и совершенно невзначай! — я испытывал огромное наслаждение. Откровенно говоря, даже с трудом сдерживался, чтобы

всерьез не приласкать, но твердо знаю, что пока рано. Девочка не созрела, и не следует давать ей уверенности в моих намерениях. Наоборот! На пляже была очередь Анечки пользоваться моим вниманием, и она впитывала его с упоением, хоть и притворялась равнодушной. Петя надулся, но я и его намерен пристроить к делу. За ним ухлестывает некая Лида, еще не потерявшая свежести особа лет сорока, которую, впрочем, сильно портит отсутствие нескольких зубов и присутствие нахального сына. Это для Пети, что называется, синица в руках, и это скучно. Ну, женит она его на себе, ну, народят еще кого-нибудь — нет, я не люблю, когда события текут своим примитивным чередом, не завися от моей воли. Я предпочитаю сам ими управлять. Пусть Петя погоняется за журавликом в небе, за юной Анечкой, которая рано или поздно достанется мне. Но для этого надо, чтобы он не утратил к ней интерес, а интерес, как известно, практически невозможен без надежды. Анечка же, убедившись, что ревностью меня не проймешь, отваживает Петю с тем же жаром, с каким раньше приваживала (впрочем, она вкладывает подобный жар во все свои начинания). Это не годится! Надо сообщить Пете, что Анечка им увлечена, но стесняется это проявить. Петя настолько самоуверен, что не усомнится. Большинство мужчин вообще в данном вопросе до смешного самоуверенны.

Однако вернемся к Олечке. У нее чудесные глаза, длинные и прозрачные, а их цвет я бы назвал цветом моря. Он постоянно меняется от серого к голубому или зеленому, то темнея, то светлея, поэтому смотреть в ее глаза — увлекательнейшее занятие. К тому же девочка при этом так мило смущается, словно я как минимум прилюдно ее раздел. У нее вообще вечно меняется выражение лица, некие непонятные, а иногда и понятные чувства мелькают там постоянно, и это завораживает, как движение волн. Кстати, очень интересно было бы посмотреть на нее плачущую. Какого цвета при этом будут ее милые глазки? Наверняка совершенно необыкновенного.

Чем-то Олечка напоминает мне русалочку. Она тоже вполне может отказаться от человеческой речи, и это не помешает ее общению с окружающими благодаря умению говорить без слов. Нет, Лешик не зря толчется около нее, словно ручной медведь, и неуклюже старается преуспеть — девочка и впрямь хороша. Пожалуй, вчера я ошибся — при необходимости выбора разумнее будет предпочесть ее. Анечку я вижу насквозь, с нею все ясно, а Оля не так очевидна, как казалось на первый взгляд. Бедный Лешик! Он ни разу еще не сталкивался с подобным поведением. Моя русалочка как будто понятия не имеет о том, что такое кокетство, и лишена естественного женского желания приберечь для себя даже того мужчину, который ей даром не нужен. Она с простодушной откровенностью отвергает его, при этом искренне боясь обидеть. Она вообще, похоже, все делает искренне. О, кажется, я нашел формулу! Анечка все делает с жаром, а Оля искренне. И одно, и другое — редкость, так что мне действительно с обеими повезло.

Пишу перед сном. Новость дня — Лешик сделал Оле предложение. Правда, он не уверен, что она вполне его поняла, однако утверждает, что сам был серьезен и что твердо намерен жениться. Он даже не пытался предварительно уложить ее в постель — это мой-то Лешик, который вообще не представляет, что еще можно делать с женщинами, кроме траханья и хвастовства перед другими дураками! А Олей в его кругу не похвастаешься, это понимает даже он, хоть и мнит ее необыкновенной красавицей. До красавицы же ей далеко, как до неба. Зато, откровенно говоря, она сегодня потрясла меня другим. Как ни удивительно, она талантлива.

Я знал, что она сочиняет песни, но не ожидал ничего особенного. Ну, что напишет романтическая девочка? «Любовь-кровь» и тому подобная белиберда. У меня с собой гитара, и я специально продумал, что именно спеть, чтобы окончательно очаровать обеих красоток. Спел, очаровал — это не хвастовство, это было видно невооруженным глазом. А потом спела она. Трудно поверить, что подобное сочинила

женщина! Женщины по природе своей поверхностны и стандартны, а Олины стихи отнюдь не таковы. Они проняли даже Арсения, а ведь тот интеллектуал. Значит, вот какие мысли и чувства заставляют меняться эти красивые глазки, кто б мог подумать? Вот тебе и наивность, вот и простота! Я чувствую себя почти задетым. Если б я умел сочинять, хотел бы сочинить именно такое. Двадцатилетняя девчонка, уму непостижимо! У Лешика-то, пожалуй, есть чутье. Он тут пел дифирамбы, какая она необыкновенная. Еще не просек, что я перебежал ему дорогу. Моя русалочка ведет себя очень... нет, не сдержанно, это не то слово, но с неким достоинством, не позволяющим окружающим заметить ее чувства ко мне. По крайней мере, Лешик пока их не заметил, вот и изливал мне душу. Так он уверял, что она — самое удивительное и самое хорошее человеческое существо, которое он в состоянии себе представить. Я скептически осведомился, не полагает ли он, что господь, узнав о ее существовании, тут же отменил бы всемирный потоп, и Лешик, не заметив иронии, обрадовано согласился, что примерно это и имел в виду. Я не предполагал, что он способен настолько потерять голову! Оля — очаровательная крошка, однако его восторги сильно превосходят реальную действительность.

13.07. Я сейчас проснулся и вдруг подумал — а на кой черт мне сразу две? Много ли в том радости? К тому же появляется риск. Оля так привыкла уступать во всем подруге, что как бы не решила уступить ей и теперь. Нет, не стоит валять дурака. Решительно отставляем милую Анечку в сторону и меняем заглавие. Оля. Только Оля! Лешик разговаривает со мной сквозь зубы — похоже, до него, наконец, кое-что дошло. Приятно, черт возьми!

14.07. Вчера ночью убили Петю. Зарезали. Мерзкая история! Милиция полагает, это сделали местные парни, с которыми наши вчера подрались. Я драки не застал и не могу о ней судить, но настроение паршивевшее. Бедный Петя, может, и подрался-то впервые в жизни, и сразу так поплатиться! Вопиющая несправедливость. Есть на свете невезучие люди — вот, он из их числа. Неимоверно его жаль.

Теперь про Олю. Я же пишу не дневник своей жизни, а дневник отношений с нею. Мое желание увидеть русалочку плачущей осуществилось, однако данное удовольствие явно себя не оправдало. Оля вообще переживает гораздо сильнее, чем это полагалось бы. У нее детская склонность драматизировать события. Впрочем, она и есть ребенок. Вбила себе в голову всякую чепуху, будто в чем-то виновата, и смотрит на нас глазами раскаявшегося убийцы. В такой ситуации как-то неприятно тащить девочку в постель. Пусть хоть немного успокоится, подожду. Время еще есть.

15.07. Погуляли с нею по парку. Убежден, что влюблена в меня до крайности, и тем не менее с нею надо держать ухо востро. У Оли повышенная чувствительность к фальши. Стоит мне попытаться применить какой-нибудь стандартный ход, произнести навязшую в зубах фразу, из тех, что действуют на баб безотказно, как она вскидывает на меня свои прелестные глаза в таком недоумении, что я теряюсь. Повезло, что Оля действительно мне очень нравится, так что в основном притворяться не приходится. Надо лишь скрывать одну часть своих чувств и демонстрировать другую, вот и все.

16.07. Вчера ночью убили Лешку. Вроде, те же местные парни. Страшно представить! Еще недавно он был жив, ухаживал, напивался, заключал пари, а теперь убит. Бедный Лешка! Дернул же меня черт заманить его сюда. Впрочем, свои мысли по этому поводу я записывать не намерен, оставляю их при себе. Записи относятся к Оле, и я не собираюсь, что бы ни произошло, менять своих решений и позволять судьбе диктовать мне, как себя вести. Я умею владеть собою и обстановкой, и я продолжаю писать.

На Оле просто лица нет. Неожиданно провел ее на свое любимое место, оно всегда меня успокаивало. Ей понравилось. Вообще-то, место очень подходит для осуществления моих намерений, уединенное и романтическое, а русалочка выглядела такой покорной, что вряд ли стала бы сопротивляться, но что-то меня удержало. Похоже, игра доставляет мне столько удовольствия, что

просто жаль прерывать ее раньше времени. Ну, трахнулись бы мы. Опыта у девочки нет, так что неземного блаженства ожидать явно не приходится. Зато она — не сомневаюсь ни на миг! — стала б ожидать, когда же прекрасный принц, вдруг не сдержавший своих пылких чувств, сделает ей предложение. Не дождавшись, засомневалась бы, столь ли он прекрасен, как ей виделось, и отношения были бы испорчены. А я хочу продлить их на максимально возможный срок. Следовательно, постель откладывается на самый конец. Никуда моя русалочка от меня не денется, это очевидно.

Вообще, даже если Оля и не прервала бы отношений, голову даю на отсечение, любовница из нее получилась бы никудышная. Не тот тип. Вот Анечка с ее пылом и отсутствием предрассудков, она да, она стоила бы потраченных усилий, а Оля... Из Оли, пожалуй, получилась бы идеальная жена. Она так вымуштрована подругой, так привыкла к послушанию, что выполняет распоряжения, редко спрашивая, зачем. Кому-то повезет! Я вообще завидую тому дураку, которому она достанется. Несмотря на переживания, русалочка хорошеет на глазах. Этот дурак будет иметь возможность наблюдать, как день ото дня, ночь от ночи наливаются ее груди, изысканней становится форма ног, как приходит к ней искушенность в любви. Только это длительный процесс, а у меня впереди всего десять дней. Я успею лишь снять сливки.

Чем приятно поражает меня русалочка, это полным отсутствием столь характерного для женщин чувства собственности на нас, мужчин. Другая на ее месте давно бы продемонстрировала всем и вся свою власть надо мною, или по крайней мере делала бы попытки, а она тихо ждет. Решать все и выбирать меру нашей близости предоставляется мне.

Только что появилась Настя, прилетевшая из Питера за телом бедного Лехи. Вот кто обожает демонстрировать власть, да и вообще полная противоположность Оле. Хотя Анечка, кстати, проявила неожиданную проницательность, заметив, что у них схожий тип внешности. Раньше я этого не

замечал, а теперь увидел. И Нинка была того же типа. Мне здорово повезло, что Настя не афишировала наше знакомство. Разумеется, дело теперь не в пари, но не хотелось бы, чтобы Оля поймала меня на лжи. Это не вяжется с моим имиджем и может мою милую дурочку сильно удивить.

17.07. Никогда еще ни одна баба так ловко не водила меня за нос, как эта так называемая дурочка! И никогда еще ни одну я так не ненавидел. Боже мой, как она притворялась! Милая, нежная, простодушная. Романтическая особа, видящая в людях лишь хорошее и не замечающая плохого. Покорное орудие в моих руках. Чтобы я еще когда-нибудь попался на подобные бредни!

Некоторые строки из этих паршивых стихов я запомнил наизусть. Если б я не носил этот блокнот с собой, решил бы, что она его читала.

«Ты уверен, что ты властен над судьбой.
Ты уверен, что ты властен над собой,
И не ведаешь, что слаб ты, как любой».

Значит, вот какого она обо мне мнения! Это еще хуже, чем если б она прочла блокнот. Она просто знает, не читая. Она видела меня насквозь, видела все мои ухищрения, и потешалась надо мной, выставив перед всеми идиотом. «Не изведай же вовек, что ты иной!» Смотрит на меня этак свысока, как на дегенеративного ребенка. Развлекайся, мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А я поверил в ее наивность, я вертел ею, как хотел, а она знала, видела и, смеясь, позволяла мне это! Ненавижу!

Впрочем, я ответил ей неплохо. До сих пор вижу ее лицо, когда я спокойно произнес: «Оля, ты хочешь что-то спросить? Нам с Настей некогда». Она отшатнулась, словно я ее ударил. А я и готов был ударить, однако словами-то куда лучше. Впрочем, она быстро взяла себя в руки. Слишком быстро для влюбленной.

Настя не оправдала моих надежд. Нет, ее эротический опыт выше всяческих похвал, и бедного Лешку она ублажала по высшему разряду, но я получил гораздо меньше удовольствия, чем в первый раз. Хотя первый раз был наспех, на кухне, а Лешик шумно развлекал гостей анекдотами в комнате за стенкой. Возможно, именно это и придавало особую остроту. Сейчас же, откровенно говоря, Настина искушенность только раздражала. Так и хотелось спросить: «А поестественней не можешь?» Но, по крайней мере, я показал этой самоуверенной девчонке, кто из нас решает и кто переживает. Попробовала бы она так же быстро найти мне замену, как я нашел ей! Возомнила, будто нужна мне больше, чем я ей — так пусть бы поглядела, что и как. Я думал об этом всю ночь. К сожалению, она не пришла на завтрак, а я так готовился к тому моменту, когда впервые встречу ее после вчерашнего! Она увидела бы нас с Настей в нежном объятии. А теперь Настя ушла по делам.

Пишу после обеда. Голова моя прояснилась, и я понял, какого свалял дурака. Какого черта я открыто оттолкнул Олю? Ладно бы, успел с нею переспать, так ведь нет! В одну минуту я лишил себя плодов усилий целой недели. Идиот! Все потому, что слишком разозлился. С женщинами никогда нельзя давать волю чувствам, надо действовать, основываясь на разуме. Я впервые нарушил золотое правило и остался в дураках. Захотелось причинить девчонке боль, а что куда больше наврежу себе, сообразить не удосужился. Теперь надо исправлять положение. А исправить его совершенно необходимо!

За обедом я посмотрел на Олю новыми глазами и понял, что раньше, полагая, видимо, ее уже почти своею, недооценивал ее. А теперь взглянул со стороны — да она удивительно хороша! На нее не обернешься на улице, но, глянув раз, будешь смотреть снова и снова, и чем больше смотришь, тем она кажется прелестней. Вспомнил даже фразу Чехова: «Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация». Оля все делает мило, мило и

просто. Она берет кусок хлеба красивее, чем другая танцует. А на лицо ее можно любоваться, не отрываясь, и оно нескоро наскучит. Как-то зимой я глянул на Неву и был поражен: несмотря на сильный ветер, лед шел в противоположную сторону. Конечно, я сразу понял, что дело в течении. Вот такое же внутреннее течение смутно мерцает в ее глазах. Ты знаешь, что там, внутри, что-то есть, сквозь полупрозрачное стекло видишь мелькание странных теней, вглядываешься в них, но дотронуться не можешь, как бы ни хотел. Когда я узнал, что сегодня она бросилась спасать мерзкого ребенка и чуть не утонула, кровь ударила мне в голову при мысли, что я никогда больше не мог бы разглядывать эти загадочные иероглифы, пытаюсь, но не надеюсь расшифровать их, уловить их смысл.

Впрочем, это ненужная лирика, это я не о том. Я только имел в виду, что девочка мне несомненно нужна. Я свалил дурака, в минутном помрачении чувств оттолкнув ее от себя. Правда, я был уверен, что она всерьез влюблена и вернуть ее будет несложно. Теперь уверенность моя поутихла. Меня терзает мысль, что я был самодоволен и слеп. А любила ли она меня хоть минуту?

Ее поведение за столом меня поразило. Я был готов ко всему. К попытке примирения. К оскорбленному молчанию. К открытой ненависти. Ко всему, кроме вежливого, доброжелательного внимания. Я искал хоть след, хоть тень обиды — нет, в помине нет! Конечно, с обидчивостью у русалочки слабовато. Света, наша соседка по столу, с тупым упорством вечно говорит ей колкости, а русалочка в ответ лишь преисполняется сочувствием к этой дуре, вот и все. Однако я надеялся, что между ее отношением ко мне и к Свете есть большая разница, и уж мое-то поведение способно ее задеть. Если б она любила меня, то несомненно задело бы, иначе быть не может. А ей хоть бы что! Спокойная, милая. Не избегает разговоров со мною, но и не поощряет их. Будто я — это, например, Леша, который даром не нужен, но не хочется откровенно обижать. И вот я сижу и думаю — а с чего я так уверился, будто она в меня

влюблена? Что ходила со мной гулять? А почему бы покладистой девочке не пройтись по парку с соседом. По выражению глаз? Такие уж глаза дала ей природа, при чем здесь я? По словам? Да ничего особенного она не говорила. Была добра ко мне по причине доброго сердца, не более. Неужели я принимал желаемое за действительное и выдумал то, чего в помине нет? Не верю! Я никогда не был дураком. Что же, она просто настолько владеет собой? Опять немислимо.

Пишу после ужина. Все мои попытки вернуть утраченный контакт словно разбиваются о стену. Раньше в моих руках была мягкая глина, способная принимать любую желаемую мне форму, а теперь... теперь — упругая резина, не оказывающая сопротивления, однако моментально возвращающаяся в исходное положение, стоит ее отпустить. А ведь с подругой она по-прежнему податлива и покорна — до противности, я бы сказал. Отвратительно, когда один человек позволяет себе так нагло командовать другим человеком, да еще человеком, который в сто раз выше тебя и неизмеримо тоньше чувствует. Аня распоряжается, словно своею собственностью, а меня при виде этого трясет от злости. Какое она имеет право, эта примитивная, хитрая, нахальная девица? Она упорно приставала ко мне с дурацкими вопросами, но я умею ставить подобных особ на место, и пыл ее быстро поугас. Кстати, вопросы касались моих отношений с Лешей. Неужто она догадалась, что мы знакомы? Похоже, она вообще не верит в официальную версию убийства. Интересно, есть ли основания?

Ночь. Только что видел Олю. Она стояла на крыльце, освещенная луной, в халатике, из-под которого нелепо торчала ночная рубашка. Черт нашептал мне, что под рубашкой ничего нет, и меня охватило такое желание, какого я не испытывал уже давно. Казалось бы, ночь с Настей должна была утихомирить страсти — фиг вам! Я никогда не мог понять насильников, был уверен, словить от этого кайф может лишь психически больной, без ответного желания женщины на кой она мужику нужна? А тут впервые понял.

Голова кружилась, язык присох к гортани, и сам не знаю, как я сдержался. Наверное, удержала мысль, что после этого я потеряю девочку навсегда. Навечно. А она стояла, ничего не ведая, спокойная и вежливая. Она сочиняла стихи, я ей мешал, но она стеснялась прогнать меня прочь. Я ушел сам. А теперь в мозгу почему-то всплыли Лермонтовские строки о русалке, заученные когда-то в школе и с той поры не востребуемые.

«В море царевич купает коня;
Слышит: „Царевич! Взгляни на меня!“
Слышит царевич: „Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царвною ночь?“
Мыслит царевич: „Добро же! Постой!“
За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна;
Плачит и молит и бьется она».

А дальше, вырванная из родной стихии, русалочка погибла — по-моему, так?

«Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!»

Записываю эти стихи не потому, что они имеют какое-то отношение к ней или ко мне, а в надежде от них отвязаться. Лежу, а они бьются в мозгу и мешают заснуть. Бред какой-то, честное слово!

18.07. Разговоры за завтраком навели меня на мысль о Леше и о его смерти. Оказывается, я не думал об этом всерьез. То есть о самой смерти, разумеется, не мог не думать, а вот причиной ее интересовался мало, увлеченный собственными заботами. А теперь вот этот разговор не дает мне покоя — возможно, потому, что в нем участвовала Оля.

Ее слова натолкнули меня на странное противоречие. Надо позвонить в Питер и все выяснить.

Позвонил, но разговор оказался не телефонным. Выясним все при личной встрече. Впрочем, я же пишу не об этом. Хотелось бы знать, откуда у меня такой страх перед браком? Чего в нем такого уж отвратительного? Предположим, женился бы я на Оле. Что я потеряю? Свободу? Ерунда. Она не способна командовать, она будет подчиняться, да еще с восторгом — я же вижу их отношения с Аней. Предположим, рано или поздно она мне надоест. Так я убежден, стоит мне намекнуть, что не люблю ее, и она моментально уйдет, не требуя ни квартиры, ни машины, ни денег. Уйдет и не станет мне докучать никогда, это точно. То есть ничего необратимого в браке нет. Пока нужна, будет рядом, надоест — исчезнет. Она ненавязчива и не склонна к проявлению инициативы. Я бы сказал, она отвечает на мои желания, отставая на полшага, а не пытаюсь опережать их. То есть отвечала до разлада. А что я приобрету? Она будет жить в моем доме и делать то, что я хочу. Даже не верится, что существо русалочьей природы будет жить в моем доме и станет полной моею собственностью, и тем не менее это так. Если уж Оля согласится, то полумер не будет, я знаю. Разумеется, поначалу она не слишком-то сумеет вести хозяйство, однако быстро выучится и освободит меня от этой тягомотины. Она девочка ответственная и добросовестная, она постарается. Это тоже плюс.

Какие минусы? Вероятно, от брака меня отвращала скука. Женщина по природе своей существо примитивное, разгадать ее не стоит труда, поведение ее определяется инстинктами, поэтому предсказуемо и однообразно. Терпеть изо дня в день подобное рядом с собою — никакие нервы не выдержат. Недаром все женатые либо ходят на сторону, либо не в себе. Но тут мне повезло. В конце концов, из любого правила есть исключения. Да, в Оле есть некая предсказуемость, которую я бы скорее назвал надежностью, но это то, что на поверхности. А течение, которое в глубине, вряд ли когда-нибудь будет мне до конца доступно и нескоро

наскучит. Минус состоит только в том, что придется делать вид, будто люблю ее. Мне кажется, это не составит большого труда, а будет даже приятно. Надо обдумать это.

И — отдельно последняя фраза, написанная наискось и небрежно. «Это действительно не составит большого труда. Похоже, я люблю ее. Во кретин, да?».

Я подняла голову. Солнце пекло всюду, разгорался день. Еще немного, и на самолет я бы опоздала. Я побежала на базу, блокнот лежал в сумке и жег мне сердце. Что пережила я, читая, пусть останется тайной. Одно могу сказать точно — я не стала любить Митю меньше. Я любила его с прежней силой, с прежним жаром всей моей души. Он был мертв, но его голос только что говорил со мною. Несмотря ни на что, нас объединяло родство душ, и в те минуты, когда я сидела за столом напротив него, восхищалась его красотой и терзалась его равнодушием, он, сидя напротив меня, испытывал те же самые чувства. Это было больно и прекрасно.

Глава 29. Дома

Родители встретили нас, потрясенные, и лишь пеняли, что мы не вернулись домой после первого же убийства. Состояние Бэби расстроило их, однако не слишком удивило. Я объяснила, что убитые успели стать ее хорошими друзьями. Бэби всегда легко и быстро сходилась с людьми.

На следующий день я отправилась в Лешин офис, адрес которого предусмотрительно узнала у Толика. У входа стоял охранник. Я спросила Руслана Касимова, и меня провели в кабинет.

— Оля? — удивился Руслан. — Никак не ожидал тебя здесь увидеть. Ты чего не на юге?

— Митя погиб, — тихо сказала я.

— Как? Не может быть! Представляю, каково тебе, бедненькой! Как же это произошло? Я так тебе сочувствую!

Я пожала плечами. Меня охватила обычная при общении с Русланом неловкость. Вроде бы, он вел себя правильно, а что-то смущало меня постоянно.

Я спросила:

— А как дела у вас?

— Ужасно, — вздохнул он. — Настю арестовали.

Пришел мой черед ахнуть.

— Когда? Почему?

— Сегодня утром. Уверяют, будто она... будто она убила Петра и Лешу. Невероятно, невозможно!

— А почему... почему уверяют?

— Ну, — неохотно поведал Руслан, — милиция узнала, что она была в Адлере в те дни, когда это случилось. Билеты ведь на самолет именные, ты знаешь. Отрицать было бесполезно.

— Мало ли, где она была, — возразила я.

— К сожалению, есть еще причины. Кинжал, которым убили Петю, из ее коллекции.

— Подожди... какой еще коллекции?

— Настя собирает коллекцию холодного оружия. Не любого, разумеется, а дамского и дорогого. Кинжал уникальный, второго

такого не найти. Вот такие у нас дела. Голова кругом!

— Да, — кивнула я.

— Но я не верю, что это она! — вскинулся мой собеседник. — А даже если и она, так она имела право! Учитывая, как он с нею обращался, она имела полное право, и ее должны оправдать!

— А с нею можно повидаться? К ней пускают?

Руслан опешил, смолк, потом заметил:

— Нет, что ты. Разве что адвоката. Я собираюсь нанять ей самого дорогого адвоката. Мы выработаем линию защиты, и ее оправдают, я уверен. А я вот вожусь с накладными. Черт ногу сломит! Никогда не думал, что у Леши такой бардак. А начинаешь сводить концы с концами, так везде глубокий минус. Процветающая фирма, а по бумагам впору пускать с молотка. В общем, тону в делах!

Он указал на стол, заваленный бумагами, и я, оценив намек, решила удалиться. В последний момент, когда я уже встала, у меня вырвалось вдруг:

— Ужасно жаль ее, Руслан! Ей, наверное, тяжелее в тюрьме, чем было бы нам. Она привыкла к роскоши.

На миг лицо его приобрело странное выражение, словно говоря: «Кого ты решила провести, девочка?» Но тут же сложилось в скорбную гримасу, и я не была уверена, что мне не привиделось.

Дома трезвонил телефон, и в трубке я услышала задыхающийся восторгом голос Толика Савченко.

— Оля, я в Питере, представляешь? В командировке! Классно, да?

— Замечательно, — согласилась я. — Тебе есть, где жить?

— Да, в общежитии. Я очень хочу с вами встретиться. С тобой и с... — он замялся, — и с Аней. Это можно?

— Даже нужно. Но до этого я хочу попросить тебя об одном одолжении. Мне надо поговорить с Анастасией Крыловой.

— Но она... она же задержана! — ужаснулся Толик.

— Именно поэтому я и прошу тебя о помощи. Ты обратишься к здешним коллегам, и они не откажут. Это ведь ты нашел против нее улики, так неужели не имеешь права на такую мелочь? Тебя даже в командировку сюда прислали, потому что без тебя не обойтись. Ты главный! Если ты велишь, они не станут возражать. Я же поговорить хочу, а не вывести ее подземным переходом на волю. И пусть кто угодно присутствует и слушает.

Моя убежденность подействовала. Через полтора часа я сидела напротив Анастасии и с ужасом на нее смотрела. Выглядела она ужасно. Размазавшаяся косметика придавала ей вид нелепого клоуна.

— Пришла позлоствовать? — резко засмеялась она, узнав меня. — Довольна?

— Настя, — сказала я, — как ты могла убить Митю? Как у тебя повернулась рука... после всего, что было...

— Еще и Митю? — с ненавистью спросила она. — А может, еще кого? Может, всех, кого когда-нибудь зарезали? Всех я, да? Других забот у меня нет! Но Русланчик меня вытащит, я знаю. Он сам сядет, а меня спасет!

— Он собирается нанять самого дорогого адвоката, — согласилась я.

— Да? — жадно осведомилась она. — Ты его видела? Как он? Переживает? Думает обо мне день о ночь? Собирается мне помочь? Он должен, должен!

— Должен. Ведь это он позвонил тебе и предложил приехать, так? Из-за меня?

— Мужчины иногда ведут себя, как круглые идиоты! — гневно выкрикнула Анастасия. — Как идиоты! Эти идиоты считают, что я убила Лешу из ревности. Из ревности к тебе, представляешь! Вот и пусть на тебя теперь посмотрят, пусть подумают! На тебя и на меня.

Она немного успокоилась, нервно хихикнула:

— Я как тебя увидела, обалдела. И Русланчик всерьез уверял, что Лешка готов на тебе жениться, хи! Я что, не знаю собственного мужа? Да он с такой, как ты, на люди-то показаться побрезгует. Грудь нет, ноги тощие, рожа ненакрашена, одета, как из помойки. Нет, трахнуть пару раз он мог даже такую, он у меня великий трахальщик, только мне с того ни жарко ни холодно. Денежек ведь он за это не платит! А Русланчик заладил: «Леше она нравится, это будет всерьез!» Из-за него, кретина, я и не улетела сразу, а торчала там несколько дней. Сам, небось, просто внушил себе, потому что надеялся, я за него тогда выйду. Нашел дуру! За нищего-то!

— Леша, видимо, тоже был небогат, — сообщила я. — Руслан уверяет, что по бумагам фирму впору пускать с молотка.

— Ерунда! — твердо возразила Настя. — Не знаю, что по бумагам, я в них не разбираюсь, но денег там вертелось немеряно, и

они приносили хороший доход.

Она даже оживилась и похорошела при мысли о деньгах, немного напомнив красавицу недавних дней. Боже мой! Она ведь не провела здесь и суток, а как переменялась! Она не привыкла к неприятностям и не умеет обращаться с ними.

Я вспомнила:

— А пари?

— Какое пари?

— Леша с Митей.

— А при чем тут пари? И вообще, — вдруг сообразила она, — чего ради я вообще должна с тобой разговаривать? На кой черт ты пришла?

— Чтобы помочь тебе выйти отсюда, — ответила я. — Только расскажи мне правду, и я помогу. Так что было с пари?

Анастасия недоуменно пожала плечами, однако покорно пояснила:

— Ну, поспорили они с Митькой, изменился Лешка или нет. Ну, Русланчик говорит: «А вам надо поехать куда-нибудь вместе и посмотреть». Ну, Митька вспомнил про эту вонючую турбазу. Вот и все. Лешка азартный, его на пари подбить — плевое дело. А что?

— Пока не знаю, — честно сообщила я. — Так ты не убивала их, правда?

— Посмотри на себя в зеркало, дура, — беззлобно предложила она. — Из-за тебя, что ли? Где я сразу найду другого, как Лешка? Русланчику только кажется, что он сможет вести его дела, но он быстро все завалит. Он хоть и умный, а у него нет того в голове, что у Лешки было. Почти ни у кого этого нет. Такой доход, как Лешка, мне больше никто не сделает. Обдерут, как липку, обманут! А проследить трудно, я ведь в делах мало смыслю. Лешка подложил мне такую свинью...

Время, отведенное нам, истекло.

— Нет! — закричала Настя, хватаясь за косяк. — Я не хочу туда, не хочу! Не надо!

Ее потащили силой. Жалость сильной рукою пронзила мне сердце, но поделаться я ничего не могла.

Оживленный Толик ждал в соседней комнате.

— Сейчас мы поедem к Ане, — обрадовала его я. — Правда, эти убийства совсем ее доконали, она жутко переживает, за меня, и за всех. В общем, ей плохо. Но надо выводить ее из этого состояния.

Я понадеялась, что Толик, пышущий энтузиазмом, сделает это лучше меня. Правда, когда я позвонила Бэби и предупредила о нашем приходе, она холодно бросила:

— Не хочу.

Но я велела ей не быть врединой, человек специально прилетел, и все такое. У нее, бедной, не было сил спорить. Кстати, про блокнот я ей так и не сказала — не поворачивался язык, и все тут!

Глава 30. Разгадка

— В общем, девчонки, дела идут отлично, — радостно отрапортовал Толик, едва мы остались втроем. — Крылова задержана. Мотивов у нее — воз и маленькая тележка. Во-первых, она наследница, а Крылов был жутко богат. Во-вторых, он с нею плохо обращался. Касимов проговорился, да и сотрудники подтвердили. Ни одной юбки не пропускал, кобель! А за нею следил — ого-го! Она у него по ниточке ходила, ни на сторону посмотреть, ни покутить. Ему все можно, а ей ничего.

На счет ее верности я могла кое-что сказать, однако воздержалась. Толик бодро продолжал:

— А тут еще, извини, ты, Оля. Все говорят, Крылов за тобою бегал. Вот она и переполошилась. Касимов позвонил ей и сообщил о тебе, он признался нам, когда приперли. Она взяла свой кинжальчик и полетела. Посмотрела на тебя, все поняла и прирезала бедного, а кинжальчик бросила в туалет. Только по ошибке прирезала-то не того! А Крылову все нипочем — еще больше за тобой ухлестывает. Она достала другой ножик и опять прирезала, и наутро улетела обратно, чтобы в тот же день вернуться в облике безутешной вдовы. Поначалу ей здорово повезло, что нам попались под руку эти двое местных. На нее и не подумал никто! Но потом я во всем разобрался. Что касается Гагарина, там дело тонкое. Я поднял документы, ни Крылова, ни Касимов билетов на тот день не брали. Только можно ведь и воспользоваться чужим паспортом, это не проблема.

— Вот именно, — кивнула я. — Почему же этого не сделала Анастасия, отправляясь на убийство? Она ведь не могла знать, что вам подвернутся двое местных и ее вы проверить не станете. При нормальном развитии событий именно она попала бы в первые подозреваемые, правда?

— Значит, она сперва не собиралась убивать. Полетела разведать ситуацию, испугалась и убила. По наитию.

— Тогда зачем взяла с собой кинжал?

— На всякий случай. Откуда я знаю? Это мелочи.

— Я говорила с ней сегодня, Толик. Она не убивала.

Бэби подняла голову, и я повторила:

— Она не убивала, я уверена в этом. Она не считала меня серьезной соперницей и была совершенно права. Она, конечно, не гений, но достаточно умна, чтобы не делать явных глупостей и не навлекать на себя подозрений таким идиотским способом, как взятый из собственной коллекции кинжал и демонстративно тайный прилет. К тому же она понимает, что после смерти мужа доход от его бизнеса резко уменьшится, а деньги для нее — все. Ей плевать на измены мужа, ее волнуют деньги. Толик, ты должен обязательно показать работникам аэропорта фотографию Касимова! Он покупал билет по другому паспорту, но он летал в Адлер и убил Митю, я знаю. Проверь, наверняка Касимова в тот день в Петербурге никто не видел и никто не знает, где он был. Утром Митя позвонил ему в Петербург и назначил встречу в своем любимом месте, у той самой пропасти. Касимов прилетел и столкнул его, потому что Митя о многом догадался! Я уверена, ты найдешь в аэропорту человека, который опознает Касимова, а еще ты найдешь, у кого Касимов покупал второй нож, и все в милиции будут просто поражены! Ты утрешь им всем нос.

— Касимов? — удивился Толик. — А что Касимов? Он влюблен в Крылову. Он ее покрывает.

— Так покрывает, что засадил в тюрьму, да? Он ведь выдал все, что мог — якобы проговорившись. И про ее прилет, и про плохие отношения с мужем, и про то, чтоб она сведуща в анатомии. Делая вид, что влюблен, он сделал из нее козла отпущения. Почему бы и нет — ведь у женщины нет души, она — орудие для мужчины.

— Но зачем ему? Какая выгода?

— Огромная! Крылов был несметно богат. Да, все наследует жена, а у Руслана жалкие пять процентов. Зато он прекрасно разбирается в делах, а она нет. Леша был рискованный, не сомневаюсь, большинство операций проводились незаконно и правильно не оформлялись. Теперь Руслан утверждает, что фирму впору пускать с молотка. И пустят, а он приобретет за бесценок, и сохранит все прежние связи, весь нелегальный оборот, который и приносит доходы! Останься Анастасия на воле, она бы требовала свою долю, деньги — ее больной вопрос. Но Руслан одним махом избавляется и от мужа, и от жены. Раз — и стал миллионером, хозяином себе самому, а не шестеркой при Леше. Леша обращался с ним не лучше, чем с женой, я видела.

— Подожди, — прервал меня Толик, — но зачем ему убивать на турбазе? Ему гораздо удобнее было сделать это в Питере! Нанять киллера, и нет забот.

— Вот именно! — вскричала я. — Если б Лешу убили в Питере, первым пришедшим в голову мотивом был бы бизнес, а первым подозреваемым — Руслан. Жену бы тоже подозревали, но меньше, чем сейчас. Основной уликой сейчас стали ее тайный прилет и кинжал, ведь так? И еще я. Всего этого не было бы в Питере. Зато Руслан знал, что Леша бабник, и не сомневался, что на отдыхе он тут же кого-нибудь найдет. Причем отдыхать надо было отправиться не на Канары — туда увязалась бы и Анастасия, и номер бы не прошел — а в какую-нибудь дыру, которой она побрезгует. Вот Руслан и подстроил пари, завел и Митю, и Лешу, и навел их на нужную мысль. Потом стащил у Анастасии кинжал и полетел с Лешей отдыхать. Сразу подвернулась я. Руслан принялся провоцировать ситуацию, прося меня быть с Лешей поласковой, а сам позвонил Анастасии и вызвал ее. В тот же вечер он совершил убийство ее кинжалом — но по ошибке убил не Лешу, а Петю. Посмотрев на меня, Анастасия не сочла меня достойной внимания и собиралась улететь, но Руслана это не устраивало, так как Леша был еще жив. Он уговорил ее остаться, а сам убил Лешу. Вот и все.

— Не сходится, — заметил Толик. — Если он хотел ее подставить, почему выкинул кинжал? И при чем тут двое местных?

— С кинжалом просто. Если б гениальная мысль обшарить туалет не пришла в голову мне, ее подсказал бы он. А с местными сложнее. Руслан хотел как можно больше запутать ситуацию, чтобы отвлечь мысли милиции от бизнеса и направить их на любовную почву — то есть к Анастасии. Зная отношение Леша ко мне, он не упустил случая спровоцировать его на открытое проявление чувств. Встретил случайно двух местных шестерок и уверил их, что мы с Аней — шлюхи. Ведь парни именно так вам заявили, да? Сам Руслан сообщил нам куда более смягченный вариант, и мы поверили Руслану, а не им, но правы-то они.

— Но зачем тогда он вообще признался, что говорил с ними? Должен был скрывать для безопасности.

— А они возьмут да его опознают, или кто-то видел их вместе. Нет, безопаснее всего сообщить нечто, максимально приближенное к

действительности. Руслан знал, что Леша неподалеку и что он не позволит меня оскорблять, к тому же азартный и заводной. Руслан притаился и с удовольствием смотрел на драку, после которой все убедились, что Леша ко мне равнодушен.

— Но была ведь и Ирочка, — это голос Бэби, такой милый и родной. — С ней у Леша была явная связь. Удобнее было использовать ее, а не тебя.

Сердце мое радостно забилося. Впервые с того самого дня Бэби сказала что-то по собственной инициативе, а не по необходимости!

— Во-первых, Ирочка замужем, а я свободна, а Анастасию мог взволновать только возможный брак, а не связь. Ее же интересовали деньги! А во-вторых, Руслан знал, что Леша относится ко мне серьезно, он узнал это раньше, чем Леша начал крутить с Ирочкой, поэтому сразу и настроился на меня, а не на нее. Да и вообще, главное для Руслана было — отвлечь на будущее внимание от Лешиного бизнеса и, соответственно, от себя. Он спровоцировал драку. Потом местные убежали, встретив по пути Митю. Митя еще спросил нас, кто это, помнишь? А потом пришел Руслан, якобы с противоположной стороны, и тоже спросил, почему это мимо пробежали те двое парней, с которыми он недавно о нас с тобой разговаривал. Я еще удивилась: оба задали фактически одинаковые вопросы! Я правильно удивилась! Не могли эти двое убежать сразу в две противоположные стороны, понимаешь? Либо их встретил Митя, либо Руслан. Ты помнишь, в последний день, за завтраком, я подробно вспоминала этот эпизод, и Митя нахмурился и решил позвонить в Петербург? Он позвонил Руслану, чтобы выяснить этот вопрос. Но не верил всерьез в его виновность. Трудно вот так вот взять и поверить! Руслан сказал, что разговор не телефонный и что прилетит, чтобы объяснить все лично. Возможно, намекнул, что подозревает Настю и пытается ее спасти. А сам убил Митю. Столкнул в пропасть, когда Митя повернулся к нему спиной. Подло и отвратительно!

— То есть Касимов не рассчитывал, что мы заподозрим тех парней в убийстве? Он хотел только драки? — уточнил Толик.

— Конечно! Он не мог рассчитывать, поскольку до некоторой степени это произошло случайно. Случайно встретил парней и решил укрепить с их помощью свои позиции, вот и все. Те могли бы вообще не обратить на нас с Аней внимания — ну, и ничего страшного, нашел

бы другой способ показать всем, что Леша влюблен. Потом случайно убил вместо Лешки Петю, и акцент в расследовании сразу из-за этого сместился. Но когда парней арестовали, не мог же Руслан заявить: «Обратите-ка лучше внимание на вдову второго из убитых, крайне подозрительная личность!» Особенно учитывая, что изображал влюбленного! Но надеялся, что рано или поздно на нее внимание все-таки обратят. Как оно и вышло. Вот и все.

— Сволочь, — тихо и внятно произнесла Бэби. — Настоящая сволочь!

Я кивнула.

— Но девчонки, — растерянно заметил Толик, — это же одни рассуждения. Фантазии. Доказательств-то нет! Против Крыловой хорошие улики — кинжал, тайный прилет. Мотивы у Касимова не менее крепкие, тут я согласен, а с уликами слабовато.

— Во-первых, — пояснила я, — ты и у него тоже обнаружишь тайный прилет. Да еще и по чужому паспорту! Это тоже будет улика.

— Да, но убийство Гагарина ничем не доказано. Это был несчастный случай, и майор станет за него держаться. Кому охота вешать на себя глухарь?

— А если не глухарь? Если предположить... — я ненадолго смолкла и вдруг решила, — если предположить, что я нашла Митину записную книжку. Дневник, одним словом! Руслан его как-то видел и вспомнит о нем, если подсказать. А в дневнике подробно расписаны подозрения против Руслана и рассказано о назначенной встрече. Это ведь будет уликой, да?

— А где блокнот? Ты должна отдать его мне!

— А если мне пойти к Руслану и изобразить шантажистку? — не позволяя никому опомниться, предложила я. — С диктофоном в сумке. Он испугается и попытается меня прикончить. Раз он поступил так с Митей, значит, захочет и со мной. Это станет настоящей уликой, правда?

— Посмотри на себя в зеркало! — искренне засмеялся Толик. — Ну, какая из тебя шантажистка?

Поскольку совет был дан мне за последние часы дважды, я посмотрела. Нет, Анастасия неправа, я вовсе не уродина. Не красавица, конечно, но глаза действительно необычные. Я внимательно взгляделась и сказала:

— Да, с шантажисткой не выйдет. Наверное, разумнее всего изобразить круглую дурочку, да? Этот будет тот самый наиболее приближенный к действительности вариант.

Руслана мой приход явно удивил.

— Случилось что-то еще? — не очень вежливо поинтересовался он.

Я села у самой двери. За дверью находилась секретарша, и это немного взбадривало.

— Нет, — неуверенно сообщила я, — не совсем. Просто я приходила вчера, чтобы спросить одну вещь, но не спросила. Ты сказал мне, что Петю с Лешей убила Настя, поэтому я не спросила. А теперь вот думала всю ночь... все-таки нужно спросить. Я ведь могу чего-то не понимать до конца. Если б было точно известно, что убила она, это одно, а вдруг нет? Тогда совсем другое.

— Не волнуйся так, бедная, — улыбнулся Руслан, придвигая ко мне свой стул. — Что ты хотела спросить?

— Митя вел дневник, — выпалила я. — В такой черной записной книжке. И я ее нашла.

— Где?

— Там, на обрыве, где его убили.

Слово «убили» прошло совершенно незамеченным, оно Руслана не удивило.

— Значит, дневник. Ну, и что там? Я понимаю, что ты имеешь в виду. Это не совсем дневник. Это скорее фантазии. Фантазии на разные темы. Их нельзя принимать за чистую монету.

Я мрачно встала:

— О женщинах, в основном.

Собеседник глянул на меня с обострившимся интересом. Да, он ведь наверняка в курсе прошлых походов и смаковал их вместе с автором!

— О женщинах, — кивнул он. — Но только при чем тут я?

— Там есть и о тебе. Я не все поняла. Он почему-то решил, что ты имеешь отношение к убийствам и что-то знаешь о них. Он подробно про это пишет, но там рассуждения, а я не умею в них разбираться.

— Но ты, наверное, показала блокнот своей подружке, и она тебе помогла?

— Нет, я не хочу. Там есть про меня, поэтому не хочу. Только без нее я не привыкла, я не понимаю ничего и не знаю, как быть. И в то же время я бы ни за что не хотела никому его показывать, там есть такие вещи! И я бы никому не показала, если б твердо знала, что убила Настя. Ведь ее все равно посадили и осудят, так зачем милиции теперь блокнот, правда?

— Ну, разумеется, незачем. Это личный дневник, милиции нет до него никакого дела. При чем здесь милиция?

— Не знаю, но, наверное, положено отдать. Руслан, а Митя звонил тебе в день своей смерти?

Тот помолчал, кусая красивые губы. Он ведь не знал, что о чем написано в блокноте, а о чем нет.

— А почему ты спрашиваешь?

Я была дурочкой, и потому пришлось ответить.

— Он пишет, что звонил. Там не фантазии, Руслан, там правда. Я ведь читала, много раз читала! Я теперь всегда ношу его с собой!

И я крепче прижала к груди сумку.

— Да, он действительно позвонил и сказал примерно то же, что сейчас сказала ты. Он решил, я знаю что-то об убийствах.

— И вы договорились, что ты в тот же день прилетишь к нему, и вы встретитесь у ущелья.

— Ну, это не совсем так, — оживился Руслан. Очевидно, он успел продумать стратегию поведения. — Я сказал, что прилечу, если будет смысл. Обдумал и понял, что смысла нет. И не полетел. Мы не встречались с ним, Оленька, хотя он, возможно, меня и ждал. Он ведь не пишет, что мы встретились, правда?

Действительно, Руслан понимал, что встреча описана быть не могла. У Мити не было физической возможности ее описать!

— Правда, не пишет, — обрадовалась я.

— Вот видишь! Так что ничего интересного для посторонних в блокноте нет.

— Не знаю, — я растерянно пожала плечами. — Там про драку... вернее, не драку, а как ты и Митя пришли после этой драки и что сказали. Почему-то он даже подчеркнул это чертой. Мне кажется, он немного подозревал тебя. Но тебе вроде бы незачем убивать Лешу, да? Ты всегда так о нем заботился. Не то что она! Она удивительно бездушная, и она изменяла ему!

Я вдруг вспомнила взгляд, брошенный на меня Русланом накануне, и поняла, что, по его меркам, я должна Анастасию ненавидеть и желать ей всяческого зла.

— Просто она не могла больше терпеть, и я могу ее понять, Оленька. Ты же помнишь Лешу! Он не был хорошим мужем. Это между нами, но я уверен, его убила она. Я не собираюсь никому в этом признаваться, но сам я уверен, и Митя понял это. Именно об этом он и собирался поговорить. Но я не хотел выдавать ее, поэтому не полетел в Адлер. Только ее все равно арестовали и, конечно, осудят. Если в блокноте есть нечто, навлекающее подозрения на другого человека, улики против нее станут менее весомы, и, возможно, срок ей дадут меньше. Хотя это не отменит того факта, что убила она.

— То есть все-таки есть смысл отдать блокнот милиции? — наивно уточнила я.

Руслан вздрогнул, и на лице его отразилась ненависть. Он-то ожидал противоположного эффекта! Впрочем, ненависть промелькнула быстро, сменившись сочувствием.

— Решай сама. Но ты должна понять, что тебя станут расспрашивать про все, что там написано... подробно... о ваших личных отношениях, понимаешь? Они ведь были довольно сложные. Это будут обсуждать и мусолить у всех на виду. А что это даст? Разве что дополнительно навлечет подозрения на невинных людей. Ты ведь не хочешь, чтобы пострадали невинные люди?

— Не хочу, — неуверенно согласилась я. — Наверное, не стоит отдавать его милиции, ты прав. Я все-таки покажу его Ане. Там есть такие моменты, где я вообще не понимаю, что к чему, а Аня умная, она поймет. К тому же она дружит с лейтенантом из Адлерской милиции, а он как раз сейчас здесь, в случае чего он поможет. Спасибо тебе за то, что успокоил меня! По крайней мере, я теперь знаю, что в Адлер ты не летал. До свидания.

Я мгновенно распахнула дверь и вышла. Руслан вышел за мной. Секретарша удивленно подняла глаза.

— Давай я провожу тебя, — предложил он. — Заодно сам прогуляюсь, я жутко устал.

Мы пошли по улице.

— Вот так будет короче, — заметил мой спутник, сворачивая в проходной двор. Сердце мое забилося с удвоенной силой, но я была

дурочкой, я не должна была возражать.

Не стану описывать, что было дальше. Я не умею описывать драки. Трудно сказать, хотел ли Руслан лишь отобрать сумку, считая, что без дневника я не сумею ничего объяснить, да никто мне и не поверит, или намеревался на всякий случай меня прикончить. Не удалось ему это, и слава богу! Толик со своим напарником, таким же молодым и рискованным, подоспели вовремя. У меня странный характер! Когда все закончилось и нечего стало больше бояться, я решила поплакать. Стою и реву прямо около вонючей помойки.

Напарник усадил Руслана в машину, а Толик все еще был тут, не в силах отклеиться от Бэби. Бэби, разумеется, тоже была тут.

— Прекрати реветь! — возмущенно прикрикнула она. — Совсем меня доконаешь! Господи, и как я только позволила тебе в это связаться! Помрачение ума нашло, честное слово! Легче самой передушить дюжину убийц, чем переживать за тебя. Меня из-за тебя чуть инфаркт не хватил, а ты еще реवेशь! Хочешь, чтоб меня увезли в больницу?

Я не хотела. Слезы потихоньку исчезли.

— Оля, — просительно обратился Толик, — ты нам очень помогла, и все такое. Мы нашли свидетеля того, что Касимов летал в Адлер, да еще под чужой фамилией. Он доставал билет через знакомую кассиршу, из брони, потому что вылететь требовалось в тот же день. Теперь Ильин всерьез займется поисками магазина, где Касимов купил второй нож, и найдет, конечно, ведь Адлер не такой большой город. И, самое главное, у нас теперь есть запись с диктофона. Улик вполне достаточно! Но блокнот ты все-таки должна нам отдать. Это необходимо.

— Какой блокнот? — изумилась я. — Ты о чем?

— О дневнике Гагарина, — растерялся мой собеседник. — Про который ты говорила.

— Так его же не было! — объяснила я. — Я выдумала его, понимаешь? Мы взяли Касимова на пушку, а никакого дневника просто нет. Хочешь заглянуть в мою сумку?

— Нет, подожди... серьезно? Ты серьезно?

— Ну, конечно. Откуда ему вдруг взяться? Он — моя выдумка, вот и все.

В этот момент я услышала искренний, безудержный смех. Смеялась Бэби. Она делала это впервые с того самого страшного дня.